

Вадим Булаев.
Зюзя.
Книга третья

Глава 1

...– Ты бы к Ольге сходил. Она скучает, наверное.

Ничего не отвечая, я потянулся до хруста в костях, весело посматривая в окошко на свежее майское солнышко. Хороший сегодня день будет – тёплый и не слишком жаркий. Всю последнюю неделю лили дожди, делая дороги совершенно непролазными и чуть ли не со скоростью бамбука гоня вверх разнотравье.

Неторопливо вышел на крыльцо вагончика, спустился на землю, помахал руками, имитируя зарядку и приступил к обязательным гигиеническим процедурам. Для начала храбро окатил свою светлость крепко подстывшей за ночь водой из собственноручно построенного душа; затем, плюясь и чертыхаясь, приступил к остальным обязательным для всякого уважающего себя мужчины священнодействиям – бритью и чистке зубов. За последним следил особенно. Стоматологов сейчас нет, а жевать чем-то надо.

Закончив, растёршись докрасна полотенцем и натянув штаны, уверенно направился к маленькой, но вполне достойной печке под навесом, сделанной тоже своими руками. Я же строитель, как– никак! Могу! Почти всё прошлое лето провёл с инструментом, собранным по окрестным пустым деревням. Утеплял, подлатывал, подправлял, обживался...

Разумная не отходила, постоянно норовя попасться на глаз и вытянуть из меня ответ. Неделю зудит... Успокоиться всё не может.

– Витя! Помиришь с ней. Она – хорошая женщина. Плохо жить без самки, – вбила Зюзя, как ей казалось, самый сильный аргумент в моё отмалчивание.

Снова делаю вид, что пропустил её реплику мимо ушей. Знаю – только отвечу – и начнётся... Подруга в вопросах продолжения рода стала словно заботливая мама, больше всего на свете мечтающая понянчить внуков. Настырная и упорная. Женись – и никаких гвоздей!

Есть! Есть у меня аргумент, против которого ушастой крыть нечем. Но он на самый крайний случай, когда уж совсем немоготу станет. Так что пока держу его при себе.

Зажёг огонь, поставил кастрюлю.

– Сегодня на завтрак суп! – радостно объявил во всеуслышание. – Вку-у-у-сный...

– Ты мне не ответил! – уже недовольно зазвенело в голове. – Я хочу поговорить с тобой!

– Тебе как лучше? – проигнорировал я её речь снова. -- Погуще или жидкий сделать?

Зюзя от злости зарычала, произвольно демонстрируя внушительные клыки.

– Ты не сможешь всегда прятаться от людей. Мы – разные. Тебе нужна человеческая семья и потомство! Я не требую от тебя бросить нас, но с Ольгой ты должен поговорить! Ты её обидел?! Отвечай!

Ну, всё! Добилась своего! Достала!

– Зюзя! Отвяжись! Она сама меня прогнала и наговорила кучу неприятных слов! Пусть живёт, как хочет! И давай закроем тему!

Но разумная и не думала так быстро сдаваться.

– Это не важно. Женщина сказала тебе глупости, не желая обидеть. Не спорь, я знаю!
– предупредила доберман мою гневную отповедь. – Ты ей нравишься, только она боится потерять свободу.

Вот ведь неугомонная! Понимаю, что она обо мне заботится, однако как эти матримониальные попытки наладить мою жизнь в соответствии со своим пониманием допекли!

– Я подумаю, – попробовал свести в плоскость недосказанности нашу утреннюю беседу, но ушастая оказалась не так проста.

– Вчера я это уже слышала. Как долго ты будешь думать?!

Ох и липучка...

...Ольгой звали одну весьма миловидную и в какой-то мере одинокую женщину из ближайшего фортика, что расположился километрах в двадцати от базы. Как это поселение в своё время не обнаружила доберман – не понимаю. Видимо, простая случайность.

Недалеко ведь совсем, а если на лыжах или велике – то по сегодняшним меркам, вполне близко. Познакомились мы около года назад, обыденно, на улице, когда я впервые пришёл к «соседям» поторговать и так... прояснить обстановку.

Понравилась мы друг другу сразу, даже мою повязку на пустой глазнице она нашла «пикантной», и довольно быстро наши отношения переросли в нечто большее, как часто бывает у взрослых и битых жизнью людей.

Через время я, очень осторожно, познакомил её с Зюзей и прочими моими подопечными, чем привёл свою пассивность в неопределимый восторг. Оказалось, Ольга собачница со стажем и минувшие страшные годы не смогли убить в ней тягу к четвероногим. Разумным женщина тоже понравилась, хотя они с ней до сих пор не разговаривают.

Вообще, у меня сложилось впечатление, что общение с человеком у лохматых что-то интимное, глубоко личное, открываемое только истинным друзьям. Так что пока они осторожничают, присматривались.

Моё «тварелюбство» стало нашим маленьким секретом, кроме неё о моих «подопечных» не знал никто.

Между тем амурные отношения с Ольгой стремительно развивались. Убедив старосту поселения в собственной неагрессивности, я стал проводить на мягкой перине её дома два, а иногда даже три дня в месяц. Ну и дров наколю, конечно; отремонтирую, что нужно – не без этого. Мужской работы всегда в избытке.

Несколько раз пассивность гостила и у меня, однако условия проживания разились сильно и не в мою пользу. Здесь что? Вагончики, ангар, панцирные одноместные койки и холостяцкий, параллельно-перпендикулярный порядок. «Неуютно, словно в казарме – говорила женщина. – Ни занавесочки весёленькой, ни половичка приличного. Да и поговорить не с кем».

Не знаю, мне у себя нормально. Да и куда я от своей банды уйду? На кого оставлю?

Так и жили, периодически пересекаясь организмами и втихомолку радуясь обществу друг друга. Никогда не говорили о прошлом, вполне довольствуясь мгновениями настоящего.

Почти клад, а не женщина... Почти – потому что Ольга имела склонность к резким переменам настроения и идеям феминизма, впадая при этом в ни чем не обоснованные крайности. Даже сейчас, при фактически родоплеменном строе, укоренившимся среди выживших, она имела обыкновение регулярно баламутить местных баб, внося в их головы вирус невнятного равноправия и провоцируя этим скандалы в семьях и угрюмую озлобленность мужиков.

Нет, сама по себе идея всеобщего равенства абсолютно нормальна. Больше скажу, умные женщины всегда... я повторяю: «Всегда!» – крутили мужиками как хотели, оставаясь при этом якобы слабыми и беззащитными. Ну а дуры... им какие права ни дай – чушь выйдет.

К тому же, надо признать, что особого патриархата в фортике нет. Никто никого не гнобит и не унижает – нормально люди сосуществуют, на равных, основываясь на традиционных ценностях. Мужики по хозяйству целый день корячатся, спины не разгибая; женщины еду варят, стирают и детям носы вытирают – тоже не самый лёгкий труд. Нормальная в наши дни картина, почти идиллическая.

Однако Ольге простого, молчаливого признания её гражданских прав, было откровенно мало. Она не соглашалась их принять вот так, запросто, не исстрадавшись о тяжёлой женской доле; не выплеснув на всех вокруг свои бурлящие эмоции и не напившись эманациями бескомпромиссной гендерной борьбы. Казалось – ей доставляет удовольствие не результат, а сам процесс борьбы, осознание собственной непоколебимости, ощущение боя. И ей не важно, что с ней никто не воюет и не сражается; ей не важно – права она или нет. Главное – напряжение, действие, внимание, неугомонность. Главное – плыть против течения, бороться, пусть и с ветряными мельницами. Думаю, не вслух, конечно – именно в этом и заключается смысл её жизни и радуюсь втихомолку – хорошо, что она себя хоть немного сдерживать научилась – иначе и не знаю, как бы эта мятежная особа дожила до наших дней.

Говоря по-простому – с придурью баба, в общем, оказалась. Но в остальном – золото.

Не обошло это «героическое» противостояние и мою скромную персону. Как-то вечером мужики зажали меня в тёмной подворотне, сердечно попросив поучить революционно настроенную даму вожжами или ремнём. Для торжества здравого смысла, так сказать. Надоели им дома истерики и требования «особенного» отношения со стороны слабого пола.

Врать не стану – перетрусил я тогда знатно. Слишком решительными были мужские рожи, слишком сильно горел огонёк бешенства в их глазах.

Когда об этом посмел рассказать пассии – с ходу заработал второй скандал за этот день и отлучение от тела на две недели. По её глубокому мнению, я должен был, нет, просто обязан, вступить в гордый и неравный бой с узурпаторами общечеловеческой свободы в штанах и полечь во славу равенства и сестринства. Вот только мне оно зачем – я не понял. Никакие аргументы и оправдания женщина и слышать не хотела, обвинив меня напоследок в «потакании возвращению домашне-кухонного рабства».

Потом, через время, помирились, конечно – на неё такие приступы свободолюбия накатывали где-то раз в месяц, не чаще. Но затем ситуация повторилась, потом снова и снова. Поводы технически были разные, а суть одна: «непонимание очевидных плюсов светлого феминистического будущего и бездумное сопротивление вселенскому счастью, которое обязательно наступит под мудрым женским руководством».

Объяснение такой возмутительной безнаказанности и граничащей со слабоумием смелости

Ольги имелось очень простое – она была единственным на всю округу человеком, имевшим хоть какое-то представление о врачевании. Успела до того, как всё рухнуло, немного поучиться в медучилище и поработать на скорой. Её пока берегли и терпели, да...

И вот, почти месяц назад, во время очередного скандала по какому-то мелочному гендерному поводу, я крепко разозлился, хлопнул дверьми и клятвенно пообещал не возвращаться. В след услышал множество пожеланий, среди которых не прозвучало ни одного хорошего.

Как-то так...

А теперь Зюзя, которой я, естественно, ничего из этой житейской белиберды не рассказывал, упорно агитирует меня жениться на Ольге. Смешно. Да мы поубиваем друг друга в первую же неделю совместной жизни! Для меня до сих пор одной из главных загадок мироздания является непонимание того, как эту взбалмошную особу ещё не убили соседи, хоть она и медик, и даже в ухо ей для воспитания никто не заехал?! – невероятно, но факт! Несколько раз переспрашивал!

Ладно, надо отвечать, иначе доберман не отстанет.

– А ты почему до сих пор без детей? Вон, Бублик, вполне себе кавалер. И не вздумай говорить, что он старый или не в твоём вкусе. Весьма достойный жених. Потому давай в вопросе устройства семьи и личной жизни каждый сам за себя.

Зюзя ничего не ответила, лишь презрительно блеснула глазами да мельком глянула на наш вагончик, а после, гордо вскинув голову, побежала к калитке. Слегка скрипнули петли, и разумная вышла с территории базы. На охоту направилась, а заодно дозором обойдёт прилегающую местность. У подружки с этим строго. Караульная служба поставлена на совесть. Ну и успокоится заодно.

– Зачем ты так? – на улицу медленно, подволакивая заднюю лапу, вышел лабрадор. – Она хочет тебе добра.

– Тяф! – подтвердила скрывавшаяся, на всякий случай, в траве Рося.

И эти туда же...

– Да меня всё устраивает как есть! – вспылил я. – Не моя это женщина. Понимаете? Не моя! Она сама по себе! Нам вместе хорошо – признаю. И не больше! Дружище, знал бы ты, какая у Оли в голове каша...

Кое-как спустившись по лесенке, старый пёс заковылял ко мне. Он за эту зиму ещё больше сдал. Похудел, осунулся, почти постоянно спал. Дойдя до печки, улёгся поближе к ней, к теплу, по-дедовски вздохнул.

– Я младше тебя, и старше. Мы меньше живём, потому взрослеем быстрее. Ты не умный. Хочешь спрятаться от мира, но мир тебя найдёт. Не бойся, живи как должен жить человек.

Бублика я уважал. В нём причудливо переплелись житейская мудрость и понимание того, что у каждого свой путь в этом мире. Редкое сочетание. Лабрадор никогда меня ничему не пытался учить, не навязывал своё мнение. Лишь иногда он позволял себе лёгкую, точную критику.

Да я вообще давно уже видел в нём не инопланетной волей разумного пса, а старшего товарища. Странно, правда? Человек прислушивается к собаке.

Подбежала Рося, уселась рядом, преданно уставилась мне в глаз. Не выдержал, погладил дворняжку по голове, приговаривая:

– Ты у нас самая молчаливая. Кушать, наверное, хочешь?

– Тяф!

– Придётся подождать. Вода только закипела.

Побросал в кастрюлю крупу, тушёнку. Не солил. Собакам соль вредна, а я привык уже пресное лопать и никаких неудобств от этого не испытываю. Через полчаса принёс ведро с ледяной водой из скважины, поставил еду охлаждаться, про себя посетовав на отсутствие холодильника. Вот бы наварить чан огромный и избавиться от опостылевшей печки хоть на сутки! Но не судьба. Много не приготовишь – испортится, а мало – надоело.

Через час позавтракали. Добермана пока не было. Интересно, где её носит?

Дел на сегодня особенно не предвиделось, потому решил себя побаловать – поваляться в теньке, кверху пузом. Обычно я себе такого не позволяю: обхожу окрестности, собираю валежник, пилю сухостой на дрова, изучаю записи из сейфа. Словом, изо всех сил борюсь с праздностью тела и духа.

Устроившись поудобнее, прикрыл веко и погрузился в нежную полудрёму. Головные боли уже практически не беспокоили, и теперь проклятое НИЧТО не поджидало меня в минуты слабости и отдыха. Приятно, чёрт возьми! Можно и расслабиться по-настоящему.

... Калачик с Пряником уже давно не живут с нами. Ушли. Нашли себе пары, остепенились, лишь изредка заглядывают. Да и то не ко мне, а наставника проведывают. Я не в обиде – пусть будут счастливы. Матёрые кабаны из них выросли. Таких встретишь на узкой тропинке – штаны долго отстирывать придётся.

Здесь вообще разумных, по сравнению с пустым в этом плане югом, достаточное количество. На глаза людям они особо не попадают, живут своей жизнью. Первое время несколько раз видел следы на снегу, нервничал. Однако и доберман, и Бублик в два голоса меня убедили, что у нас с ними мир и бояться нечего, если не обострять отношения всякими глупостями.

Поверил. Ушастые не имеют привычки врать.

Потом мысли плавно, с сытой ленцой, перетекли к записям покойных учёных. Долго пришлось разбираться в научной зауми, но я справился. Интереснейшие бумаги оказались. Помимо базы общеобразовательных знаний удалось обнаружить размышления на тему случившегося, с аналитическими выкладками на основе их собственных наблюдений. Много, на мой взгляд, спорно, однако рациональных зёрен в прочитанном всё одно было с избытком.

Все четверо научных работников принципиально сходились в двух вещах: первое – Слизни это что-то вроде маяков или передатчиков непонятного при нынешнем развитии нашей науки назначения (почти то же самое, что я и раньше слышал), и второе – беда на планете рукотворна. В пользу последнего я прочёл множество различных доводов, однако наиболее убедительным стали краем глаза подсмотренные где-то одним из первых жителей базы лабораторные анализы вируса и выкладка развития эпидемии, из которой следовало, что хотели бы инопланетяне нас угробить – угробили бы без проблем. Очаги возникали не повсеместно, а в местах наиболее компактного проживания человечества. Даже там, где космических кораблей и в глаза не видели.

Вряд ли цивилизация, способная по щелчку пальцев (или нажатию кнопки, или ещё как) дать РАЗУМ, не смогла бы выпустить боевой вирус, способный выкосить всех обитателей планеты, ну или избирательно вычистить. Косвенно это пересекалось с выводами полковника Коробова, доведенными до меня на платформе паровоза (тут я поморщился, инстинктивно потрогав пустую глазницу).

Мои наблюдения, пусть и дилетантские, подтверждали такие умозаключения: за прошедшие одиннадцать лет климат кардинально не изменился, катаклизмы планету не накрыли, экология только улучшилась, выжившие после эпидемии плодятся и размножаются. Значит, дело не в уничтожении Земли. Тогда в чём?

Кое-какие разъяснения нашлись дальше, в другой тетради. Пока я горбатился на стройках, света белого не видя, человечество довольно активно обсуждало появление внеземных слизких хреновин, массово снимало ролики на эту тему и вываливало их в мировую паутину. Аналитики и госструктуры, естественно, помалкивали, однако даже по открытым данным учёным из ЛК-4 удалось сделать определённые выводы. Первое – никакой, понятной для нас, системы в расположении Слизней не было. Второе – они управляемы. Пара-тройка астрономов-любителей, изучая новое и неизведанное, отметили, что перед отлётом инопланетяшек несколько исходящих в небо лучей сместились. Почти незаметно, на несколько десятых дуговых секунд, зато в один день. Калибровка, не иначе.

И ещё удалось раскопать один очень интересный момент. Несмотря на довольно часто разбросанные по всему земному шару Слизни, их лучи не повредили ни один спутник на орбите (во всяком случае в СМИ об этом не упоминалось) и интернет с прочими околокосмическими прибабасами работал до последнего. Как так? Специально пришельцы свои приблуды по уму расставили или изменили траектории движения наших примитивных железяк? Ещё один вопрос в копилку непонятного. Да и про природу уходящего в глубины космоса излучения сведений было ноль. А ведь наверняка изучали это явление кому положено. Не могли не изучать.

Само собой, покойные служители науки, на чьих трудах основывались мои рассуждения, допуска к объективным данным не имели. Их задача состояла в исследовании разумных и выявлении методик налаживания с ними контакта. Прочитанные мною записи, по поводу тех самых печальных событий, являлись исключительно плодом работы пытливых мозгов долгими зимними вечерами, и не больше. Но мне и этого хватит за глаз, я не привередливый.

И хотя истинная цель всех этих событий прошлого осталась тайной, покрытой мраком, однако главный вывод меня порадовал: пришельцам на нас теперь плевать, как трактору на букашек за баней. Ну и хорошо. Лишь бы опять не вспомнили.

Интересной оказалась и история появления на свет Зюзи. С обучением разумных мыслеречи всё было не так просто. В отчётах фигурировало множество фармакологических и медицинских терминов, данные всевозможных исследований работы мозга Адольфа и Ирмы, графики совершенно непонятных прогрессов и улучшений. Н-да... Тут для спеца не на один год работы, куда уж мне... Одно стало ясно: к концу жизни родителей моей ушастой и собаками-то нельзя было назвать в полноценном смысле этого слова. Мутанты, причём на почти генном уровне. Им, по факту, слегка изменили строение мозга для возможности общения с нами. У волков, похоже, мутация произошла естественным путём, под влиянием Слизня.

Вот и получается, что Зюзя – в некотором роде искусственно созданное млекопитающее с модифицированными функциями. Потому и глаза у ушастой практически антрацитовые, почти без белков – я только потом, сравнив их с глазами Роси и волков, это заметил. У Бублика, кстати, такие же, только карие...

Тьфу, пакость какая! Зюзя – это Зюзя. Самая лучшая из разумных. И никак иначе!

И неожиданно мне с грустью подумалось: вот бы Диму с его приятелями-учёными к Слизию отправить – волков изучать. Тех самых, которые без всяких человеческих вмешательств болтать умеют. Даже мне, насквозь приземлённому в своей малообразованности, виделось огромное поле для научной деятельности. Наверняка бы мужики такие результаты выдали, что мир бы ахнул! Как раз по их профилю дельце! А бедолаг сюда, в глушь, законопатили...

Больше ничего особо ценного для обычного человека в тех записях не нашлось, к сожалению. И передать их некуда. Институтов сейчас нет, как и академий с техникумами. По сути – эти бумаги стали в определённом смысле памятником. Монументом человеческому упорству, желанию знать неизвестное, трудолюбию и забвению.

Я долго думал о прошлом и так, и этак, однако после просто плюнул на все эти головоломки с множеством неизвестных. Слишком мало данных, чтобы из домыслов создавать выводы. Покойные в своих трудах тоже особо никаких научных прорывов не сделали. Так, ограничились набором фактов и выкладок. А может и нет – я попросту их прощёлкал, не постиг. Думаю, даже уверен – в каком-нибудь специализированном НИИ их труд оценили бы по достоинству. Но мне это не удалось.

Зато получилось додуматься до другого. Не сразу, постепенно, через долгие и упорные блуждания в логических закоулках. Результаты вышли неутешительные...

Союз разумных и людей невозможен в принципе, а значит снова будет война. Двуногие ведь, обжив юг, непременно на север двинут. За ресурсами, за пищей, для расширения ареала собственного обитания. И тогда начнётся бойня... Твари ведь для обывателя кто? Враги и одновременно мясо, кожа, шерсть. Запасы прошлой цивилизации явно закончатся раньше, чем восстановится промышленность. А в лаптях и домотканых рубахах, особенно зимой, грустно. Потому и не избежать конфликта. Человечество от возвращения своих земель не отступится, как и от волчьих шуб с лисьими воротниками. Хоть что рассказывай, а не отступится. Да и разумные мишенями сидеть не будут, отпор дадут, да ещё какой! Они эти земли не без оснований давно своими считают. И что тогда? Чем закончится эта ненужная бойня? Не знаю. Видно будет... На сегодняшний день, слава всему существу, этот вопрос больше теоретический, абстрактный...

В голове кольнуло. Несильно, почти незаметно, напоминая о том памятном рассвете на насыпи, где я лишился глаза, а группа Коробова жизни. Потёр рукой глазницу, поморщился. Вот всегда найдётся ложка дёгтя в этой жизни! Даже когда просто лежишь, размышляешь о разном и никого не трогаешь.

Я много раз, в минуты затишья, прокручивал и разбираю по секундам тот бой и долго не мог понять – почему так получилось? Как обычные бандиты могли заставить военных врасплох? Ответ нашёлся со временем, и, как всегда, он лежал на поверхности. Всему виной – время. Инстинктивно при виде военных людей ждёшь, что они всех одной левой, красиво и опытно примут бой где непременно победят. А по факту? Они уже дяди, самому младшему примерно, как мне – за тридцатник. В основном – под полтинник (во всяком случае я в группе Коробова пацанов не видел). Где они воевали? У скольких может быть полноценный боевой опыт?

Да нигде. Последнее десятилетие они, как и я, всего лишь выживали. Возможно изредка проводили учения, но наверняка без стрельб – боеприпас по любому должны были беречь. Так что от возможных профи, если они и были, там осталось одно воспоминание – годы берут своё...

Потому тут речь идёт скорее о военных пенсионерах (и по возрасту, и по жизни), чем о команде супер-пупер-спецназа. Об обычных мужиках, живущих по-крестьянски и когда-то служивших в армии. Да, за тёмные годы они ухитрились не всё проиметь и привычные

порядки, перенесённые в гражданский быт, помогли им сильно, но ожидать от них чего-то сверхъестественного – глупо. К тому же на ночёвку стали тогда на их земле, изученной, истоптанной и разведанной, да и разведгруппа только с тех краёв вернулась, никого не обнаружив. Хотя... не буду никого оправдывать. Зачем? Им всё равно, мне... А какая уже разница? Мужики за свою халатность рассчитались сполна, и кто я такой, чтобы их судить?

Сам не заметил, как задремал...

«Вот бы Ольку сейчас... – пробилась сквозь сон приятно-томительная мысль, отозвавшаяся в чреслах. – Действительно помириться с ней, что ли...»

Пока размышлял на эту тему – проснулся, покрутил головой. Бублик спал рядом, Рося увлечённо что-то нюхала в траве.

Как раз с обхода вернулась и Зюзя, ожидаемо без добычи. Ни говоря ни слова, проследовала к своей миске с завтраком и быстренько употребила кашу-суп, с удовольствием облизываясь.

– Вкусно? – решил начать разговор первым.

– Да. Спасибо. – вежливо поблагодарила разумная, скрываясь за вагончиком.

Обиделась... Ну ничего, сводничество дело непростое, нервное.

– Мяу...

Наконец-то нарисовалась и последняя обитательница нашего зооуголка – кошка Мурка. Донельзя странное и непонятное создание. Всегда сама по себе, ни перед кем не отчитывается. Уважает лишь Бублика, да и то, совсем немного. На меня через раз смотрит как на пустое место.

Попробовала вареву лапкой, пытаюсь достать мягкие, рвущиеся волокна мяса. Не смогла. Тогда нехотя, словно оказывая великое одолжения, немного откушала из своей мисочки и скрылась в траве. Зачем приходила? Непонятно. В последний раз она являлась дня три... Точно! Три дня назад.

Давно, зимой, пытался расспросить лабрадора о таком странном поведении разумной, однако он и сам её не понимал. Лишь посоветовал не думать о необъяснимом. О Лёхе кошечка скучает, это видно, просто виду не подаёт...

Солнышко начало припекать, пора за работу. Первым делом прогулялся по лесу, набрал валежника. После ещё сделал две ходки. Дрова – это жизнь. Как вспомню, как уютно мы всей компанией зимой сидели у печки и при свече читали какую-нибудь занимательную книжку, так сам себе улыбаюсь. За окном ветер, снег, а нам так хорошо, тепло...

Доберман неотступно следовала следом. Охраняла.

Подумав, на охоту решил сегодня не ходить. И так всю мелкую дичь почти повыбил в радиусе пяти километров – пусть успокоится, вернётся. Благо, запасы позволяют делать небольшие перерывы.

Принялся рубить ветки. Процесс, доведённый до автоматизма, позволял занять голову своими мыслями, не теряя, впрочем, контроля над работой.

А мысль вертелась всего одна, но настырная и посещающая мою буйну голову далеко не в первый раз: «Что дальше?».

Я прекрасно понимаю, что до смерти вот так отшельничать не получится – тут Бублик прав. Однако такой любовно выстроенный, уютный микромирок мне очень нравится, и менять образ жизни не хочу категорически. Привык, да и лень. Если докопаться до сути, то я противоречу сам себе. Самому хорошо – несомненно, но и без людей плохо – к чему самообманом заниматься. А вот найти выход, примиряющий обе эти противоположности, у меня почему-то не получалось. Одно радовало – еда и время для размышлений пока есть.

И снова я ни к чему не пришёл в своих размышлениях. Наверное, слишком быстро дрова закончились, на другие занятия переключился...

Незаметно за хозяйственными хлопотами наступил вечер. До заката ещё далеко, но вот делать уже ничего не охота. Сейчас возьму книжку, усядусь в тени и начну вечерние чтения. Разумные их очень любят, даже неболтливая Рося. Потом ужин – и спать...

– Витя! Ви-и-и-тя! – раздался за забором женский крик.

Я вскинулся. Да это же Ольгин голос! Что она тут делает?!

Схватив ружьё, рванул к калитке и уже почти начал открывать, как всё тот же голос прокричал:

– Не выходи! Не вздумай!!! Запрись и не высовывайся!

Что за новости?! Как она сюда попала? Местные в лес без крайней нужды не суются, а тут...

– Послушайся меня! Поверь, так надо! – продолжала надрываться женщина. – И зверей своих не выпускай!

Да что происходит!

– Оля, это ты?!

– Да, Витенька!

– Ты чего чудишь?! Заходи, тут тебя не обидят! – вскипел я. Нет, всё понимаю, моя пассия – особа взбалмошная до крайности, но комедию ломать – не в её стиле.

– Нет! Не могу, – до меня донеслись приглушённые звуки плача.

Мириться, что ли, пришла таким странным способом? Это перебор...

– Оля! Хватит заниматься глупостями! Я иду к тебе!

– Не-е-е-т!!! – истеричный визг оглушил меня. – Нельзя!!! Я заражена!

Ничего не понимаю.

– Чем?

– Мор...

После этих слов я остолбенел, не веря собственным ушам. Между тем женщина зачистила; проговаривая слова быстро, но отчётливо.

– Я на выселки ходила, к подружке в гости. Ну, те, на запад от основной дороги... Где ещё семья дружная и старик хромой. Знаешь?

– Да, – есть такое место. Маленькая ферма, кур с фазанами разводят. Вроде как даже утки есть. От форта, правда, далековато, как по мне – несколько часов ходу. Сам не был, но слышан. Даже знал, к кому именно она ходила. Анной, если мне память не изменяет, звали её знакомую. Виделись пару раз у Ольги в доме. И, вроде как она беременная была...

А женщина продолжала:

– Скучно стало одной, вот и потащилась с ночёвкой... Когда, на следующий день, под вечер вернулась – над нашим посёлком чёрный флаг висит и на стенах мужики, пьяные, ополоумевшие, без предупреждения стреляют во всё, что движется. Матом кроют... никого не стесняются.

– Стоп! – перебил я. – Ты что, сама вернулась? Это же километров пятнадцать... И почему так поздно?

– Сама. Так получилось... А поздно – засиделись почти до утра за болтовнёй, вот и проспали почти до обеда.

Недоговаривает она что-то. Не может быть, чтобы мужики с выселок её одну отпустили. Разве что...

– Оля! Ты что, и там ухитрилась со всеми переругаться?

– А чего они? – аж захлёбываясь от возбуждения, привычно закусил удила женщина. – Чего они беременную жратву варить заставляют! Да в её положении с неё пылинки надо сдувать, а они есть, видите ли, хотят! Будто сами безрукие... Да и Анька – дура! Стоит бормочет: «Мне несложно, мол, не развалюсь...»!

Понятно. Не удержалась. Начала свои порядки наводить в чужом доме. Как же это на Олю похоже!

– Ладно, ладно, успокойся, – примирительно сказал я. – Дальше что было?

Моя пассия посопела немного, но совету последовала и заговорила уже более ровным голосом.

– Когда пришла – наши мужики в меня сразу стрелять стали, лишь только на дороге заметили. Повезло – не попали, бухие очень были и расстояние не позволило. Кричали, что я сука последняя и всех на погибель побросала. Даже погнаться пытались, из ворот выбежали... Я убежала в деревья, спряталась. Они ещё поорали, по кустам несколько раз дробью жажнули, и обратно ушли. Ночью снова попробовала подобраться к форту. Страшно одной в лесу, и обратно не пойдёшь – поздно. Кое-как разговорилась одного – остальные вповалку спят или по домам разбрелись. Он мне, хоть мать через слово и поминал, проклиная меня, про Мор и рассказал – что уже несколько умерших есть и несколько человек при смерти. Болезнь с юга беженцы принесли...

– Какие беженцы? – не выдержав, снова перебил я. – Откуда? Что ты за дичь несёшь?

– Так с юга идут. Семья – мужчина и женщина, такая... колоритная, на цыганку похожая. У неё ещё шрам над правой бровью в виде завитка. Перед самым моим уходом, за день заходили. И молчали, представляешь! Говорили – на родину пробираемся, плохо в чужих краях стало... Мы на ночлег их пустили... У старосты они останавливались. Всем посёлком байки вечером слушать ходили про юг, про города... И я, дура, тоже... Утром они ушли. Куда – не знаю. Во всяком случае, больше я их не видела – опять рыдания. – В общем, ночь под частоколом переждала, думала, перепилились они там все

до белой горячки! всю ночь в форте канонада стояла и ор с плачем. То ли стреляли, допившись до белочки, то ли стрелялись. Я, по началу первое, если честно, думала. Вы же, мужики, когда стакан в руки берёте – меры не знаете... А утром опять та же песня... Тварь! Сука! Иди лечи тех, кто ещё не умер! И при этом из ружья в меня... Пришлось снова убегать.

– Но почему не пустили? – не мог сообразить я. Казалось бы – единственный фельдшер – ему и карты в руки. А плохой характер можно и перетерпеть.

Ольга помялась.

– Я потом сама не пошла. Побоялась. Они, настрелявшись, одумались, прощения просили, плакали... Звали, конечно. Но надо быть круглой дурой, чтобы в заражённый форт идти. Чем я при Море помогу? Добрым словом? А за то, что не спасла – заряд в затылок точно бы получила. И... смалодушничала, наверное.

– Ты всё сделала правильно, не кори себя. От Мора лекарств нет, это даже я знаю, а получить из-за таких раскладов пулю от обезумевших людей – так себе участь.

– Спасибо... В общем, пошла я обратно, к подруге. А на половине дороги – сыпь на руке увидела. Первый признак вируса этого, прости Господи, окаянного... Поняла – нет мне туда дороги. Не смогу Анькиному семейству в глаза смотреть. Я ведь тоже инфицированная получаюсь. Смерть им в дом принесла. Тогда к тебе пошла... Больше просто не к кому.

Только теперь я заметил, что стою под забором не один. Рядом находились все разумные, даже Мурка. Они внимательно, с суровыми мордашками, вслушивались в наш разговор.

У меня услышанное не укладывалось в голове.

– Оленька, – как можно спокойнее и нежнее начал я. – Успокойся. Может, это аллергия на траву какую-нибудь или неопасная инфекция... Зачем сразу о плохом? Давай ты войдешь, и мы вместе сядем, покушаем и поговорим.

Рука уже тянулась к задвижке, как вдруг на запястье сомкнулись Зюзины клыки. Больно, сильно, не вырваться.

– Нет! Нельзя!

Я остолбенел второй раз за этот день. Раньше себе доберман такого не позволяла. В груди начала закипать злость.

– Она правильно говорит, – зазвучал в голове голос лабрадора. – Это опасно. Если женщина здорова – она не умрёт. Если заболела – ты ей не поможешь.

– Тяф! – поддакнула Рося.

Рассудительность разумных немного отрезвила, но не потушила жажду действия. Смотреть, как неподалёку умирает человек – выше моих сил. Нужно что-то сделать, что-то предпринять, а не стоять раззявой-созерцателем.

– Ваши предложения?! – крик сам вырвался из лёгких. – Ну, давайте! Вы же такие умные...

– Витя, с кем ты разговариваешь? – испуганно подала голос женщина.

– Со своим зоопарком, – нервно бросил я. К чему теперь таиться? – Они разумные и говорить умеют. И как раз сейчас отговаривают меня от того, чтобы тебе помочь,

умники!

Ольга молчала долго, я уже испугался, что она ушла. Куда? Да ещё в таком состоянии... Однако ошибся. Пассия была по-прежнему тут, за забором, просто осмысливала услышанное. Заговорила с трудом, явно сомневаясь в моих словах:

– Если это правда, то они правы. Я к тебе вообще зачем пришла...

– Зачем? – глупо переспросил я.

– Убей меня, пожалуйста. Из ружья, только близко не подходи, заразишься ещё. Не хочу мучиться. Поселковым я не верю. Могут из вредности с первого раза толком не попасть, чтобы пострадала напоследок... Не любят они меня за правду мою, к тому же наговорила я им... всякого перед уходом. А ты сможешь, я знаю. Да и услышать тебя напоследок хотелось... Ты прости, что так... то выгоняю, то сама к тебе бегу.

Из меня словно стержень вынули. Тело безвольно сползло на землю, «мурка» вывалилась из рук, голова закружилась, как после выпитой залпом кружки доброго самогона. Ненастоящее всё, словно фильм дешёвый смотрю... Индийский... Да! Точно! Индийский! Со страшнорожими злодеями и набриолиненным героем, ну и с прекрасной девушкой-страдалицей, куда же без неё. Вот только радостных танцев, похоже, не ожидается... Потому как сбрендил моя баба! Окончательно! Её бы специальным докторам с аменaziном сдать, да где их взять? А я бы им даже заплатил...

Рука что-то почувствовала – это Рося сунула свою умную головку мне под ладонь. Чтобы погладил, значит. Такая вот канис-терапия...

И само собой пришло тошнотворное понимание реальности происходящего.

– По-другому никак? – да, я ей верил. Мором не шутят. Да и в наши безинтернетные и беспощадные дни слова имеют совсем другую ценность, чем раньше. Если пришла – значит, не могла по-другому.

– Нет, – и вот тогда она заплакала по-настоящему. Навзрыд, протяжно, изливая в слезах всю себя.

Мне стало совсем плохо. Жутко захотелось превратиться в слепой, глухой, бесчувственный камень. Или сбежать. Далеко, на одних лишь инстинктах, отключив рассудок, не разбирая дороги, и навсегда забыть происходящее.

Но, вместо этого, я продолжал сидеть тут, пытаюсь неуклюже бормотать какие-то ободряющие слова. Что-то мямлил в растерянности, а что – и сам не знаю.

– Давай вместе проведём эту ночь. В последний раз. Остальное – завтра, – предложила Ольга, и я опять почувствовал себя непроходимым дураком.

... Наступил вечер, затем ночь, разбросав на диво яркие звёзды... Мы общались, изливая друг другу душу. Иногда грустно смеялись, изредка замолкали. По собственной инициативе я перебрал через забор бутылку с водой, пару банок тушёнки и нож. Ольга поблагодарила, не забыв при этом ехидно подколоть: «Ого! А ты богатенький жених, раз позволяешь себе такие подарки!» – получилось беззлобно и смешно. Она вообще больше не поднимала вопрос смерти и во мне нечаянно затеплилась надежда, что всё обойдётся, а под утро повод её визита и совсем забылся за разговорами.

Разумные остались рядом, устроившись у моих ног и в разговор не вступали. Даже не намекнули о пропущенном ужине. Я привычно поглаживал их по головам, про себя благодаря за понимание.

Внезапно пришло утро.

– Всё, Витенька. Пора, – отстранённо произнесла женщина. – И спасибо за то, что не прогнал. Знаешь, а ведь это первый раз, когда мы вот так, по-доброму общались, без постельных дел. Ты, оказывается, интересный человек. И тебе спасибо...

А это она с кем?!

Молнией подбежал к ближайшему вагончику, взобрался и обомлел. Рядом с Ольгой лежал Бублик. Когда он туда ушёл?! Как?! Зачем?!

Заметив мой взгляд, лабрадор счёл необходимым ответить на все невысказанные вопросы.

– Не злись. Так будет лучше и легче всем. Моё время пришло. Уже несколько дней ко мне во снах приходят мои друзья и зовут туда, где ничего не болит и всегда хорошо. Твоей женщине нужна поддержка и самое лучшее, что я могу сделать – это быть с ней рядом, – он помолчал, положил голову на колени Ольги. – Знаешь, я всю жизнь учился говорить, как вы, не особо понимая, зачем мне это. Теперь знаю. Для помощи. Нас ведь вывели люди как собак-компаньонов; я помню, мне рассказывали... Хорошая участь. Нужная. Вдвоём не так страшно. Помогите нам уйти.

– Я не могу...

– Можешь. Так надо. Ты не убьёшь, ты сделаешь хорошее дело.

Внизу, беспокойно наматывали круги, посматривая вверх, Зюзя с Росей. Они ещё не до конца понимали, что происходит, счастливые...

На край крыши взобралась Мурка, осмотрелась и неожиданно съежилась в жалкий, маленький комочек. Протяжно мякнула. Разумные как по команде остановились, неверяще уставившись на кошку.

– Это... правда? – подала голос доберман.

Я смог лишь кивнуть, не в силах ответить на такой простой вопрос. Не знаю, показывала ли Мурка мыслеобразы тем, кто остался внизу. Надеюсь, что нет. Ольга, обняв совершенно спокойного Бублика, сидела на земле метрах в пятнадцати от забора и ласково, по-матерински глядя на меня, улыбалась. Её лицо начали покрывать бледные, почти незаметные синюшные пятна – верный признак Мора. Сутки остались, не больше...

– Они у тебя и в правду разговаривают. Это так замечательно! – прервала она затянувшееся молчание. – Ну что, посмотрел на свою даму в некрасивую точечку? Теперь ты веришь в заражение?

Я через силу кивнул головой, до боли сжав пальцы в замок, чтобы не заорать от боли, пожирающей мою душу. Надежды разбились, не явив чуда...

– Тогда к делу, – как ни в чём не бывало, продолжила она. – Мне нужны дрова. Много. Необходимо сделать погребальный костёр, чтобы инфекция не разнеслась. Поленья бросай через забор, не вздумай выносить их сюда. Ещё понадобится бутылка с керосином или чем-то горючим и спички. Я сама подпалю. Давай, Витя, – женщина улыбнулась. Не будем затягивать, мне и так страшно. Ты же выполнишь мою просьбу? Сама не могу... Пыталась повеситься дважды, пока к тебе шла... Слабая я баба; в сильную, оказывается, только играла... И запомни – ты меня не убиваешь, а оказываешь последнее милосердие. Сам знаешь, что меня ждёт в ближайшем будущем... Я понимаю – тебе страшно, ты не из тех, кто стреляет без разбора, но так надо... К форту не ходи. Если ещё кто-нибудь живой там остался – застрелят от безнадёги. Чёрный флаг висит – кому надо – поймут, что там произошло, и не сунутся. Запомнил?

Не сиди, давай делом займёмся...

Не смог я ей ответить. Тянул, сам не зная, зачем. За эту короткую ночь во мне многое изменилось. Ольга смогла стать частью меня. Я впервые, наверное, прожил целую жизнь за одни лишь сутки; впервые вот так, откровенно поговорил с небезразличным мне человеком, впервые его теряю... Проклятие какое-то. Так и сидел, уставившись в её красивое, словно освещённое внутренним светом, лицо, совершенно игнорируя уродующие кожу пятна смерти.

– Делай, Витя. Делай, как она говорит. – до моего разума донёсся голос добермана. – Так нужно.

– Да-да, конечно...

Не помню, как сполз с крыши. Не помню, как методично, словно робот, бросал дрова через забор. Не помню, не помню, не помню...

И не хочу вспоминать!

– Хватит, Витя, – голос Ольги привёл меня в чувство. – Этого вполне достаточно. Неси горячее.

Медленной, безумно усталой походкой побрёл в ангар, слил из НЗ в небольшую канистру литра три керосина. С непонятной натугой, словно переламывая самого себя, перебросил.

– Спички.

Снова побрёл за требуемым. Метнул коробок через заграждение.

Оттуда раздалось:

– Спасибо, Витя... Ты... хороший человек. Жаль, что у нас с тобой не сложилось. Что же, давай прощаться. Стреляй лучше с крыши – тебе так удобнее будет. И не переживай ни о чём.

А я не послушался – остался стоять у забора, ожидая неизвестно чего.

– Иди! – голос из-за забора стал требовательным, властным, совсем как когда мы скандалили в той, очередной прошлой жизни.

Не помня себя, забрался на вагончик, нашёл взглядом Ольгу. Боже, как она изменилась! За тот непродолжительный срок, пока мы по-дурацки носились с дровами, пятна потемнели, в некоторых местах начав набухать гнойниками. Её лицо постоянно искажали гримасы боли, тело периодически пронзали судороги. Совсем немного осталось...

Костёр расположился метрах в пятнадцати от забора. Ольга обильно полила дрова из канистры, неторопливо взошла на него; села, устраиваясь поудобнее. Бублик улёгся прямо на её ногах.

– Витя! – обратился лабрадор ко мне. – Уходите отсюда. Идите на север, там меньше живых и... и попробуйте спасти, предупредить всех разумных, кого сможете. То, что вы называете мором, не остановить. Можно только спрятаться. Что ещё... в углу есть старый лаз. Постарайся сделать так, чтобы, – мордочка Роси, – не нашла его. Прощай, береги их.

Ко мне подошла Мурка сидевшая всё это время на крыше, и растерянно посмотрела в моё лицо. Она словно

ждала от меня спасительного волшебства, как в сказках... Стало невыносимо больно от такого доверчивого взгляда, от собственной беспомощности, от понимания неизбежного – так, будто я во всём виноват.

– Мяу, – жалобно простонала кошка, беззащитная и трогательная в своей скорби.

По вагончику заколотили. Это разумные, обезумев, пытались запрыгнуть ко мне, скребя когтями по железным стенкам и подвывая от горя. Не смогли... бились в кровь, штурмуя раз за разом непреодолимую для них преграду.

Не выдержав, Зюзя метнулась к калитке.

– Стоять!!! – проорал я, готовясь прыгнуть и помешать ей в этом безрассудстве.

Доберман остановилась как вкопанная. Медленно развернулась, по-детски, наивно глядя на меня.

– Да... нельзя. Прости глупую...

Рося негромко, протяжно завывала на одной ноте.

Сердце словно сжало в ледяных тисках.

За что мне это? За что?!

Между тем заговорила Оля. Мягко, нежно, с грустью в голосе.

– Спасибо тебе! Действительно, спасибо! За эту ночь, за прошлые, за то, что не бросил... Спасибо, что хоть немного отогрел душу, – в руке у Оли появился небольшой факел, наскоро сделанный из палки и тряпки. Чиркнула спичка, замерцало пламя, выбрасывая вверх чёрный дым копоты. – Стреляй!

Она расплакалась, не стесняясь слёз и прижав голову лабрадора к груди. Я молчал, тупо, непонимающе глядя на красивую даже этот жуткий момент женщину. Почему-то жутко хотелось зажмуриться и укрыться одеялом с головой – спрятаться от всего этого...

Я медлил, не находя в себе сил совершить такой... страшный поступок. На меня умоляюще смотрели глаза Ольги и Бублика.

– Стреляй!!!

Трясущимися руками приложил приклад к плечу, попытался прицелиться. Не могу. Оружие ходуном ходит.

– Пожалуйста, не мучай меня...

И я выстрелил, до треска сжав зубы. Попал в голову. Брызнуло красным. Тело... Да, теперь уже тело Ольги упало на спину. Из её руки выпал факел и по поленьям побежали игривые, прыгающие язычки пламени.

– Стреляй! – словно взорвалось в моей голове.

Б-бах! Бублик дёрнулся и затих.

– Прощайте...

Округу огласил дикий, рвущий сознание своей болью, вой.

Костёр разгорался громко потрескивая поленьями. Его видели лишь мы с Муркой, и в одной из вспышек пламени мне показалось, что огонь на мгновение принял форму весёлого, задорно прыгающего вверх лабрадора. Галлюцинация, обман зрения, но... пусть он останется со мной. Никому об этом не расскажу. Никогда. И не забуду. Ничего не забуду.

Почему?! Почему так?! Мама, папа, сестрёнка, теперь вот Оля с Бубликом – все мертвы. За что мне это проклятие?! Что я совершил? Какой неискупаемый грех?! Какие боги со мной так «весело» шутят?! Найду – убью! Без шуток убью!

И сделаю это без всякой киношной драматичности. Просто убью. Потому что не должно быть так.

Глава 2

Некоторое время, под треск вовсю полыхающего за стеной костра, бездумно слонялся по двору, пытаюсь привести мысли и чувства в порядок. От стены к стене, как зомби в старом ужастике. Разумные хвостиками ходили следом. Никто из них не пытался со мной заговорить, никто не старался привлечь внимание. Просто ходили – и всё. Жалобно, растерянно стараясь уловить мой взгляд. Понять – как жить дальше.

Заставил себя заняться рутинной. Постирал, повыносил на проветривание всё барахло из вагончика, скосил траву в дальних углах базы, переложил поленницу, просто так, лишь бы не стоять и не оставаться один на один с мыслями. Подопечные не отходили, путаясь под ногами и подсовывая головы под ладони. Гладил, успокаивал, глотая слёзы. Потом шёл дальше что-то делать.

К вечеру смог мыслить связно. Ничего не объясняя, собрал свою ораву в кучу под нашим любимым навесом, сел на землю и крепко обнял их, уткнувшись лицом в пахнущие пылью, тёплые загривки. Зюзя, Рося, Мурка сразу прижались ко мне, словно я мог защитить их от всего на свете и хоть что-то изменить. И рад бы, да не в моей это власти. Невозможно изменить прошлое... Но кто-то должен быть сильным...

– Кушать давайте готовить, – через время, когда все мы немного успокоились, предложил я, стараясь говорить спокойно и ровно. – Нам нужно жить, несмотря ни на что. А когда поедем – мы сядем рядом и каждый вспомнит самое хорошее про ушедших сегодня. Им будет приятно.

Готовил долго, полностью концентрируясь на процессе и гоня разные мысли, упорно лезущие из глубин подсознания наружу. Помогло. Механическая работа она такая... отвлекает.

После ужина перебрались к ступенькам нашего вагончика. Тем самым, на которых я когда-то сидел с распухшей ногой и читал историю Зюзи, написанную человеком по имени Дмитрий.

– Ну что... – начал я первым. – Бублик, сами знаете – весёлый. Помните, как он слушать любил всякие интересные книги?

Проговаривая эти слова, украдкой следил за своими подопечными. Вроде начинают оттаивать. Где-то в глубине их глаз и глазёнок начал мелькать тот самый огонёк, несущий в себе тягу к жизни. Я сознательно говорил про лабрадора в настоящем времени, словно ничего не произошло. Надеюсь, им так легче... Своё горе потом потешу, когда спать ляжем. Сейчас разумные на первом месте.

Убедившись, что завладел их вниманием, продолжил:

– Читал я как-то справочник один. А он подходит и говорит: «Знаешь, сколько будет

два плюс два и умножить на два?». Я отвечаю: «Восемь». А он вздохнул так, грустно-грустно, и отвечает: «Шесть. Умножение первым делается. И чему тебя в человеческой школе учили?».

Разумные не очень поняли смысл, однако заинтересованно запереглядывались. И плевать, что эту историю я выдумал только что! Просто чтобы с чего-то начать! Ну не лезли мне в голову сейчас воспоминания! Точнее лезли, но не те, которые хочется переживать заново. Сейчас главное – не молчать, изо всех сил гнать прочь ощущение боли и безысходности.

– А Оля?! Нет, вы только представьте! Она сначала думала (тоже придумал на ходу), что Мурка – собака! – и засмеялся. Негромко, вкладывая в этот притянутый за уши смех весь свой скудный актёрский талант.

Ответом мне стали искреннее удивление, уши торчком и усилившийся огонёк.

– Теперь твоя очередь, – мой палец указал на добермана. – Расскажи нам что-нибудь интересное.

Ушастая думала недолго.

-- Он мне про маму и папу много рассказывал. Учил быть, – тут она замаялась, подбирая нужное слово, – правильной собакой. Нужной. Он очень уважал моих родителей. Говорил – они воспитывали его. А теперь он делится своими знаниями со мной.

Разумные слушали очень внимательно. Похоже, моя затея начала срабатывать – ну и хорошо. Вместе легче справляться с бедой. Когда пришёл черёд Роси, она вместо слов обрушила каскад мыслеобразов.

...Вот она, судя по всему, ещё маленькая, смотрит снизу-вверх на огромного, чёрного пса с большими ушами. Он кажется страшным, ужасным; по её задним лапам течёт что-то мокрое, горячее... Хочется спрятаться, но ужас заставляет прижаться к земле, покорно принимая свою судьбу.

Большой зверь не нападает, только смотрит. А потом он подходит и начинает вылизывать. Мягко, приятно, почти как мама... И сразу стало хорошо, спокойно...

Я улыбнулся, потрепал собачку по голове.

– Хороший рассказ. Наш Бублик – он такой... Обо всех заботится. Ну а ты? – это уже к Мурке.

Вместо ответа кошка встала, медленно обошла нас по кругу. Смотрела пристально, оценивающе. Мне даже как-то не по себе стало. Наконец умастилась рядом со мной.

– Мяу.

– Извини, я не понимаю.

– Мяу! – теперь уже требовательно.

В этот раз я промолчал. Ну не знаю я кошачьего, а разумные переводить не торопились. И тогда в голове еле-еле прошелестело. Тонко, мурчаще:

– Он... хороший...

А потом Мурка неожиданно, впервые за всё время нашего знакомства, запрыгнула мне на руки и уткнулась мордочкой в грудь. Тяжело ей... Всем нам тяжело... Настаивать на

рассказе не стал, лишь нежно погладил шелковистую шёрстку.

– М-р-р-р-р...

Уложив кошечку к себе на колени, взял заранее приготовленную книгу про Муми-Троллей и прочих сказочных персонажей гениальной Туве Янссон, раскрыл и начал читать. Громко, с чувством. Разумным понравится, точно знаю...

...Разошлись лишь под утро. Всю ночь я практически без перерыва озвучивал смешные и поучительные истории, постоянно подбрасывая дрова из поленницы в костерок. Видно было, конечно, плохо, но разве дело в этом? Мы совершили самое важное в этот момент – сплотились, вместе пропуская через себя печаль и грусть. Остальное не важно.

Завалившись на кровать, уснул неожиданно быстро и спокойно, словно и не случилось ничего.

А при пробуждении наступил «психологический откат». Мозг, этот садист-извращенец, по собственной инициативе изволил напомнить о том, что всё случившееся вчера реально, а потом безжалостно захлестнул воспоминаниями, пронизанными гнетущим реализмом: огонь, пепелище, запахи... Словно второй раз пережил.

Вставать не стал, попытался разобраться в себе, в своей душевной сумятице. Итак, Мор вернулся – это факт, вряд ли могла Ольга ошибиться. Что о нём известно?

Память услужливо вытолкнула из себя нужное воспоминание: первым обитателям ЛК-4, пока у них была радиосвязь с внешним миром, передали что-то вроде методички по бушующей вокруг эпидемии. Они, как и всегда, полученные знания тщательно задокументировали и подшили. Пойти посмотреть? Нет необходимости, я и так всё великолепно помню: инкубационный период болезни у людей длится от нескольких дней до двух недель, потом быстрая и мучительная смерть в промежуток сутки-трое. У разумных – до четырёх дней. Затем тот же летальный финал. Почему такие разные сроки – не понятно. Значит, приму за данность. Да и без разницы мне эти тонкости, если честно. Я не вирусолог.

Так, что ещё? Меня просили... Нет, не так. Последняя просьба старого лабрадора заключалась в том, чтобы спасти разумных и людей. Только как это сделать? Бегать по лесам и воплями привлекать внимание? Глупо. Отправить с сообщениями своих подопечных? А если заразятся? Не то. Всё не то... Да и надо ли? База есть, жратвы полно, опыт карантина, мать его, имеется. Закуклиться и пересидеть. Только где гарантии, что сюда никто не припрётся? Опасно, не вариант. Слишком много неустойчивых переменных. Опять же, охотится нужно – запасы не вечны, а это дополнительный риск...

Следующий вариант... Подождать пару-тройку неделек в автономном режиме, пока страсти поулягутся и фортики заполнит трупный запах? Можно, хоть и стыдно немного... А потом спокойно уходить по пустым дорогам на север, к заволжскому Слизню. Так, теперь думаем эту мысль подробнее...

Согласно утверждений всё тех же первых обитателей базы, наиболее близкими ко мне были Тверской (о котором упоминал Коробов), Заволжский – расположенный в Нижегородской области и Архангельский Слизни. Первый и последний варианты отпадали по вполне объективным причинам: к одному попросту не подпустят – там свой, как я понял, устойчивый анклав сложился; а вокруг северной чужеродной хреновины климат неподходящий для нас. Ну и расстояние очень приличное – тоже вполне себе фактор. Туда ещё дотопать нужно и ухитриться не сдохнуть по дороге.

Тот, что назван в честь великой реки, куда как ближе, хотя тоже не рядом. Именно

потому второй Слизень удобнее всего. Но и тут есть закавыка – Волга. Река широкая, мосты наверняка под охраной, да и неизвестно, что в тех краях творится. За время своих странствий никаких упоминаний про заволжскую жизнь не слышал, как и про приволжскую. Это минус, и большой...

К тому же кто сказал, что нас там будут ждать с распростёртыми объятиями? Кому мы нужны?! Пристрелить проще незваных гостей – и вся недолга. Аргумент... Тогда что делать?! Сидеть и смертушку через забор выглядывать? Я-то ладно, привычный взаперти куковать, а разумные? Ту же Мурку как остановишь? Кошечка плевать хотела на все запреты и чужое мнение, гуляет сама по себе и будет гулять. И не удержишь ведь ничем, хоть в клетку сажай! Да и остальные не лучше... Не смогут мои подопечные в четырёх стенах долго существовать. Они – свободные, и право ходить где вздумается и делать то, что заблагорассудится – для них важнее жизни.

Получается тупик. И так плохо, и по-другому не очень...

Ладно, пока оставлю этот вопрос. Есть и другие, не менее важные. Как беженцы при таком коротком инкубационном периоде смогли добраться в нашу глушь? Да я за это время, налегке и при помощи Зюзи, смог только отсюда до Фоминска дойти. И это без поклажи, детей, женщин и прочих необходимых атрибутов переселенца! Ответ один – прибыли на автомобиле. Двигались пока хватало бензина или пока техника могла ехать. На юге этого добра в достатке, сам видел. Тогда как миновали хозяйство Фоменко? У него ведь и мышь не проскочит! Если Мор бушует – то старый хрен об этом точно знает и никого никуда не пропустит, попросту на подступах расстреляет. А может объехали? Вполне... тогда зачем сюда поперли, такую здоровую петлю накиннули? Вензелями по миру люди не бегают, прямые предпочитают. А на автомобиле – тем более. Н-да... Загадка без ответа, спросить не у кого.

Вот и получается, что описанные Ольгой (тут сердце сжалось от грусти) события лишь начало, первые ласточки... Где один беженец – там и десяток, а через непродолжительное время – поток. Страшный, бешено-перепуганный, злой. И остановить его никак. Заградотряды на дорогах ставить? – некому. Мосты взрывать? – не поможет. Вся надежда на опыт прошлого, на тотальную паранойю и подозрительность. Далеко не везде народ столь доброжелательный, как форте Ольги.

Мысли, войдя в очередной логический тупик, сами собой перешли на другую, не менее интересную, тему: откуда, собственно, взялся Мор? Сколько лет про него ни слуху, ни духу... А хрен его знает! Может, мародёры где-то случайно раскопали, как могильники с сибирской язвой в своё время, или мутировал штамм в каком-нибудь кролике... Важно одно – пока положенное количество народа не перемерёт – эта погань не остановится. Значит, идёт с Юга. Вполне может быть.

И будут ещё машины, и заражённые, и смерть. Основная часть этого потока, конечно, стороной пройдёт, по федеральным трассам двинет, но многие и окольными путями попробуют на север пробиться, подальше от заразы. Добрались же эти двое – мужик с цыганской бабой – до нашей задницы мира. Так что всем достанется. Мор разбираться не станет, кто заражённый, а кто ни при чём. Значит, надо делать ноги... – снова пришёл я к первоначальным выводам.

Но вот уходить, менять свой привычный, размеренный и понятный мирок на опасные вёрсты дорог, не хотелось совершенно. «Ишь ты, домосед какой – произвольно улыбнулся я сам себе. – Корни пустил здесь, словно дерево».

– Витя! Ты уже не спишь, – в комнатку вошла разумная. – Я слышу, как ты дышишь. Ты проснулся. Вставай. Давай думать.

Открыв глаза, с удивлением обнаружил возле кровати помимо Зюзи ещё и кошку с Росей,

внимательно уставившихся на меня. А этим что нужно? Мурка одиночка по сути, ей собрания и совещания до лампочки; собачка, напротив, всегда слушается старшего – закон стаи, в которой я, по сути, вожак. Наверное, есть хотят.

– Встаю, встаю... Сейчас кушать сделаю...

– Потом еда! Сейчас давай думать! – настырно продолжала гнуть свою линию доберман.
– Бублик сказал предупредить о плохом разумных. Надо сделать!

Вот оно что! Спасители шерстяные... Разболтала, значит, кошка. Сами они лабрадора не видели и вряд ли смогли слышать его последние слова.

– И как вы себе это представляете? – угрюмо буркнул я.

– Мы найдём других и скажем им о болезни. Они тогда уйдут и останутся живые! – вывалила на меня свой план ушастая. – Мы быстрые, много времени не нужно.

– А вы подумали о том, что кто-то среди них может быть уже заражён? Ваши четвероногие приятели ведь мёртвых кушать не брезгают, да и по человеческим помойкам возле фортов наверняка частенько роются. Они и сами могут не знать, что скоро умрут! Тогда вы разносчиками инфекции станете! Об этом кто-нибудь подумал?!

Подопечные погрузились. Похоже, такой вариант событий им в головы не приходил.

– Тогда как? Что нужно делать?

– Мяу... – высказала своё мнение и Мурка.

Хороший вопрос. Сам над ним голову безрезультатно ломаю. И ответа пока нет. Точнее, есть... Скорее не ответ, а глубокий, потаённый страх. Не за себя, а за свою банду...

Сегодняшние рассуждения – это эхо старых раздумий, ничего нового. Я уже давно и всерьёз подумывал откочевать на север, в поисках своего Места, как эти непонятные инопланетные штуковины прозвали волки. Не ради регенерации глаза – это ещё бабка надвое сказала, да и вообще... Ради разумных. Собаки живут недолго, крупные собаки – совсем мало, а Зюзе уже около четырёх лет. Вполне состоявшаяся взрослая дама. Да и Рося уже совсем не кроха бестолковая, а про Мурку и говорить нечего. Если верить всем байкам, которые мне рассказали полковник и серые хищники, то жить там можно долго, очень долго. Главное – далеко не отходить.

И ведь поначалу честно намеревался отправиться на поиски, но постоянно держало что-то. То возраст и болезни Бублика, то Ольга, то погода. Да к чему врать самому себе – сытая и спокойная жизнь перевешивала все мои благие хотелки! Но срок, похоже, пришёл...

В стадиях ленивого, первоначального планирования я задумывал глубокий рейд на северо-восток. Не то чтобы в конкретную точку, а так, информацию подсобрать да мир посмотреть. Почему-то казалось, что у известных со времён YouTube Слизней все места заняты и вакантных нет. Но ведь есть и неизвестные! Или позабытые! Или новые! Именно такой мне и мечталось найти.

Похоже, бодрящий пендель от судьбы я получил. Пора ускоряться.

Взгляд зацепился за разумных, терпеливо ожидающих, пока закончу морщить ум в мудрых мыслях. Именно они и подтолкнули к принятию окончательного решения.

– Будем уходить! Искать своё Место! Или спрячемся далеко-далеко! – словно бросаясь в омут с головой, торжественно объявил я. А после добавил, – Давайте завтракать и

собираться.

– А предупреждать? – требовательно уточнила доберман.

Вот же липучка... И ведь права – нужно сообщить о надвигающейся беде кому только возможно, а не драпать сломя голову, но риски...

– Предупредим, – не стал спорить с ней я, рассчитывая выиграть время на дополнительное обдумывание ситуации.

Рося согласно твякнула и от возбуждения навернула несколько кругов по комнатке.

Решение бежать, принятое только что – оно сумбурное, эмоциональное, базовое, краеугольное; рождённое скорее не логикой и здравым смыслом, а внутренним шестым чувством, имя которому «чутьё». Вот только теперь действительно «думать нужно» – как идти и что брать. План необходим, подготовка.

... С подбором барахла для дальней дороги проблем не возникло. Это знание у меня отточено великолепно, потому лишнего не возьму. Патроны, спички, запас еды на несколько дней, иголка с ниткой, бельишко кое-какое, фляжка, куртка в скатке, немного разного по мелочи... Долго думал, стоит ли брать с собой золото – насобирал немного, пока с окрестностями знакомился. Подумав – взял. Это теперь вместо денег – может и пригодиться.

Чертыхнувшись, хлопнул сам себя по лбу и бережно уложил чуть было не позабытую подзорную трубу в твёрдом футляре. Так себе вещица, если честно – увеличение всего лишь пятикратное, потом всё расплывается невнятными цветными пятнами, однако вариантов у меня не много – попросту – другая труба, носимая ещё со времён моих партизанских действий вокруг паровоза, не лучше. Такая вот шутка – нашёл два редчайших оптических прибора, и они одинаковые. Зато компактные и надёжные.

Гораздо дольше пришлось подготавливать базу к консервации. Перенёс дрова из уличной поленицы в контейнер; тщательно заколотил пустые вагончики (для двуногих, понятное дело, не преграда, однако от любопытного зверья защита вполне приличная); произвёл тщательнейший осмотр и мелкий ремонт снаряжения; закрыл подвал с сейфами и ангар, спрятав ключи в надёжном месте. Целый день ушёл на эти, казалось бы, будничные мероприятия.

Разумным тоже не давал сидеть без дела. Не потому что их помощь мне была нужна – просто не хотелось, чтобы они оставались один на один со своими мыслями. Вот и гонял их весь день без передышки, точнее не их всех, а лишь Росю с Зюзей. Мурка, следуя кошачьим понятиям о труде, самоустранилась на излюбленную крышу навеса и оттуда посматривала на нас. Как мне казалось – с одобрением.

Собаки усердно собирали по всей территории мелкие веточки, проверяли целостность забора, рыли яму под мусор (да-да, лапами и аккуратно), потом её закапывали, утаптывали траву и занимались множеством иных, откровенно ненужных, но важных дел. Цели я своей добился – вымотал четырёхлапых полностью, заставив под вечер обеих помощниц обессиленно рухнуть у навеса от усталости.

Напоследок занялся велосипедом. Завёл себе по случаю железного коня, чтобы пешком не ходить. Старый, рамный, без всех этих новомодных планетарных втулок и насыпных подшипников. Надёжный, как молоток.

Смазал, хоть в этом и не было особой нужды, приделал к багажнику сумку с харчами, пару запасных покрышек, не забыл и про камеры. Этим добром окрестные мёртвые деревни оказались на редкость богаты, знай – собирай по сараям.

Под конец, совершенно умаявшись, собрал своих подопечных и торжественно объявил:

– Выходим завтра на рассвете. Сейчас всем отдыхать. Дорога будет долгой.

А затем прямо в одежде упал спать.

...Вот и последнее утро в моём новом доме. Обычное, тёплое, ничем не отличающееся от прошлого или позапрошлого. Природе ведь всё одно – есть я на базе или нет меня. У неё свои планы, свои резоны. Она радуется весне и солнышку, не отвлекаясь на беспокойных людишек, мельтешащих там и сям на её бескрайних просторах.

Традиций не нарушил. После утреннего моциона приготовил завтрак, перемыл посуду, убрал за нами. И только тогда пошёл окончательно собираться. В вагончике спокойно (словно глядя на себя со стороны) навьючил приготовленные с вечера пожитки, окинул прощальным взглядом ставшую родной комнату, и неожиданно зацепился краем глаза за фотографию, приколотую к стене. Ту, единственную, принесённую с собой из родного посёлка. Где мама, папа, сестричка и я.

Накатила грусть. В который раз вспомнились Ольга с Бубликом, смех по вечерам, уютные вечерние посиделки и чёткое понимание того, что мне необходимо спасти тех, кто у меня есть сейчас. Разумных. Свою новую семью.

Неожиданно для самого себя нежно, мягко провёл подушечками пальцев по фото. Без всякой цели, просто захотелось прикоснуться к прошлому.

В ответ словно обдало тёплой волной. И как-то само собой захотелось прижаться к этому кусочку бумаги и выплакать все свои обиды, страхи, сомнения. Как в детстве. И чтобы мама потом погладила меня по выгоревшей на солнце макушке и успокоила:

– Всё хорошо, сынок... Всё хорошо.

А отец, не умея показать свои чувства, неодобрительно хмыкнул и устало напомнил:

– Виктор! Мужчины не плачут!

Плачут, папа, плачут... Но только когда им совсем тошно, вот как сейчас. И ты это знал.

Что же, судьба выкинула очередной неприятный фортель, который нужно суметь пережить. И не просто пережить – а суметь выстоять, пока она, злодейка, привычно пытается вылепить из меня нечто жёсткое, жестокое, эгоистичное, по своему образу и подобию.

Ну уж нет! Для меня самое страшное – озлобиться, зачерстветь. Я видел много раз, когда сломавшийся человек становится сосудом ненависти ко всему окружающему миру и ищет в нём исключительно боль, выгорев изнутри дотла. Для самоистязания, пытаюсь таким способом заглушить свои утраты и по ходу причиняя зло окружающим. От чистого сердца, просто потому, что теряет способность видеть остатки доброго и тёплого в людях. Ненавидеть – проще, от этого ничто не может отвлечь.

Я – выстою... я – крепкий... Я выдержал годы рабства, пережил многих своих знакомых, смог дойти домой, своими ногами измерив многие километры полумёртвого мира... Справлюсь и сейчас. Нужно уйти – уйду. Понадобится убить – убью. Но свою новую семью сохраню, чего бы мне это не стоило.

Аккуратно завернул фотографию в бумагу и положил в нагрудный карман рубашки. Память

– это то немногое, что всегда с собой и по-настоящему моё. Стало легче. Я позволил себе немного улыбнуться, а после решительно вышел на улицу. Разумные ждали меня. Зюзя с вертлявой Росей – у ступенек, Мурка – на крыше навеса.

– Уходим, – сказал я главное. – Прямо сейчас. Кабаны наши умеют читать?

Доберман посмотрела на собачку, после ответила:

– Да. Человек их учил.

– Тогда я сейчас напишу им записку и повешу на заборе. Когда придут – увидят. Искать их не нужно. Кто знает, может, они уже заболели?

Такое заявление не понравилось моим подопечным. Они запереглядывались, явно совещаясь, но вот о чём?

Наконец, закончив обсуждение, в голове раздалось:

– Ты правильно говоришь. Но они наша семья. Плохо уходить, не прощаясь. Вдруг им нужна помощь? Вдруг они захотят идти с нами?

Как удар под дых получил... Что отвечать? Давить целесообразностью? Воспользоваться правом вожака? Попытаться убедить? А в чём? Разумные не хуже меня понимают опасность ситуации, но они ужасно консервативны. В их среде понятие стаи, уважения к старшим, взаимовыручка – не пустой звук. Но брать с собой кабанов, с их кабанихами и, возможно, поросятами – нереально. И не только потому, что Калачик с Пряником так и не стали частью нашей дружной оравы, предпочтя дикую свободу; и не потому, что ко мне они относились как к обычному знакомому, и не больше. Причина крылась в другом: искать этих свиней-переростков по условно – заражённой местности – это самоубийство в чистом виде. Вот так.

Пришлось заявить тоном, не терпящим возражений (на грани с хамством, аж самому неприятно стало):

– Нет! Мы им напишем, что ушли на север. Если они захотят – то найдут нас. Если нет, то нет. Начнёте искать – заразитесь и умрёте, и заразите других. И они тоже умрут! Понятно?!

Ответом мне стало понурое молчание.

Дальше тему развивать не стал. Надеюсь, разумные такой притянутый за уши компромисс как-нибудь примут, тем более что другого нет.

– Пойдёмте! – скомандовал я, взял велик за руль и покатил его к выходу.

– Мяу... – наконец подала голос кошечка. –

Зюзя вздрогнула, Рося поджала уши.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил я.

– Она не идёт. Говорит, её Место тут. Она скажет, – знакомые кабаньи морды, – про болезнь. Она предупредит. Говорит – не нужно писать.

Меня передёрнуло. Сначала Бублик жить не захотел... а... а ведь он предвидел всё! И не пожелал быть для нас балластом! Старый ты пень... – думалось мне, – Хитрый и продуманный... ты ещё тогда всё понял и просчитал варианты, уделав в логике и умственном развитии меня, сопливого венца эволюции... Теперь Мурка...

Стало страшно.

– Слазь! Слазь! Кому говорю? – в исступлении вырвалось из меня. – Сейчас достану – и уши тебе оборву!

Вместо ответа кошечка грациозно подошла к краю навеса, спрыгнула и, совершенно не обращая на меня внимания, направилась к разумным. Те стояли, опустив головы. Сначала она потёрлась о Зюю, ласково мурча, потом перешла к Росе.

Прощается...

Ну нет! Я в сердцах бросил велосипед на землю и кинулся к дурёхе, надеясь поймать, скрутить, засунуть в сумку и забрать с собой, даже против её воли. Не смог.

Разумная не стала убегать, а выгнулась подковой, грозно шипя. Рядом с ней встала доберман.

– Не нужно. Она так хочет. Нельзя заставлять.

И как-то сразу стало понятно – не получится. Не смогу я силой спасти свободолюбивую кошечку. Невозможно осчастливить против воли, как ни старайся. Порыв сам собой иссяк, теперь я просто стоял и смотрел на неё.

Ещё одна уходит... теперь нас всего трое. Надолго ли?

– Мяу...

Увидев, что я успокоился, Мурка подошла ко мне и без страха запрыгнула прямо в руки. Устроившись уютным, тёплым клубочком разумная ткнулась мне своим лобиком в нос, заурчав. Я несмело погладил волнистую шёрстку.

– Иди... – лёгкой волной тепла и нежности прошелестело у меня в голове. – Иди...

– Но почему?!

За кошечку ответила Зюзя, мой официальный переводчик.

– Она больше не хочет искать новый дом. Говорит – поздно. Просит не бояться. Говорит – она ни к кому близко не подойдёт, чтобы не заболеть. Просит не мешать.

– Мяу... – в подтверждение этих слов высказалась разумная, а затем остро посмотрела мне в глаза. – Мяу...

– Делайте что хотите, – обессиленно выдохнул я и поставил Мурку на землю.

А затем решительно подхватил велик и направился к выходу, не оборачиваясь. Хватит с меня этой Санта-Барбары! Так никогда не уйдём!

Открыл калитку, вышел, стараясь не смотреть в сторону погребального костра. Он хоть из-за забора и не виден, но сама мысль о пепелище напрочь выбивала из колеи, а перед глазами вставало то самое, виденное в безвестном хуторке под Полтавой. Где я всех в одиночку хоронил. Бр-р-р, не хочу!

Собрался закрывать выход и только сейчас заметил – разумных рядом нет. Звать не стал – свистнул. Резко, зло. Из калитки вынеслись два ветерка, материализовались в собак и уставились на меня.

Не хочу говорить. Не хочу – и всё! Сорваться боюсь, выплеснуть на них накопившееся. Больно...

Закрыв дверь, подпёр её палкой и, не оборачиваясь, зашагал в сторону дороге, катя велосипед рядом. Разумные шли чуть поодаль, грустные, потерянные.

– Мяу... – донеслось из-за спины, и я невольно обернулся. Мурка сидела на крыше вагончика и смотрела нам в след, склонив, по своему обыкновению, голову немного набок. Точно очередную сказку ждала.

– Прощай, – прошептал я. Знаю – она меня услышала. И голова сама собой повернулась в сторону последнего пристанища Ольги и Бублика – Прощайте.

Глава 3

План у меня был простой: продвигаемся на север, как можно дальше. Время в пути – до середины лета. Потом подготовка к зимовке. Дальше – посмотрим по ситуации. По дороге честно предупреждаем об эпидемии тех, кого встретим. Специально отвлекаться, петлять по фортам и фортикам не планировал. Слишком долгий и извилистый маршрут получится, можем не успеть скрыться от болезни.

В то, что Мор не остановится – я верил. Я вообще склонен верить в то, что плохое никогда не обойдёт тебя стороной, если сидеть на месте. Оно обязательно рано или поздно придёт на порог и постучится в темечко, в какую норку не забеешь. Потому – сейчас нужно бежать со всех ног и лап, выживая, делая через «не могу», полностью отдавшись самому главному инстинкту, доставшемуся нам от ещё от динозавров – инстинкту самосохранения.

Всех спасти не получится, как бы мне этого не хотелось. Прикинул среднюю скорость пешехода, умножил на шесть часов, припомнил, что с момента прихода заражённых в фортик прошло несколько дней. Всё, не догнать и не помочь. Да и не спасти мне человечество. Я не Супермен и не агент 007 с правом на убийство. Я – Витя, и не больше. И у меня осталось всего два члена моей семьи – Зюзя и Рося. Потому пустая дорога, в стороне от основной, найденной – самое моё. Кого встречу – предупрежу честно, а сознательно рисковать – увольте. Во мне героизм давно заменился самосохранением. Вот так.

Пока шёл – привёл мысли в порядок, проанализировал, что смог. Получилось не густо. По сути – прём наобум в мировое пространство, без карт и компасов. Ладно, не страшно, не впервой. «Будем решать проблемы по мере их поступления!» – подбодрил сам себя я и обратился к спутникам:

– Рося! Зюзя! Вы это... даже не знаю, как сказать. Короче! Я знаю, что вы нюхаете метки других... э... разумных. И знаю, что так получаете информацию – кто был, когда, ну и так далее... С сегодняшнего дня так больше не делайте. Мы с вами не знаем, как передаётся болезнь. Однако вполне может – что и через мочу!

Н-да... косноязычненько получилось. Ну да ничего, главное – поняли, о чём речь идёт.

Разумные долго, удивлённо смотрели на меня.

– Хорошо, ты умный, -- констатировала доберман. – Я про это не подумала. Спасибо.

– За что? – не понял я.

– Ты заботишься, значит, мы настоящая семья, – и, подойдя, нежно ткнулась мне головой в бедро.

– Тяф, – согласилась с ней Рося и попыталась в прыжке лизнуть моё лицо.

К обеду добрались до посёлка. Того самого, где я впервые встретился с Зюзей. Впоследствии мне доводилось в ходе мародёрных рейдов здесь бывать неоднократно, так что миновали ненаселённый пункт не останавливаясь – ничего интересного тут уже нет: в центре – маленькая площадь с памятником, местный универмаг, десяток пятиэтажек, детский сад со школой; неподалёку – гаражный кооператив; вокруг – частный сектор. Через весь посёлок – дорога из неизвестно откуда в неизвестно куда. Обычная типовая застройка для средней полосы страны.

...Двигались отработано. Кто-то из разумных постоянно рядом со мной, а кто-то впереди, примерно в километре-полтора. Смотрит, оценивает, стараясь не показываться на глаза. Я же неспешно кручу педали, объезжая ямы и выбоины.

Может, и не самый безопасный способ передвижения – зато самый быстрый. Есть, конечно, небольшой риск, что разумные могут что-нибудь упустить просто по незнанию и я в это что-то влечу на полном ходу, однако убежать пешком ещё опасней, потому что медленней.

С первым, относительно свежим следом человеческой цивилизации мы столкнулись километров через двенадцать от посёлка.

На обочине стояла брошенная ВАЗовская копейка. Старая, со сгнившими порогами, с непонятными, грязными узлами на крыше. Раньше её тут не было. Во всяком случае Зюзя про машину ничего не упоминала, а она округу обследует всегда досконально. На всякий случай уточнил у доbermanа:

– Ты когда здесь в последний раз была?

Разумная немного подумала и, страшно гордясь собой и своим умением считать, заявила:

– Восемь дней назад. Этой, – неприятно пахнет, – не видела.

Спешился, осторожно подошёл поближе, внимательно глядя под ноги. Мало ли, может, хозяева растяжку поставили от таких вот любопытных, по дорогам шляющихся.

Капот смотрел вверх, и я рискнул заглянуть под него.

Сердце машины оказалось мертво даже на первый, неискушенный, взгляд. Весь двигатель в масле, на радиаторе пара засаленных тряпок. Попробовал рукой, выбрав место почище – холодный. Но это не показатель. Автомобиль может стоять здесь и с утра, и неделю.

Наклонился, посмотрел на масляное пятно на земле. Вроде как впиталось, во всяком случае пылью чёрный, жирный след уже прихватило.

Разумные крутились рядом, с интересом посматривая за моими действиями, однако близко не подходили. Рося, принявшись, даже фыркнула пару раз, выражая недовольство плохим, по её мнению, запахом.

– Следы людей есть? – поинтересовался я, закончив осмотр.

– Нет, – уверенно ответила Зюзя. – Я ничего не чувствую.

Значит, как минимум сутки, а то и двое тут никого нет. Добbermanьему носу я вполне доверяю. Погода стоит отличная, дождя или жары не было, а про прочие факторы, влияющие на чутьё, я не знаю. Нет, слышал, конечно, что охотничьих собак сбивают со следа рассыпанным табаком или всякими химическими реагентами, вот только откуда в нашей глуши такая роскошь? Да и ушастая бы сразу сообщила о непонятных запахах. Наше совместное путешествие в своё время нас многому научило, потому стараемся

обращать внимание на любую необычную, неправильную мелочь по ходу движения.

Покрутился, осмотрел близлежащие кусты и кустики. И не зря. Метрах в тридцати, на обочине, обнаружили две обёртки от конфет, смятые и небрежно отброшенные в сторону. Палкой, чертыхаясь, кое-как развернул. Дюшес... Люблю такие, точнее, любил. Интересно, кто это такой сладкоежка?

Продолжил осмотр, честно обшарив близлежащие кусты и канавы, однако больше ничего найти не удалось. Решив не делать поспешных выводов и удвоив бдительность, мы двинулись дальше. Ехал не быстро, ну его...

Через два часа добрался до тропинки на Бирючий хутор, расположенный в полукилометре от развилки дорог, за холмом. Что тут было раньше? Не знаю. Никогда внутри не бывал. Хотя вопрос интересный. Небольшая, огороженная добротным, высоким забором из бетонных плит территория; дом с плоской крышей, более всего напоминающий старую бензозаправку; стоит в стороне от всего. Кто его построил? Зачем? Не понятно.

В этих хоромах обосновался угрюмый, нелюдимый мужик со своим семейством. Поселился он тут, как и я – примерно год с хвостиком назад. Рукастый гражданин оказался – быстренько приспособил пустующее помещение под свои нужды, дымоход вывел, вокруг забора выкопал вполне приличный ров, на совесть утыкав его кольями. Зверь точно не пройдёт, а люди... да и люди тоже бесшумно не подкрадутся. Откуда пришёл этот человек, что заставило его сняться с насиженного в прошлом места – загадка. Пришёл и живёт, беспокойства никому не доставляет.

Более того – я даже имени его не знал, хотя в том году и пытался пару раз с ним заговорить, когда шастал по округе и изучал местность. На все попытки вежливого общения хозяин хутора попросту слал всех по матушке, не особо стесняясь в выражениях. Ружьём ещё угрожал. Бирюк, одним словом. Но предупредить его надо, как ни крути.

Свернул на остатки старой грунтовки, почти полностью сожранной природой. Вон уже и забор немного виден – выглядывает из-за бугра. Теперь надо торговое место не проморгать – вполне могут расценить как неуважение. Тоже странность – ни с кем не общается, а подходы оборудовал по обычаю. Явно раньше среди людей жил и явно их за что-то не любит. Ладно, не моё дело. Если не придирайтесь – идеальный сосед. Тихий, спокойный, глаз не мозолит, перфоратором по ночам не балуется хотя бы потому, что не имеет его.

Снова, против воли, вспомнилась Ольга и совместные с ней ночи там, в гостях, среди людей, в фортике. Жаркие, пьянящие, изматывающие и почти бессонные. А вот в последнем вина женщины была лишь частичной. Причина бодрствования оказалась проста – не мог я там, в поселении, толком спать. Шумно, людно, тесно. Кажется – словно зажат со всех сторон стенами домов, мужицким храпом, хлопаньем дверьми идущих под утро до ветру. Отвык я, в общем, от общества. После каждого визита по несколько дней в себя приходил. Моя ведь банда – она тихая, молчаливая. Даже мыслеречь не напрягает, не бьёт по барабанным перепонкам. Наоборот – она мягкая, сама собой в голове звучит. При небольшой привычке – можно вполне слушать разумных и контролировать окружающее пространство. Очень удобно.

Когда до так называемого Менового Камня оставалось метров триста, разумные без напоминаний растворились в кустах. Опытные уже, зазря не высовываются. Знают, чем для них встреча с людьми закончиться может.

Неспешно приближаясь, вглядывался в верхний край забора. Пальнуть мужик вроде и не

должен, но мало ли... Может, крыша у него поехала от замкнутого пространства или обидел кто... или Мор стороной не обошёл. Потому мандраж присутствовал, да...

Первой мыслью было написать послание на бумажке, положить на видном месте, придавив каким-нибудь булыжником поувесистее и свалить. Однако, по здравому размышлению, решил этого не делать.

Вот получи я такое послание – вопросы бы возникли? Обязательно. И вряд ли бы поверил. Скорее счёл бы записку дурной шуткой. Потому попытаюсь поговорить, не приближаясь, впрочем, близко. Рискну сделать доброе дело воочию, по-соседски.

У хутора роль условного торгового места играл грубо сколоченный стол, вкопанный в землю прямо на обочине и отлично видимый из поселения, от которого отстоял метрах в ста пятидесяти. Для ружьишка – проблематично, для винтовки – не расстояние. Видимо, именно с таким умыслом место и подбиралось – чтобы без проблем при нужде перещёлкать чем-то не понравившихся или неугодивших бизнесменов.

Приблизившись к столу, спокойно слез с велика, демонстративно показал пустые руки, мысленно пожелал себе удачи и заорал:

– Эй! Живые есть?!

Тишина...

– Ау! Я спрашиваю – дома есть кто?!

– Есть! Не ори! – донёлся грубый мужской голос из-за забора. – Чего глотку дерёшь?! Чё надо?! Чё припёрся?!

От сердца отлегло. Ругается – значит ещё жив и здоров.

– Предупредить хочу! Посёлок, где Оля-фельдшер жила, знаешь?

– Ну?

– Там Мор. Беженцы с юга занесли. У тебя были?

Ответа не последовало. Что-то грюкнуло, стукнуло, и над воротами возникла голова хозяина. Видимо, лестницу приставил.

– Что ты несёшь? Какой, к чёрту, Мор?! Пьяный, что ли?!

Я горько усмехнулся.

– Трезвый. Трезвее не бывает. Она сама мне об этом рассказала перед смертью.

В подробности пускаться не стал. Ни к чему это.

Голова задумалась, а после по-детски, наивно, несколько раз моргнула и уточнила:

– Правда?

– Правда, – подтвердил я. – Около недели назад к ним двое пришли – мужчина и женщина. После их ухода и началось... Сам не видел, но вот Ольга на моих глазах умерла. Так что думай... Убеждать тебя ни в чём не собираюсь.

Посчитав свой долг перед обществом выполненным, я уже собрался уходить, как вдруг хуторянин очень спокойно, еле слышно из-за расстояния, произнёс:

– А я знал, знал... Потому и людей сторонился. Не верил, что Господь нас вот так, просто, отпустит после очищения земного.

О, на религию пробило. Точно валить пора. Ни к чему мне эти бредни слушать. Между тем мужчина продолжал:

– Не было у меня беженцев никаких. Купцы были, на север пошли. Только куда? Там на сто с гаком вёрст никого. Думаю, вернутся скоро. Спасибо, что сказал. И тогда их не пустил, и теперь уж точно не подпущу и на пушечный выстрел!

– Купцы? – заинтересовался я. – Какие купцы?

– Да не поймёшь их, какие они... Два мужика, сытые да ладные. Нитки на обмен предлагали. Я не взял. Зачем они мне – нитки? Своих хватает... Ещё расчёски для баб, говорили, есть...

– Когда приходили?

Голова поморщилась.

– Давеча. Точнее не скажу. Дней пять назад, где-то так. Не запоминал, своих дел хватает. Ладно, работать надо. Бывай. И... спасибо.

Хозяин скрылся из виду, а я с чувством выполненного долга поехал дальше. Интересные дела вырисовываются: посёлок, в котором жила Ольга, стоит на другой дороге, западнее километров на тридцать пять-сорок. Напрямую, как я, по лесам и полям, кроме местных тут никто бродить не станет. Получается, неизвестные купцы круг накинули вёрст в восемьдесят? Зачем? И накидывали ли? Оля (тут я горько вздохнул) чётко говорила – к ним мужчина и женщина приходили, а тут два мужика... Бирюк, при всей его дикости, точно бы половую принадлежность не перепутал. Странно...

Для торговли однозначно разумнее идти той дорогой. Там и поселения погуще стоят, и путники попадают – всегда к кому-то прибиться можно. Новые рынки сбыта ищут? Тогда откуда они? Навернули круг с севера в сторону Фоминска и теперь, как римские легионеры из захваченной Галлии, решили домой другим путём возвращаться? Вполне может быть, вполне... Или наоборот, с юга двигаются, края разведывают. Тогда откуда? Да хрен его знает... Юг большой. Может и так, вполне допускаю. Но напрягает другое: вдвоём, налегке путешествовать – опасное это дело. Могут и пристукнуть, очень легко. И даже нитки забрать.

С разумными встретились примерно через километр от Бирючьего хутора. Они мирно лежали в тени, под молодым деревцем, и терпеливо ждали, пока я закончу предупреждать.

Поприветствовав, коротко рассказал о своём разговоре с хуторянином и особо предупредил о купцах и отмеченных мною странностях в их передвижении. Да и про других встречных и их возможной враждебности напомнил – лишним не будет. Пусть и нудно получается – ничего страшного. Я в ответе за них, оберегаю как могу.

Слушали меня внимательно. Когда закончил, доберман ответила:

– Не понимаю. Зачем так странно ходить? Туда, где никого нет?

Самому интересно...

– Не знаю. Пусть ходят как хотят. Главное – с ними не встретиться. Могут и напасть.

– Их надо предупредить, – завела свою пластинку правильная Зюзя. – Они – разумные, должны жить.

Вот ведь чистая душа! Смерть вокруг гуляет, а она о незнакомцах печётся.

– Давай так, – предложил я. – Когда их увидим – сразу подходить не станем. Посмотрим, что за люди, а там решим. Если хорошие – я к ним пойду и всё скажу, если плохие, то...

– Надо предупреждать всех! Плохие тоже хотят жить! – настаивала доберман.

Вот зануда.

– Зюзя! Если они окажутся плохими – то начнут в нас стрелять и предупреждение им уже не услышать! Потому что они нас могут убить раньше, чем я «Мама» скажу! – сделал несколько глубоких вдохов. Слишком эмоционально получается. Отдышавшись немного, продолжил, убавив громкость в голосе. – Потому давай просто посмотрим сначала, с кем нас сведёт судьба, а потом решим, как нам поступать. Не будем торопиться.

Ушастая задумалась, положив морду на лапы. После ответила:

– Да. Я не умно сказала. Просто хочу...

Я присел рядом и ласково, успокаивающе провёл ладонью по её голове:

– Я знаю. Ты хочешь добра.

Под вторую руку, чуть повизгивая, почти сразу подлезла Рося за своей порцией внимания. Что поделаешь – разумные собаки всё равно собаки. Любят и ласку, и внимание, и не стесняются попросить об этом, в отличие от нас, людей.

Проехав ещё километра четыре, решили, что на сегодня путешествий хватит. До вечера хоть и далеко, однако надо и поохотиться успеть, и добычу приготовить, и на ночлег устроиться со вкусом. А это время.

Лагерь разбили в старом автобусе, обнаруженном ушастыми среди деревьев. Видимо, в далёкие времена неизвестный водитель по каким-то своим причинам попросту согнал его с дороги в сторону, не особо заботясь о сохранности. Время и природа постарались превратить транспорт в почти идеальное укрытие, спрятав среди свежей листвы и густо разросшихся ветвей кустарника. Не знаешь, где стоит – ни за что не найдёшь.

Дорожных служб теперь нет, кроны вдоль шоссе подрезать некому. Сегодня обычные двухполосные магистрали больше всего походят на тоннели с зелёной крышей, из которой красиво падают на выщербленные, местами вздувшиеся остатки асфальта, солнечные лучики. Раньше такие места фотографировать модно было, в качестве экзотики, и подписывать снимки этак пафосно: «Природа забирает своё» или «Забытая дорога», а после, пропустив изображения через множество фильтров, добиваясь некой загадочной потусторонности, хвастаться ими в соцсетях.

Как ни странно, вычурные названия спустя годы и впрямь подошли идеально, навевая уныние, тоску, всякую ненужную философию о бренности бытия. Казалось, прямо на глаза происходит очистка мира от нас, человек. Медленно, настырно, тихо.

...Припрятав своё небогатое имущество, все вместе отправились на охоту и через полчаса наши старания увенчались тремя птичьими тушками. Обратного возвращаться не стал – ни к чему лишние следы своего пребывания оставлять. Выбрал полянку

поприличней, кое-как ощипал ещё тёплую добычу, разделал и отдал две порции разумным. Те радостно впились клыками в мясо.

Что интересно, ни Зюзя, ни Рося никогда не едят птичьи кости, хоть и собаки. А ведь должны, и как раз именно по этой причине. В своё время я спросил, почему так? Ответ удивил своей простотой:

– Они острые. Вредно.

И ведь никто им не объяснял такие тонкости! Сами додумались! Развиваются ушастые, слов нет, развиваются. Теперь это точно не просто говорящие собаки – это полноценный новый вид.

Свою птичку я обжарил на костре до полуготовности и тоже с удовольствием съел. На потом оставлять ничего не стал. Надо снова приучать себя к «одноразовому» кормлению, а таскать за спиной пахучее мясо – увольте. Дураков нет. Ещё можно и табличку туда же повесить: «Хищники! Ау!»

Да и подопечные мои слюной изойдут от запахов. Ушастые покушать очень любят...

Насытившись, вернулись обратно, к автобусу.

На ночлег устроился удобно, почти по-королевски – на заднем, длинном, практически не обезображенном временем сидении, растянувшись в полный рост. Разумные попросту улеглись на полу. После вечерней сказки, прислушиваясь к их мерному посапыванию, думал о разном: о будущем маршруте движения, о возможных сложностях, об Ольге, о том, сколько хорошего прошло в этой жизни мимо нас, о своих подопечных, об оставшейся Мурке, о старом друге Бублике... Да много ещё о чём – не спалось.

Забылся поздно. Не знаю – во сколько, часов у меня нет.

Подняла меня Зюзя.

– Люди! – почему-то торжественно сообщила она. – Идут.

Я спросонья разобрался не сразу.

– Какие люди? Откуда? – и, немного придя в себя, пряча беспокойство, быстро уточнил. – Они вас видели?

– Нет. Она, – мордочка Роси, – смотрит. Не подходит. Люди идут к нам. Скоро пройдут мимо.

Час от часу не легче! Откуда здесь люди?

– Сколько их?

– Четыре. Женщина и три мужчины, – доберман насторожилась, уши стали торчком. – Уже скоро подойдут.

Если Зюзя говорит, что скоро подойдут – значит, так оно и есть. Выскочить из автобуса? А дальше? Спрятаться? Тогда из-за кустов и листвы не рассмотрю – что за люди тут расхаживают. А надо? Надо. Очень надо. Если идут оттуда – значит, могут пойти и обратно. За мной. Тогда лучше знать их в лицо. Не люблю неизвестное за спиной оставлять.

Покосился на двери автобуса – открыты полностью. Если что – рвануть в них можно без

проблем – и тогда меня хрен догонишь. Тут растительность сложнопроходимая, а оббегать – долго и шумно. Попытаются подойти – услышу. Да и вряд ли они об этом месте знают. С асфальта меня не видно – могу даже поспорить на что-нибудь. А вот мне всё видно вполне. Немного, кусочек дороги метров в десять, но этого хватит. Решено. Посмотрю.

Пока я так рассуждал, с северной стороны зашуршало. Это был не громкий топот подкованных сапог, не глухое уханье армейских ботинок. Больше походило на шелест кроссовок при быстрой ходьбе.

Вот только кроссовки сейчас никто не носит. Обувь хоть и удобная, но непрактичная. На первой же мародёрке рискуешь ногу о ржавый гвоздь наколоть или на битое стекло, коего везде в избытке, напороться. Ну и время с ними весьма жёстко обошлось – верх от подошв стабильно отклеивался, материал нещадно облезал и лопался. Откуда знаю? Да всё мечтал найти себе лёгкую и удобную обувь – по базе передвигаться. Не получилось, зато знание осталось. Ладно, посмотрим на этих спортсменов...

Через минуту на видимом участке дороги показался мужчина. Подтянутый, худощавый, возраст – хорошо за сорок, коротко стриженная голова с заметной проседью. Одет просто – плотные брюки «карго», серый вязаный свитер. Куртка в скатке, за спиной к вещмешку приторочена. В руках – двустволка. На ногах... а вот и ответ, проясняющий непонятный шелест – сапоги. Но не привычная кирза, а новодел. На толстой кожаной подошве, почти без каблука. С коротеньким, мягким голенищем. Смахивают на «угги» на современный лад. Дорогая вещь! И не только в изготовлении – сейчас нормальных сапожников – раз, два – и обчёлся, а и по материалу – кожа нынче в цене, можно сказать на вес золота.

Для производства таких сапожек нужно собственной шкуркой рискнуть – зверюшку выловить покрупнее, убить, ободрать, найти правильного скорняка, да ещё много чего! К тому же – подошва быстро изнашивается – а это опять нужно кожу добывать для ремонта.

Но и плюсов у такой обуви полно – почти бесшумная, по ноге сшита, на длинных переходах лучше и не придумать.

Это что же за богатей в наших краях завёлся? Да его за эти сапоги пристрелить – почти святое дело! Они же сами по себе – целое состояние. Смелый гражданин, смелый...

И тут я заметил то, от чего у меня между лопатками заструился холодный пот – взгляд этого человека. Охотничий, оценивающий, настороженный. Глаза не стояли на месте, не фокусировались на чём-то одном. Казалось, они находятся в постоянном движении, сканируя окружающий мир. Да и повадки были под стать: походка – лёгкая, опытная, быстрая. Явно не одну сотню километров пешком он оттоптал – простыми тренировками такой ненапряжной бесшумности и скорости не добиться. И движется он, надо признать, гораздо быстрее меня... Я так не умею. Почти стелется над асфальтом, едва его касаясь. Н-да... неприятный гражданин... Нет, может, в быту он и душа-человек, но вот на дороге, один на один – опаснейший противник. С первого взгляда понятно.

Показались и остальные трое. Рося не ошиблась: двое мужчин и женщина. Шли немного шумнее первого, но тоже умело. Мужчины – по повадкам словно родственники с первым: стремительные, по-звериному настороженные, контролирующие каждый свою сторону. Возраст – да тоже под полтинник. Некрупные, одеты простенько, за спинами небольшие котомки. На ногах у обоих уже не сапоги, а что-то вроде рабочих туфель с толстой, рифлёной, подошвой. Тоже хорошая обувь, если как следует разносить – мне такие не попадались, к сожалению. Идут молча, не разговаривают. В руках у каждого – по ружью. По синхронности, слаженности шагов и движений можно было бы подумать, что это братья. Всей разницы – один весьма плешивый с загорелой, едва обрамлённой редкими волосиками лысиной, а другой – просто бритоголовый с рыжеватой щетиной на

щеках.

Замыкающей шла женщина. Маленькая – метр шестьдесят от силы, круглолицая, пухленькая, с широкими бёдрами и короткими ножками. Возраст я определить затруднился. Старше меня – точно, а вот на сколько? Не знаю. Я не силен в угадывании. Одета она была весьма странно. Широкое, с длинными рукавами, глухое синее платье не полоскалось парусом в такт шагам владелицы, как ему положено, а было подвёрнуто снизу и собрано на поясе, открывая толстенькие ноги в спортивных штанах. Модификация для путешествий? Вполне возможно – так и подол ни за что не цепляется, и идти, наверное, удобнее. Обувь у неизвестной разнообразием не впечатлила – те же тяжёлые туфли, что и у мужчин. Наверное, где-то склад нашли и прибарахлились на всех. Идёт тоже опытно, быстро. Что ещё? В руках у женщины ружьё, голова повязана платком, лицо...

Я окаменел. Лицо у идущей было откровенно с цыганщиной. Не чистокровное – я этой публики в своё время много повидал, но вполне соответствующее образу вокзальной гадалки. Подтверждали мою догадку и иссиня-чёрные волосы, немного выбившиеся из-под холстины, да и само выражение физиономии – хитроватое, дерзкое, упрямое. Ей бы юбку цветастую до земли, серьги-подковы, красные бусы и «Ай-нэ-нэ» запеть под бубен – идеально бы подошло. В том же Фоминске на одном бы гадании с танцами озолотилась. Там народ до развлечений жадный и вполне платежеспособный.

В груди запекло, и я с удивлением отметил, что инстинктивно не дышу – стараюсь себя не выдать. Посмотрел на ушастую – лежит на полу автобуса, морда на лапах. Напряжённая, вон, как мышцы под шкурой перекачиваются. Тоже волнуется... Ей сложнее, я хоть вижу, что вокруг творится, а она просто ждёт.

Медленно открыл рот, ещё медленнее начал выпускать из себя переработанный моим организмом воздух. Вспомнился рассказ Ольги о беженке с Юга. Там вроде как шрам у глаза в виде завитка был. Всмотрелся – нет, не видно. Если и есть, то или маленький, или старый. И идёт ко мне левым боком, словно специально... Как бы получше рассмотреть? Вряд ли это та самая, принесшая за собой смерть. Умерла бы уже, а у этой вон – лицо чистое, ни прыща, ни пятнышка.

А если... – тут мне вспомнилась когда-то читаная история про Мэри Маллон, или Тифозную Мэри – бессимптомную носительницу брюшного тифа. Заразила она, помнится, более пятидесяти человек, некоторые даже скопытились, а сама при этом жила себе вполне нормально и чувствовала себя хорошо.

В это время четвёрка идущих скрылась из видимого сектора, а я, решив пока не высываться, продолжал гонять в голове новые данные.

Вариант с носительницей отмёл сразу. Даже если тётка и инфицирована – то остальные – вряд ли. Не бывает сразу столько Мэри в одном месте. И идёт она однозначно не по принуждению, иначе бы оружие отобрали и со спины не поставили. Значит, не она... Но цыганское лицо... И не вспомню – когда в последний раз ромал видел. Слишком сильное совпадение получается, чтобы правдой быть.

Мысли снова вернулись к возможному завитку на её лице. Она или нет?

Сторонне вспомнилось, что на дне моего сидора лежит простенькая подзорная труба, в которую можно было бы легко всё рассмотреть. Уже хотел было себя обругать последними словами, но успокоился. Смотреть через оптику в солнечный день на опытных людей – верх глупости. Вполне можно солнечного зайчика пустить ненароком – и конец моей скрытности. А антибликового покрытия на стекле нет – значит, отбой хорошей идее, риск слишком не оправдан.

Но мозг упорно не сдавался – под разными углами анализируя увиденное. Мужик и баба в форте, два торгаша. Шли разными дорогами, возможно, торгаши даже ехали на том

мёртвом автомобиле. Двигатель накрылся – пошли пешком. Хм... реалистично звучит. Куда шли? Неизвестно.

Ладно, отставим пока эту непонятность в сторону.

Могли ли они пересечься, чисто теоретически, с беженцами? Вполне. Там, дальше, есть ещё один перекрёсток и дорога, связывающая мой тракт и тот, оживлённый. Отсюда, кстати, не далеко. Разведгруппа с инфицированными встретила в условленной точке?

Я скептически хмыкнул: «Совсем ты, Витя, умом скорбный стал. Такую хрень выдумываешь, что аж стыдно за тебя. Ещё для полноты диагноза инопланетяшек сюда приплети и теорию вселенского заговора».

И сам себе ответил, вступая во внутренний спор: «Может и так. Только идут все налегке – ни узлов, ни сумок. Как я. Даже легче – я ещё велик тащу и тушёнку – а эти совсем не сгибались при движении. В далёкие-далёкие края так не ходят. К тому же, топали они в полном молчании и весьма целеустремлённо. Куда? Дальше по дороге на семьдесят вёрст ни шиша нет. И в другой стороне тоже, километров за тридцать поручусь. Мутняк какой-то».

Ну и как узнать правду? Если это всё же инфицированные – нужно при помощи ружья принять санитарные меры, чтобы они других не заражали, да и за Ольгу с Бубликом посчитаться. Если нет – чёрт с ними, пусть идут, куда им надо.

И тут меня разобрала злость. На себя, на эту загадочную четвёрку, на весь мир. Чего я рассусоливаю, сам себя запутываю? Нужно просто проследить за ними. Когда станут на привал – через подзорную трубу глянуть на лицо тётки и определиться. Вот тогда и решать, что дальше делать. А пока все эти колебания лишь смуту ненужную во мне сеют.

Решено! Иду следом, посмотрю – и по ситуации. Иначе сам себя рассуждениями мягкотелыми и абстрактными задолбаю. Задержка в день не критична, а ясность нужна. В противном случае сам себе не прощу того, что мог – и не разобрался.

Поделился соображениями с доберманом, чем ввёл её в глубокую задумчивость...

Глава 4

Велосипед я благополучно оставил у автобуса. Ну не тащить же его с собой, тем более, что та четвёрка передвигалась пешком, а значит, скорость нам необходимо синхронизировать, во избежание неприятных казусов. Там же выложил и часть провизии из вещмешка – зачем таскать лишнее?

Дождавшись Росю, первым делом попросил продемонстрировать мне через мыслеобраз лицо женщины, надеясь собачьими глазами разглядеть так заинтересовавший меня шрам. Не получилось. Она честно мне показывала, что видела, вот только ориентировалась собачка больше носом и слухом, чем зрением. Всё, что удалось рассмотреть – непривычно большие, из-за разницы в восприятии, фигуры идущих людей, да и те через плотно скрывавшую их завесу листвы.

Ладно, чуда никто и не ждал. Наскоро собравшись, покормил свою банду, безжалостно израсходовав на это дело две банки тушёнки, напоил и, проверившись и попрыгав, отправился следом за ушедшими в сторону юга людьми.

Вперёд пошла Рося из-за своих малогабаритных размеров, добердама же осталась со мной, хоть ей это и не слишком понравилось. Против ожидания, в спор она вступать не стала, понимая мою правоту, но шла исключительно впереди меня, демонстрируя в знак обиды свою филейную часть и ни о чём со мной не разговаривая. Ничего страшного –

пообижается и перестанет. Не дело крупной собаке в разведчиков играть – её предков не для того вывели. Зюзина стихия – бег, молниеносная атака, тонкости в распутывании следов, а вот скрытность – мимо. Много её для этого дела. При нужде, конечно, подползёт куда нужно, но против Роси – юркой, тонколапой, лёгкой – проигрывает без вариантов.

Шли долго. Наша шпионка несколько раз возвращалась обратно и, вильнув хвостом, сообщала, что люди идут по-прежнему по дороге, не разделяясь и никуда не сворачивая. Единственный раз они остановились лишь у брошенных Жигулей и один из мужчин (из-за расстояния Рося не разглядела – кто именно), забрал что-то объёмное из узла на крыше.

Получается – я не ошибся. Машина или им принадлежит, или в ней был какой-то пропущенный мною тайник – в тряпье я не копался. Какие из этого можно сделать выводы? Не знаю. Любые, кроме одного – это точно не беженцы.

Между нами, по моим прикидкам было около трёх или четырёх километров. Ближе я подходить опасался, да и вряд ли бы смог. По мыслеобразам, предоставленным разведчицей, вполне угадывалась местность, которую сейчас прохода четвёрка, и скорость была вполне себе – еле поспевал.

Посёлка мы достигли глубоко за полдень. Заходить не стали. Я расположился в тихом месте, неподалёку от первых домов, и попросил ушастую обойти ненаселённый пункт и устроить там наблюдательный пункт, чтобы держать выход из него под контролем. Мало ли, преследуемые вполне могут передохнуть и дальше двинуть. Рося же никуда не пошла. Она растянулась у моих ног и часто, хрипло дышала, лёжа на боку и вытянув лапы. Убегалась, бедолага, на сыскном поприще. Это мы с Зюзей по прямой почти шли, а она – постоянно туда-обратно носилась, и всё на нервах. Кто хочешь устанет.

Доберман, едва услышала мою просьбу, стартанула так, что только клочья земли полетели. Я усмехнулся. Зюзя мне сейчас больше всего напоминала большого ребёнка, которому взрослые доверили простенькое и несложное дело только затем, чтобы несмышлёныш под ногами не путался. А он этого по наивности не понимает и страшно горд поручением.

Снова усмехнулся – теперь уже своим мыслям. Доберман, при всей её прекраснотушности и доброте – далеко не так проста. Умна, хитра, многому обучилась за последние два года. И сравнение моей ушастой с ребёнком – это так... ассоциативно. Просто я, к большому огорчению, уже давно не умею так искренне радоваться мелочам жизни, несложной помощи ближнему, собственной нужности.

Почти все эти качества заменили во мне опыт, расчёт, ответственность. Эта болезнь называется взросление, зрелость. Плохая болезнь, мне не нравится, но от неё никуда не убежать. Единственное, что осталось от того меня, молодого и задорного, готового по первому предложению друзей сорваться с места и рвануть, сломя голову и не задумываясь о последствиях, за тридцать земель – любовь. Любовь к своей новой четвероногой семье; умение быть с ними и в горе, и в радости. Как по мне -- вполне достаточно.

Сел на землю, положил руку на голову Роси, рассеянно поглаживая за ушами. Разумная пододвинулась, посмотрела мне в глаз.

– Что, моя хорошая? – захотелось сказать ей что-то приятное. – Устала?

Горячий, шершавый язык лизнул мою штанину.

– Устала, – продолжил я. А затем, устроившись поудобнее, рассказал ей все свои сомнения и рассуждения по поводу той самой четвёрки, которую мы преследуем. Она имеет право знать – не чужая. Зюзе ведь рассказал.

Рося слушала очень внимательно, уставившись мне в лицо и почти не моргая.

Когда закончил, спросил, сам не зная зачем:

– Что думаешь по этому поводу?

На ответ не надеялся – разумной крайне тяжело даётся мыслеречь, однако собачка смогла меня удивить. Сначала в моей голове возник образ лежащего в тени Бублика, потом – Ольги в тот самый день, когда она впервые пришла ко мне в гости. А затем Рося зарычала. Негромко, зло, по-прежнему не сводя с меня взгляда. Я её понял.

– Ты хочешь мстить, если наши подозрения окажутся правдой?

– Р-р-р-р.

– Как?

На этот раз мне показали погоню за зайцем. Впервые видел такое зрелище собачьими глазами. Скорость, азарт, высокая трава хлещет по морде – не больно, но жмурится заставляет регулярно. Выручают нос и слух. А потом я почувствовал во рту вкус горячей, солоноватой крови и... победы.

Хорошее объяснение. Понятное.

– Ты будешь драться?

– Р-р-р-р.

– А если это не они?

Разумная явно озадачилась, но ненадолго. Решение она нашла быстро – просто преувеличенно бодро повильяла хвостом.

– Извинимся и уйдём? – не смог сдержать я смешинку.

– Тяф!

– Или просто посмотрим и на глаза не покажемся. Если мы ошиблись – напишем записку с предупреждением о болезни, и ты её положишь у них на пути, дальше по дороге. А сами уйдём в далёкие земли, где всё у нас будет хорошо.

Рося прикрыла глаза. Она любит такие моменты, когда я начинаю что-то рассказывать. Сказочное, несбыточное, тёплое. Такое, во что хочется верить. Знаю – у меня получается, потому что от чистого сердца идёт. Ну и научился декламации за последнее время, куда ж без этого – почти каждый вечер тренировался, всё по-честному.

Иногда даже мысль проскакивает, немножко грустная – надо было книжки садиться писать, а не по стройкам горбатиться. С воображением у меня всё в порядке, а переносить его в буквы, думаю, можно научиться. Вот закрыл глаз – и ты в придуманном мире с эльфами, драконами, прекрасными принцессами, хитрыми колдунами. Не хочешь меч и магию – стоишь на пиратском фрегате весь такой суровый, мужественный, обязательно с серьгой в левом ухе и потёртой, просоленной морем треуголке. Тоже не подходит? Тогда тёмная-тёмная ночь, револьвер в руке и

полицейский жетон в кармане, одинокий фонарь и где-то там, во мраке, злодей с ружьём. Или два, или целая банда.

У меня таких историй в голове пруд пруди. Потому я в ожидании вечера или ушастой – в зависимости от того, кто первый припожалует, принялся тихо рассказывать разумной очередную историю собственной выдумки. А она млела, наслаждаясь вывертами сюжета и спокойствием.

Доберман вернулась глубокой ночью.

– Люди не ушли. Они спят в, – картинка посёлка.

– А если не по дороге пошли? – усомнился я больше для проформы, чем действительно так думал. Им ведь тоже отдых нужен, и здесь удобнее всего встать на ночлег. Дальше по дороге есть ещё одно селение, но так себе – дрянь одноэтажная в десяток дворов.

Между тем ушастая ответила:

– Нет. Я обошла везде. Новых запахов нет.

Значит она права... Тогда как их найти? Идеально было бы где-то тихо засесть напротив их лежбища и утром спокойно глянуть на тёткино лицо из укромного места. Но посёлок крупный. Большой частный сектор, несколько пятиэтажек в центре, десяток двухэтажных многоквартирных. Искать четвёрку опытных, вооружённых путешественников, да ещё по ночи и ничем не выдавая своего присутствия – опасное занятие.

Спрятаться с другой стороны посёлка? А если они не по дороге пойдут? Маловероятно, конечно, но всё может случиться. Блажь на них найдёт прогуляться по заброшкам или новые дороги посмотреть?

Да и слишком не хочется опять по кустам прятаться, чтобы снова пытаться разглядеть неизвестно что на женском лице – легко второй раз опростоволосится, не заметит меточку. А выходить навстречу с радостной улыбкой на лице и вежливо просить: «Дайте-ка я вас рассмотрю» – верх тупости. Слишком опасные ребята даже на первый взгляд...

Тогда что – мне за ними по дорогам до очумения носиться?

– Я найду, если нужно, – помогла мне Зюзя. – Я услышу.

– Тяф! – обозначила свою позицию Рося, вскочив на лапы и настороженно уставившись в сторону домов.

Я посмотрел на небо – ночь хоть и звёздная, однако весьма облачная. Двум разумным при должном бережении – вполне безопасно прогуляться. Обе тёмные, кое-чему обученные, не в первый раз в этом ненаселённом пункте – ориентируются великолепно. Почему нет? Я им вполне доверяю – они у меня дамы рассудительные. Да и более острые, по сравнению с человеческими, органы чувств со счетов сбрасывать глупо. Всяко они лучше меня управятся.

– Хорошо, – согласился я. – Но будьте осторожными. Если вам хоть что-то не понравится: ветер не так завоет или птица странно закричит – уходите не раздумывая. Ваша задача – всего лишь попробовать установить место ночёвки. Не подходить, не подслушивать. Только установить.

Доберман немного опустила голову, потом подняла (аналог нашего кивка в собачьей

интерпретации), Рося завиляла хвостом.

– Идите.

И обе разумные растворились в темноте.

Вернулась лишь Зюзя и, предупреждая неизбежные расспросы по поводу второй разумной, заявила:

– Она осталась смотреть. Мы нашли людей. Близко не подходили. Они спят, ничего не говорят, не ходят.

Ага! Получается, раз мои разведчицы смогли расслышать такие подробности – значит подобрались довольно близко к неизвестным, а это опасно. Наверняка часовой имеется – может и заметить ненароком.

Такая самодеятельность мне откровенно не понравилась, однако скандалить я не стал, решив для начала разобраться.

– Ты уверена, что вас не видели?

– Да. Смотри. – В моей голове немедленно проявилась картинка: серо-чёрный прямоугольник дома, перед ним что-то большое, спереди горбатое, сзади вытянутое. – Они там.

Все мои сомнения как рукой сняло, и я сразу поверил, что разумные совсем уж близко не подходили к преследуемым – ни к чему. Знакомое место. Центр города, улица Крупской. Двор из четырёх пятиэтажек. Непонятный силуэт – старый ЗИЛ-молоковоз, когда-то брошенный на парковке во дворе и теперь спокойно гниющий на давно полопавшихся покрышках.

Знаю и подъезд. Несколько раз в нём бывал, когда от нечего делать искал что-нибудь полезное. Из доступных помещений... – тут я напряг память: однокомнатная на первом этаже, окна во двор, загаженная и с вырванными неизвестно кем стеклопакетами; трёшка на втором, окна на обе стороны и трёшка на третьем – планировка ничем не отличается от той, что на втором. Больше открытых помещений нет.

Я бы на втором этаже остановился – и мебель побогаче, и относительно чистая, и прыгать, если что, не так высоко. На окнах, конечно, решётки – но дрянь. Халтурная работа, на соплях держатся. Идеальное место для ночлега группы. Растяжка в подъезде, часовой со стороны улицы – и спи спокойно. Всяко лучше, чем на чердаке или в частном доме с его четырьмя сторонами, которые по уму необходимо контролировать. Да и не ждут они нападения – некому в наших краях на людей охотиться.

В то, что неизвестные выберут какую-то другую квартиру, из запертых – я крепко сомневался. По всему подъезду деревянных дверей нет вообще, а дешёвые, из жести – только во вскрытых уже помещениях. На остальных сплошь самодельные, сваренные местными умельцами из ГОСТовского листового металла. Пока вскрыешь без нормального инструмента – с ума сойдёшь.

Да. Именно там они и расположились – уверен. Второй или третий этаж. Первый рассматривать бессмысленно – там не квартира – ловушка.

В «тёмное», как теперь модно говорить, время почти все первые этажи в крепости превращали – окна закладывали кирпичами, стараясь уподобить их бункерам. Оставляли лишь один вход – из подъезда. Потому для обороны они не подходят.

Грустно подумалось: защищались люди от тварей, а умирали почти все от болезни. Хотя... наверняка такие методы хоть кому-то да помогли сохранить жизнь, а значит не зря мужики впопыхах, бешено озираясь и ляпая раствором, забивали кирпичами дорогу свету.

Так, с местом ночёвки бабёнки со товарищи я определился. Теперь нужно выбрать место для собственного наблюдательного пункта. Такого, чтобы лица выходящих из подъезда я мог нормально, в подробностях рассмотреть. Снова припомнил тот двор. Дом напротив? Отпадает. Межэтажные окна в подъездах заложены кирпичом. Открытые квартиры – второй и четвёртый этаж. По планировке подходит четвёртый – далеко получается, метров пятьдесят. Но дело даже не в этом – главную проблему представляют входные двери в сам подъезд. Все взломаны, но прикрыты, несмазываемые петли основательно заржавели – без скрипа на всю округу не откроются.

Самое смешное – я их и позакрывал. Кто же знал, что теперь бесшумно проникнуть в них понадобится? Как лучше ведь хотел – берёг чужое имущество от времени, неизвестно зачем, придурок... Вот она, привычка, и вышла боком...

Признаю, дом напротив отпадает. Дом справа – можно даже не рассматривать. Не с моей детской оптикой там сидеть. Дом слева (тут словно лампочка в мозгу мигнула) – а что, вариант! Если четвёрка неизвестных шла с условно-северной стороны, значит, по логике, дальше пойдут на юг, хотя бы до первого перекрёстка, и как раз выйдут на дорогу мимо меня. Так, теплее, теплее... там четыре подъезда, двери нет в крайнем, дальнем от дороги... нет, не то. Не удобно.

Думаем дальше. У дороги... Что у дороги? Магазин и разливайка для нуждающихся в стопочке мужичков, расположившиеся в пристроенном к пятиэтажке одноэтажном здании. Разливайка слева, продуктовый справа. Входы рядом, в метре друг от друга. Есть!

Мне сразу вспомнилось, что в обоих этих помещениях нет ни дверей, ни окон, а решётки вырваны. Отлично! Надо будет забраться поглубже, чтобы с улицы не разглядеть было. Оттуда и посмотрю. Вся четвёрка, если сдуру не пойдёт обратно, в любом случае протопает мимо меня, когда на дорогу станет выбираться. Вот прямо близко пройдут, почти рядом.

Ну а если снова не получится любопытство утолить – значит, что-то ещё выдумаю. В крайнем случае до следующего места ночёвки следовать за этой женщиной стану. Дальше таких неудобных для слежки хором нет – так что найду способ подсмотреть.

Обрадовавшись плану-минимум, я обратился к ушастой, спокойно ожидавшей моего решения.

– Зови Росю. Расскажу, что будем делать.

Доберман резво развернулась и уже было потрусилась в сторону ненаселённого пункта, как вдруг обернулась и сказала:

– Я согласна.

– С чем? – не понял я.

– Ты говорил про старую рану у глаза женщины и про женщину, приходившую в жильё Ольги. Ты правильно говорил. Мы должны знать – она это или нет. Я согласна с тобой. Она, – мордашка Роси, – тоже.

Дождавшись возвращения обеих разумных, наскоро изложил свой план. Они одобрили.

Тогда приступил ко второй его части.

– Зюзя! Ты спрячешься за посёлком в кустах на всякий случай. Рося! Ты с этой стороны. Если что-то пойдёт не так или они уйдут другой дорогой – мы узнаем.

Моим подопечным такое предложение не понравилось. По их стайным законам гораздо комфортнее находиться вместе, ощущая и видя друг друга. Более того, генная память неразумных предков им во всю кричала, что так надёжнее, безопаснее. Но сейчас не тот случай.

– Не спорить! Делать как я сказал! Зюзя старшая.

Последняя фраза – не пустой звук. Как я понял, в глазах той же Роси я был вожак, Бублик – старый, заслуженный авторитет, добровольно уступивший власть, доберман – старший товарищ, стоящий почти на одной ступеньке социальной лестницы с ней. И вот сейчас я сознательно изменил статус Зюзи при помощи своих прав главного в стае, чётко обозначая, кто кому подчиняется в моё отсутствие.

Зачем сделал? Да потому что у нас не анархия, не Дикое поле. Потому что время пришло разбираться: кто есть кто в нашем маленьком семействе. Потому что в добермане и её рассудительности я уверен вполне, а вот с Росей мы почти впервые совместные мероприятия сложнее охоты проводим. Она хорошая собачка, добрая, ласковая, неглупая, однако по сравнению с Зюзей весьма своевольная, не прошедшая суровую школу дорог и путешествий. Вполне может и своими делами заняться, если ей лежать в укрытии надоест, или ненужную инициативу проявить, причём не вовремя. Не хочу рисковать, не хочу сюрпризов. Мне спокойнее знать, что помимо меня ей и доберман сейчас мозги вправляет, пользуясь обрётённой властью. Так надёжнее.

Не знаю, понравилось ли юркой разумной такое моё решение – виду она не подала. Но и хвостом, выражая одобрение, не завилыла. И тогда я, наклонившись к ней, осторожно погладил Росю по голове, примиряюще объясняя:

– Ты у нас умная, разведчица. А она, – кивок в сторону ушастой и бесхвостой, – больше и опытнее. И это ненадолго – до утра. Поняла?

Ответом стал горячий, немного шершавый язык, аккуратно лизнувший мою руку. Вот и хорошо, вот и определились. Не хватало мне ещё разборок за старшинство. Они ведь обе у меня дамы горячие, настырные – не переупрямишь. А так вроде как я ситуацию сгладил... надеюсь на это, во всяком случае. Ладно, дальше видно будет.

Определив Росю в кусты у дороги и накрепко велел ей сидеть там и на глаза никому не попадаться, мы с доберманом направились в посёлок.

Сапоги запасными портянками я, скрепя сердце, обмотал ещё на окраине. Поначалу, для большей тихиходности, хотел обувь вообще снять, но быстро передумал. Мне в заброшку идти, а там на полах чего только нет, и всё для босого человека вредное. Легче лёгкого на битую бутылку наступить или на кусок ржавой железяки, причудливым образом лежащей именно острой частью вверх. Потому и перевёл весь свой запас чистой ткани на создание таких вот примитивных шумоподавителей, но не жалко. Мне сейчас ответ важнее – есть этот долбанный шрам у тётки, или нет? А тряпки – дело наживное.

Разделились заранее. Доберман первой направилась к другой стороне ненаселённого пункта кружным путём, через частный сектор, а я, выждав минут семь, пошёл за ней следом, оставляя пятиэтажки сбоку и стремясь подойти к своему наблюдательному пункту с другой стороны, с южной, чтобы не попадаться на глаза возможному часовому.

Заблудиться не боялся. Сейчас прямо по улице, до шестого перекрёстка, там направо –

и выходишь к местному торговому центру, в котором я когда-то с Зюзей впервые встретился. Потом нужно вернуться по улице Крупской обратно. Недалеко, метров сто пятьдесят.

Перед выходом на главную поселковую улицу не поленился – перевязал портянки, уже успевшие основательно поистрепаться от такого варварского использования. Ничего – до разливайки хватит, а дальше я ходить никуда не собираюсь, только ждать.

Как на грех, Луне изволилось выглянуть из-за туч и осветить окрестности. Потому с пустого тротуара пришлось быстренько ретироваться в сторону, под защиту домов с кустами и двигаться медленнее, согнувшись в три погибели, на нервах и ежесекундно озираясь.

Последние шаги делал не дыша. Вынырнув из тени и еле дождавшись, когда злополучное ночное светило укроет очередная тучка, на полусогнутых просеменил по ступенькам в разливайку.

– Ф-фу-уххх... – вырвалось из груди. Добрался. Теперь можно и расслабиться, и пот утереть. Переволновался очень.

В помещении было темно, пахло сыростью, пылью и трухой. Сколько ни всматривался, пытаюсь конкретизировать и понять, что передо мной – не помогло. Видел что-то впереди себя, а что – непонятно ни на первый, ни на второй, ни на третий взгляд. Снова выручила память – стойка там, в конце. Высокая, по типу барной. Отделяющая общий зал от продавца. И что интересно – до этого момента сколько не силился вспомнить, что здесь и как в подробностях – не получалось! А попал – и нате, словно вчера наведывался.

Немного подумав, аккуратно, не отрывая стоп от пола, сдвинулся вправо, убирая свою тушку из дверного проёма. Всё. Пришли. Теперь можно и отдохнуть. Резонно опасаясь шумного мусора, я никуда дальше не пошёл, а снял сидор, медленно сел на пятую точку, положил оружие на колени, привалился спиной к стене, накинул куртку и спокойно задремал вполглаза. Отдыхать тоже нужно. Ничего, не просплю – с первыми лучами встану. Поза, конечно, неудобная – ноги точно затекут, но это терпимо. Лучше, чем стоя. А если кто-то по улице пойдёт – заранее услышу.

И тотчас полезло в голову всякое, порождённое одиночеством и ночным бодрствованием...

...Темнота давно уже меня не пугает. Прошли те времена, когда я начинал заикаться от ужаса, глядя на закатывающееся на ночь солнышко. Теперь проще. Разумные предупредят об опасности заранее или просто договорятся с себе подобными. Да, у них так – первым делом проблемы решают переговорами и почти всегда приходят к консенсусу. Да и помнится мне, что у нас с местными тварями мир – не должны напасть. Они слово держат строго. Разве что кто-то залётный, но тут уж ничего не поделаешь. Потому и хожу осторожно, вслушиваюсь, ружьё по-прежнему в руках, однако теперь без панического страха – исключительно со здоровым чувством самосохранения...

...Как известно, абсолютной тишины в природе не существует. Крики птиц, шум деревьев, шепот ветра. Но всему этому многоголосию никогда не спрятать, не заглушить тихого звона в ушах – звона безлюдья, пустоты. Именно он и заставляет чувствовать себя одиноким. Таким, кого не жалко. Пустым, ненужным местом в этом мире. И прорезаются эти чувства почему-то именно в темноте. Днём – нормально. Может, из-за того, что с утра до вечера я всегда занят и философствовать особо

некогда?..

Тьфу ты, пакость какая... Витя! Соберись!

Отгоняя очередной приступ самокопания, усиленно затрусил головой. Я не бегаю от размышлений, не стараюсь сделать свою жизнь прямой, как шпага мушкетёра, не ищу простоты. Просто не по себе осознавать, что я тут один (четвёрку неизвестных можно в расчёт не брать) на много километров – вот и лезет в голову всякая чушь.

Выбросив из головы глупости, снова закрыл глаз и заставил себя спать...

С первыми лучами я смог осмотреться в разливайке более детально. Правильно сделал, что не стал в темноте тут шляться. Повсюду битые банки, бутылки, гнильё, клочки бумаги, осколки пластиковых стульев и столиков. Выломанная оконная рама. Решётка снаружи, а стёкла здесь. Непременно бы ночью наступил на что-нибудь из этого широкого ассортимента.

Память не подвела: напротив – высокая, по грудь, стойка с небольшой дверцей в углу; дальше – заваленный на стену стеллаж, за которым в прошлые времена располагался импровизированный склад. Отдельного помещения для хознужд или сангигиены здесь не было. Почему?

Да потому что когда-то продуктовый и вот эта распивочная были одним помещением, а уже впоследствии ушлые коммерсанты построили стенку, сделав из одного магазина два. Все удобства за стенкой остались. Вот и получилось, что нахожусь я в прямоугольном помещении с единственным входом, нарушающим все возможные нормы и правила. В случае пожара продавщице был бы точно кирдык. Пока вещи инстинктивно схватишь, пока выбежишь из-за стойки – дыма с гарантией наглотаешься. Токсичного, едкого – другого из копеечного пластика, которым из экономии стены в таких заведениях оббивали, не бывает. О! И тут он, ПВХ этот долбаный, салатный!.. Везде валяется, полопавшийся от времени и перепадов температуры на некрупные куски.

А потолок? Кто бы сомневался... – та же самая глянцевая дрянь, только пожелтевшая от табачного дыма и в трещинах. Посмотрел – и аж родиной запахло в воздухе. У нас в посёлке, где я родился и вырос, за многие сотни километров от этого места, была точно такая же рюмашечная, почти сестра-близнец этой, только стены бежевые.

Думаю, по всей нашей великой и необъятной дизайн в таких заведениях универсальный, мегаэкономный... Алкаши – народ непритязательный, а большего и не надо.

Власть поностальгировав и насладившись видами древних, грязных панелей я плавно, аккуратно ступая, перебрался за стойку, где почувствовал себя с гораздо большим комфортом.

Покрутил головой, осматриваясь. Самое удобное место для наблюдения – у дверцы. Там щель в палец и как раз проход между магазином и нужной мне пятиэтажкой видно; да и часть внутридворовой дороги, по которой должна пройти цыганистая тётка лицом ко мне – как на ладони. Вот прямо рукой подать. Чудо, а не позиция. Устроившись поудобнее, достал подзорную трубу и принялся ждать.

А дальше всё пошло не по плану.

За следующие два часа из пятиэтажки никто не вышел, и никто туда не вошёл.

Я занервничал. Просчитал про себя до тысячи, потом до пяти тысяч. Потом в обратном порядке – каждый раз вычитая единицы и шепча результат вслух.

Никого.

Проспал? Пошли другой дорогой? Разумные ошиблись? Нет, не то... Слишком детские предположения. Спят? Маловероятно. Сейчас долго дрыхнуть не принято, люди свои дела к световому дню привязывают. С солнышком встают и с ним же ложатся. Зимой – много спят, отдыхают, летом – дел полно, дня, как правило, не хватает.

И разумные за мной не пришли. Если бы четвёрка вышла из ненаселённого пункта – я бы знал. За мной бы попросту прибежали и осчастливили новостью, укоризненно глядя снизу-вверх. Значит, по дороге они не выходили. Пошли по бездорожью? Бред. Куда? Тут посёлка шиш да маленько – нет смысла петли наворачивать. Опять же – услышал бы, в этом уверен.

Не придя ни к какому выводу, попробовал заняться аутотренингом, но вскоре бросил это безнадёжное занятие. Какое, к чёрту, спокойствие, когда как на иголках сидишь и до боли, до слёз вглядываешься в щель, ожидая неизвестно чего и сомневаясь во всём?

Прошёл ещё, как минимум, час. Жутко хотелось пить, но я держался. Это ушастым хорошо – они вечером вволю напились, да и, случись что, из лужи не побрезгуют жажду утолить. А мне хуже. Сейчас сделаю глоток – и всё, пропал. Буду понемногу на автомате прикладываться, пока фляжка не опустеет. А потом что? В штаны излишки жидкости сливать? Нет уж, увольте, лучше потерпеть.

К обеду, когда я совсем уже отчаялся, на улице зашелестело, а меня прошиб холодный пот вперемешку с огромным душевным облегчением.

Не ошибся! У меня глаз один – да, а вот ушей – двое! Звук почти родной, знакомый! Это тот, в сапогах! Короткостриженный! Значит, сейчас и остальные пойдут. Проспали, видимо, на чужих диванчиках перенежились.

Слух не подвёл. Через десяток секунд в обзорной щели показался уже знакомый мужчина в шикарных сапогах. Он плавно, не спеша дошёл до здания магазина, немного постоял, явно раздумывая о чём-то, а потом просто направился к ступенькам и уселся на них. Куда именно – я не видел. Незнакомый расположился немного сбоку, со стороны продуктового, зато отчётливо слышалось, как он ёрзал, устраиваясь поудобнее, сморкался, а под конец даже запел тихо что-то тягуче-народное. Слов было не разобрать, но тоской от мотива пробрало даже меня.

Зачем сидит? Ждёт, пока остальные соберутся?

Я боялся шелохнуться. О подозрительной трубе давно позабыл, положив её рядом на пол и лишь щурился, от волнения стараясь не моргать и не проглядеть тётку.

Но никто не выходил. Снова мысленно просчитал до тысячи. Потом до двух. Начала возвращаться паника. Исподволь, понемногу, не так, как раньше, но начала.

...А короткостриженный всё тошнил напевами, сидя на том же самом месте... Достал! Бесит!..

Захотелось выбраться из своего укрытия и заткнуть его. Хоть выстрелом, хоть засапожником, да хоть зубами загрызть на волчий манер – до такой степени он выматывал из меня душу своими однообразными опусами. Мочи нет!

Но я терпел, здраво понимая, что всему виной не этот неизвестный мужик, а мои нервы, порядком поистрепавшиеся за последние дни. Вот только легче от понимания

причин не становилось, и в голове одна за другой, нескончаемой каруселью проносились мысли о том, как этого певуна поизощрённой заставить замолчать. Желательно навечно.

Внезапно сидящий на ступеньках заткнулся, резко встал, а затем, не сходя с места оглушительно, по разбойничьи свистнул. Я вскинулся и услышал... шум быстро приближающегося мотора.

Едрить твою мать...

Глава 5

Предчувствие не подвело. Невидимый автомобиль подъехал прямо к моему укрытию, остановился, заглох. Громко, с неприятным лязгом хлопнула сначала одна дверь, потом вторая. Кто-то крикнул, наверняка от наслаждения возможностью спокойно стоять на своих ногах, а не трястись по ухабам и колдобинам; кто-то шумно сплюнул на асфальт. Забухали шаги.

– Здравия желаю! – послышалось за стеной. – Как доехали?

– Нормально, – с раздражением ответил другой голос, хриплый, на полтона ниже первого.

– Да какой нормально?! – возмутился третий, относительно молодой и лениво растягивающий слова. – Бензина спалили – подумать страшно! Вы же на тачке были? Что случилось? Чего мы за вами, как заботливые мама с папой катаемся?

– Кравец! – одёрнул недовольного второй. – Рот закрой. Приказы будешь на гражданке обсуждать. Тебя что-то не устраивает?!

– Никак нет, – с явным недовольством буркнул загадочный Кравец и зашмыгал носом.

– Не пережили Жигули глубокого рейда, мотору какую. Старьё... Там, дальше по дороге бросить пришлось. – счёл нужным пояснить, как я уже догадался, певун со ступенек.

– Понятно, – бросил хриплый. -- Задание?

– Выполнено. Без осложнений. Мы...

– Потом в подробностях доложишь, – перебил его неизвестный, исполнявший роль командира или начальника. А кто ещё доклады принимает? – Назад надо возвращаться. Дороги дерьмо, хотелось бы засветло успеть обратно добраться. Где остальные?

– Отдыхают. Вчера переход длинный был. А мы здесь что-то типа базы оборудовали в одной из брошенных квартир. Потому они там и сидят – чего рожками по улицам отсвечивать?

Как раз в этот момент из-за дома выходила оставшаяся тройка: женщина и двое мужчин. В руках у них были спальники в скатках, а у плешивого ещё и увесистая на вид спортивная сумка весьма солидных размеров. Двигались они бодро прямо в мою сторону, с довольными улыбками хорошо отдохнувших людей.

Пятнадцать метров... десять... восемь...

Я впился взглядом в правый глаз цыганистой бабы. Он сейчас был как на ладони, моя щёлка нисколько не мешала рассматривать его во всей красе. Хорошая щель, удобная, без неё было бы хуже – а так словно в кинотеатре сижу – видно всё будто на широком экране. А меня не видно. Я, можно сказать, в домике.

Ну, ну... давай... В этот момент моя цель практически поравнялась со входом в разливайку и я отчётливо разглядел шрам над правой бровью в виде завитка. Тонкий, старый – немного тонального крема – и не заметишь вовсе.

Значит, она... та самая, которую Ольга обвинила в заражении фортика. Или ошиблась? В груди у меня разгорался огонёк сомнений. Слишком сложно получается. Допустим – тётка инфицирована по всем правилам и каким-то чудом жива до сих пор. А остальные? Неужели они тоже исключительно носители? Так не бывает, даже в сказках.

К тому же, они сюда, как я понял, ехали на тех самых, виденных мною на обочине Жигулях. Но куда? Разделились раньше и двинули парами по разным дорогам? Возможно. А зачем?

Ответ напрашивался только один – разведка, изучение местности, поиск выживших. И приехали издалека, если стараются до вечера домой добраться. Сейчас, примерно, около полудня – день длинный.

Кто это?

Чёрт! Не о том думаю! Конечно, до изумления интересно узнать – что это за люди и какого им в наших краях надо? Не поспоришь... Но сейчас нужно решить – считаю ли я эту женщину врагом или нет? Принципиально важно определиться! Для понимания своих дальнейших действий: или вцепиться в след и идти за ней до конца, или отвязаться, разойтись. Кто, зачем и почему – после подумаю.

По всему выходит, что нет. Не враг она мне... У всех увиденных лица чистые, здоровые до неприличия. Может, не в ней дело? Может, кто-то из местных принёс болезнь невесть откуда, да хоть с охоты! Перелётную утку застрелил, а она из тёплых краёв подарочек принесла или клевала чего не надо и заразилась? Или купцы заходили больные. Возможно такое? Вполне. Те тоже шляются, где ни попадя, и лезут в поисках добычи куда не просят! Оля ведь могла и не знать об этом! На беженцев думать проще всего – тем более, они так удачно подвернулись и с истинным носителем, похоже, разминулись в несколько часов. А если учесть шок, испуг, панику – поверишь во что угодно. Гадать можно до бесконечности, однако факты говорят – эти люди здоровы, во всяком случае пока. Получается мимо...

Тройка остановилась совсем рядом со входом, но так, что из троих подошедших в дверном проёме была видна лишь одна женщина. Похоже, полукругом перед шефом встали. Ну ничего. Уши же у меня остались. Не посмотрю – так послушаю.

– Здравия желаю, Олег Игоревич, – зазвучал новый мужской голос. Кто-то из подошедших обозначился, не иначе.

– Добрый, – ответил хриплый.

– Здр...вия ж... – немного вразнобой поздоровались до сих пор помалкивавшие мужчина и женщина. Голос у последней оказался густой, зычный, больше подходящий здоровой, привыкшей командовать всеми вокруг бабе гренадерского роста и весом килограмм так под сто тридцать, а не вот этой вот колобкообразной цыганке.

Командир им не ответил. Видимо, ограничился кивком головой.

– На, – неожиданно протянула одну из скаток женщина вперёд. – Я тебе не жена – барахло следом носить и обслуживать.

Раздались лёгкие смешки. К ней подошёл короткостриженный певун и, не обращая ни на кого внимания, взял вещмешок.

– Спасибо. Опять забыл за него, – серьёзно поблагодарил он. – Чудная вещь. Всегда теряется и всегда находится.

– Это да, – согласилась женщина. – Ты же его с Жигулика покойного вчера забрал, да и то только потому, что тебе напомнили?

– Ага.

Вмешался мужской голос:

– Говорил же тебе – оставь на базе, поспать можно и на сиденьях. А ты упёрся...

Короткостриженный принялся защищаться в наметившейся шуточной перепалке.

– Так и правильно сделал! Машина-то сломалась!

– И ты его там и забыл!

Последние слова говорившего потонули в дружном хохоте. Смеялись все, даже певун. Успокоившись, снова зазвучала командирская хрипотца:

– Рацию не проимели?

В ответ один из мужчин приподнял сумку.

– Хорошо, – продолжил главный. – Грузитесь и поехали.

– Щас, только заправимся, – немедленно вмешался голос водителя. – Десять минут.

– Почему десять? – в голосе Олега Игоревича зазвенело недовольство.

Невидимый Кравец не растерялся:

– Я ещё хочу в магазин этот зайти – вдруг чего полезного увижу? Моющее, например, или мыло.

– Или водку, – подхватила женщина. – Вон вывеска «Кафе» – наверняка ведь туда сначала ломанёшься.

– Зря ты так, – слишком благопристойно сказал водитель, чтобы поверить в искренность его слов. – Помимо спиртного можно и газировочку найти. Вода-то наша уже тёплая, а новой набрать негде. Или масло подсолнечное...

Во мне всё обмерло. Цыганоподобная тётка права – если этот самый Кравец по исконной водительской привычке прихватывать всё, что плохо лежит, зайдёт в разливайку – то мне конец. Он однозначно двинет за стойку, на удачу поискать всяких благ – а тут я. Здрасьте!

Сам себя в мышеловку загнал – с моей стороны все стены глухие. Ни дырочки, ни отверстиеца. Бежать некуда.

Их шестеро – не уйти. Расстреляют, как мишень в тире, едва только копошиться начну.

С тоской перевёл взгляд на окно – метра три от меня. Вроде бы и рядом, а чтобы к нему подобраться, нужно через стойку перемахнуть, после постараться не споткнуться о хлам вокруг и потом... прыгать на асфальт прямо перед неизвестными. Хрень получается. А может, пронесёт?

Я снова оглядел, надеясь неизвестно на что, своё укрытие: слева стойка, справа –

заваленный на стенку стеллаж. Между ними – я и мусор. Водки нет, как и вина, и шампанского. Подчистую выметено.

На улице глухо забулькало, донёлся запах бензина. Резкий, вонючий, противоестественный. Отвык организм от цивилизации, отвык. Раньше бы и нос морщить поленился – а теперь блевать охота.

Захлопали двери, затопали ноги – барахло, по всей видимости, раскладывают, чтобы в руках не держать. В салон сядут вряд ли – дорога им явно долгая, успеет надоест. Будут рядом толпиться, ждать, пока водила отмашку даст или пока начальство повелеть не соизволит.

«...Давай, давай Кравец, не отвлекайся от поставленной задачи, поезжай домой – нет тут ничего интересного, поверь мне! Тебя там ждут! Не знаю, кто, но должны ждать! Не могут не ждать такого хорошего и видного парня, а ты тут по развалинам загаженным шляться собрался – время тянешь, страдать какую-нибудь красавицу заставляешь...» – молился я про себя.

А через минуту оказалось – не умею я молиться. Или плохо молюсь. Или не тому и не тем. Или просто дурак невезучий.

– Так я схожу? – просительно донеслось из-за стены.

– Ладно, ладно, убедил, – согласился хриплый Олег Игоревич. – Мухой давай. Разомни ноги.

Гулко хлопнуло закрывающееся горлышко пустой канистры, звякнуло что-то железное, слышались шаги. Я замер, закусив губу и уставившись на дверной проём.

По ступенькам медленно, важно, словно купец первой гильдии, поднялся полный парень лет двадцати семи. Круглощёкий, курносый, с вьющимися волосами и маленькими, алчно бегающими глазками. Одет просто – джинсы, старый свитер, обувь не разглядел. В правой руке – двустволка. Держит за цевьё – опасности не боится.

Вот, значит, какой ты, Кравец...

Вошедший бегло окинул взглядом царящую в помещении разруху, ожидаемо сосредоточился на поваленных стеллажах и целеустремлённо, аккуратно переступая через хлам, направился прямо ко мне.

– Привет! – как можно жизнерадостнее улыбнулся я, вставая из-за стойки и делая идиотское лицо.

Кравец обалдел. Он замер с занесённой над каким-то осколком кирпича ногой, выпучил на меня глаза и непроизвольно открыл рот.

Я усердно продолжал говорить, изо всех сил стараясь не выдать собственный страх:

– Нет тут ничего, я уже посмотрел. А как тебя зовут? А ты откуда? У тебя пожрать есть чё?! Со вчера в брюхе пусто. Давай махнёмся! Ты мне еду, а я...

До водилы, наконец, дошло, что он здесь не один. Не переставая по налимьи пучить глаза, он протянул с отчётливым удивлением в голосе:

– Мужик, ты кто?

Глупо, наверное, мой поступок со стороны выглядит, однако иного выхода я не

придумал. Ждать, пока Кравец меня обнаружит и расшумится на всю округу – ещё глупее. Потому и выбрал я единственный, как мне кажется, правильный вариант – самому выйти и поздороваться, а заодно попытаться убедить неизвестных в собственной безобидности. Ведь, продолжай я тайно сидеть за своей стойкой – что можно подумать, обнаружив в укромном месте одноглазого, небритого мужика с ружьём? Правильно – злодей и убивец. А с такими разговор всегда короткий – даже к стенке не поведут.

Вся моя надежда – или договорюсь, или морду набьют со вкусом. На харчи им валить меня вроде не зачем – голодными не выглядят, да и на бирючий хутор нападать ради еды не стали – тоже аргумент в их пользу. Судя по манере общения – народ они или военный, или около этого. Беспредельничать не должны. А отбитые почки и распухшую морду можно и пережить – не великое горе.

Оружие с барахлишком тоже, конечно, отождут, за моральный ущерб от водительского испуга – ну и плевать. Не жалко. Лишь бы не убили.

Рискую, конечно, однако выбора нет. Против шестерых я не воин, тем более за баррикадой из прогнившего ДСП. Её не то что пулей – пальцем, при желании, можно пробить.

Вспомнился засапожник. Да нет, бредятина... с ножом бросаться на вошедшего, когда за стенкой пятеро его товарищей – верх идиотизма. Малейший хрип, шум – и мне конец. Тогда точно не выпутаюсь.

Про угрозу возможного заражения не думалось. Мор – он не сразу, он постепенно, по правилам развития вируса наступит, а этот Кравец – здесь и сейчас. Уже, можно сказать...

Ладно, надо отвечать.

– Я? Витя! – руки разведены в стороны в притворно-дружеском жесте, а на самом деле для демонстрации безоружности. «Мурка» на полу лежит. – А ты?

– Димон... – растерянно протянул тот.

Пока мы так непринуждённо болтали, на меня уставились четыре ружейных дула – два в дверной проём, со стороны улицы; одно почти в упор – из окна и одно смотрело тоже в окно, но из-за угла дома. Мишенью себя чувствую, причём ростовой, голой и новенькой, ни разу не использованной.

Запоминающиеся ощущения: страшно, низ живота сводит неизвестно откуда взявшейся резью, да такой сильной, что хочется или на корточки сесть, или скрутиться в три погибели, подвывая от боли; холодно, зябко и всё время тянет встретиться глазами с целящимися – почему-то наивно кажется, будто взгляд способен задержать выстрел или переубедить стреляющего.

Красиво обошли, я и понять ничего не успел.

– Выходи к нам, пообщаемся, – предложил хриплый.

Взгляд невольно устремился к говорящему. Он стоял в дверном проходе за спиной мужчины в мягких сапогах и женщины, держащих своё оружие в положении для стрельбы стоя. Крепкий, основательный, тонкогубый, лет шестидесяти, с умным, каким-то прямоугольным лицом и колючими глазами. Одежда командира почти ничем не отличалась от вещей остальных присутствующих: прочные брюки, короткие сапоги, кофта на молнии, поверх которой удобно расположился рыбацкий жилет, который мужчина использовал на манер армейской разгрузки. В руке он держал пистолет – обычный ПМ, насколько я смог рассмотреть.

Просто держал, стволом вниз.

– А не стрельнёте? – неуверенно спросил я. Даже актёрствовать не пришлось – само вырвалось.

– Нет, – спокойно ответил мужчина, кривя губы в ухмылке.

«Ну да, кто же тебе так и скажет» – читалось в его глазах.

Рук я не опускал на всякий случай, а потому попросил:

– Тут задвижка, открыть надо.

Олег Игоревич неожиданно рявкнул таким грозным голосом, что все невольно вздрогнули.

– Кравец!!! Три шага в сторону! Уйди с линии огня, дебил!

И только тут до меня дошло – водила стоит строго между мною и проходом, немного мешая товарищам своим упитанным организмом. А я и не заметил. Хотя, какая мне разница – из окна ствол тоже смотрит на меня и ему абсолютно ничего не мешает. Прямая видимость.

Замерший посреди разливайки парень неуклюже прыгнул в сторону, обо что-то споткнулся, упал на одно колено, упёрся рукой в пол и сразу её отдернул, сунув палец себе в рот. Поранился, бедолага...

Глядя на всю эту человеческую корявость, непроизвольно захотелось улыбнуться, но я сдержался. Не смешно, вообще-то.

– Открывай, – разрешил хриплый, почему-то не добавив стандартных «без глупостей» или «смотри у меня».

Выполнил команду медленно, одной рукой. Так же медленно вышел из-за стойки, держа руки на виду. Остановился.

– Сюда иди, – озвучил следующее требование командир.

И я пошёл. Спокойно, внимательно ставя ноги на относительно чистые участки пола, всей кожей ощущая плавные движения ружейных стволов, контролирующих каждый мой шаг.

Выход на улицу уже был свободен. Мужик с бабой просто синхронно с моим приближением отходили назад, немного расходясь в стороны и неизбежно сохраняя дистанцию между нами. А хриплый остался.

– Становись на колени, – велел он. – Оружие где?

Послушно опустил, потом ответил:

– Нож за правым голенищем, ружьё за стойкой.

Олег Игоревич не поверил, даже уточнить не поленился, хитро щурясь:

– И всё? А пистолет или что другое?

Я отрицательно замотал головой.

– Не имею.

Тем временем подошедший со спины мужчина (тот, который через оконный проём целился) вынул нож, освободил меня от заплечника, прохлопал карманы. Потом потребовал:

– Ложись лицом вниз. Руки и ноги в стороны.

Выполнил. Не опуская рук сначала завалился набок, после повернулся на живот. Растопырил конечности. И вот тут начался обыск. Первым делом с меня стащили сапоги и внимательно их изучили. «Ага, а передатчик в каблуке и не нашли, – крутилась в голове тупая шутка. – Потому что его там нет».

Не менее внимательно осмотру подверглась и моя одежда, и вещмешок, и куртка.

Ремень из брюк выдернули, патроны из карманов отобрали.

– Под стойкой ружьё! На полу – подозрная труба, – донёлся со спины голос короткостриженого. – Больше ничего нет.

– Угу, – глубокомысленно буркнули над головой. – Ладно, вставай.

Встал. Внезапно мою голову словно клещи сдавили – кто-то с силой сжал виски. Дёрнулся, попытался вырваться, но получил короткий, неприятный тычок в живот от стоящего передо мной командира.

– Не сокращайся без нужды, умник, – посоветовал он. – Рот открой.

Ничего не понимая, распахнул варежку пошире. Без единого смешка или шуточки Олег Игоревич оглядел мою пасть, потом жёстко, весьма болезненно ощупал щёки, после без стеснения оттягивал губы, словно коню на базаре. Я покорно терпел.

Закончив, он удовлетворённо скомандовал:

– Отпускай.

Руки с головы исчезли, оставив после себя неприятную боль.

– Ну, давай знакомиться, – предложил главный. – Тебя, я слышал, Виктором зовут, а меня, как ты уже наверняка знаешь – Олег Игоревич. Можно ещё Гражданин Начальник. Чего глазами хлопаешь? Не понимаешь, для чего я твоим выхлопом дышал? Сразу видно – молодой, параша не нюхавший...

И тут до меня дошло: бритвенное лезвие он у меня во рту искал или иглу спрятанную. Тюремная хитрость. Слышал о таком давным-давно, но вот додумался только сейчас. А дядя, выходит, с опытом...

Начальник подтвердил догадку.

– Штаны снимай вместе с трусами. Посмотрим, что у тебя там.

Я покосился на женщину. Она заулыбалась.

– Чего стоим, кого ждём? – буднично уточнил Гражданин Начальник. – Или помощь нужна?

– Нет, справлюсь, – краснея от стыда, пробубнил я, расстёгивая брючные пуговицы.

Когда позорное действие было закончено, мне приказали нагнуться и раздвинуть ягодицы. Выполнил, сжав зубы. Они тут хозяева положения, а мне можно лишь слушаться и сопеть в две дырки. Потом прозвучало новое требование:

– Начинай приседать. Вдруг ты в очко что-нибудь припрятал. Что есть – или выпадет, или наоборот, поднимется. В любом случае не достанешь.

И опять молча делал, чего сказали. Хорошо, глубоко, чуть ли не до удара срамным местом об асфальт. После, наверное, двадцатого раза Олег Игоревич распорядился:

– Хватит, физкультурник. Похоже, чистый... Одевайся, пообщаемся.

Пугливый ты, дядя... Зачем всё это представление? Под четырьмя стволами, вздумай я броситься на тебя – и пикнуть бы не успел. В дуршлаг бы превратили. Поглумиться? Вряд ли – не увидел я на его лице ни удовольствия от моих упражнений, ни грусти. Ему было попросту пофиг. Он словно намертво въевшийся, стандартный для таких случаев протокол рутинно исполнял.

Лихорадочно натянул исподнее, потом брюки, снова покосился на женщину. Ничего, никакой реакции. Уже хорошо. Мужики меня почему-то не напрягали – словно в общественную баню попал, а вот трясти причиндалами перед слабым полом прилюдно – есть в этом что-то неправильное.

Закончив возню с пуговицами – обулся, содрал с сапог вконец обмахрившиеся, грязнущие тряпки, которые для мягкости шага и тишины надевал. Выпрямился, ожидая продолжения.

– Руки за голову, ноги широко расставлены, – не заставил себя ждать Олег Игоревич и, дождавись, пока я приму нужную стойку, поинтересовался. – Ты зачем тут прятался?

Вот он, момент истины! А у меня уже есть легенда – хрен от правды отличишь!

– Хотел после вашего ухода пошарить в месте ночлега. Думал – тайник у вас там.

Начальник хмыкнул. Ему явно понравилась такая «откровенность», замешанная на правде жизни.

– Тогда почему именно здесь прятался? Вокруг мест полно. Вон, хотя бы в доме напротив.

Логично...

– Там нельзя, – состроив знающую физиономию, с лёгким апломбом местного жителя, разъясняющего «понаехавшим» прописные истины, заявил я. – Двери заржавели, скрипят очень. Не хотел лишний шум поднимать.

Глаза допрашивающего чуть скосились в сторону и из-за спины ответили:

– Правду говорит. Мы проверяли.

– Тогда мог бы дальше по улице спрятаться. Не нравится мне твоя прыть, Витя. Ох, не нравится...

В разговор вступил один из молчавших до сих пор мужчин.

– Может, округу проверить? Вдруг этот одноглазый здесь не один.

Олег Игоревич скривился, будто полную горсть лимонной кислоты в рот сунул.

– Если так, нас бы уже давно перещёлкали, как куропаток. Успокойся. Если кто-то и есть, то не рядом и сейчас просто наблюдает за нами. Это ничего. Пусть наблюдает...

Не стала отмалчиваться и цыганоподобная женщина.

– Я о нём, кажется, слышала, – осторожно начала она, хищно всматриваясь в моё лицо.
– Витя... Один глаз... Ну точно, слышала! Это хахаль фельдшерицы из форта. Приходил на потрапушки к ней регулярно, а сам бомжует где-то. Во всяком случае, мне так жена старосты тамошнего врал, когда кости соседям перемывала.

Начальник ухмыльнулся:

– Имя женщины?

– Ольга, – честно ответил я. – Описать? – и, не дожидаясь ответа, начал. – Лет как мне, стройная, симпатичная, скандальная немножко...

Тётка подтвердила:

– Он. Не врёт. Видела я ту бабёнку – истинная склочница.

Однако стоящего передо мной командира такое объяснение, похоже, удовлетворило мало.

Местный, говоришь? Абориген? Ну-ну, – неожиданно он запустил пальцы в нагрудный карман моей рубашки и рывком вытащил фотографию моей семьи, которую я там бережно хранил. Посмотрел на снимок, покрутил в руках, несколько раз перевёл взгляд с изображения на меня и обратно. Потом аккуратно, с непонятым почтением в движениях, сложил её и сунул обратно. Как мне показалось, в холодных глазах Гражданина Начальника мелькнуло что-то человеческое. Почти незаметно, на самом дне.

– Ты не ответил, – продолжил главный. – Почему прятался именно здесь?

Выдумывать ничего не стал, вывалил как есть.

– Подбирался ночью, опасался часового. Далеко прятаться – глупо. По темноте крайне вредно в пустых помещениях гулять – неудобно и шумно, да и подходящих мало. Ближайшее с хорошим обзором – в торговом центре. Но оно мне не подходило.

– Почему? – с нажимом спросил начальник.

– Я же не знал, в какую сторону ваши товарищи пойдут. Если туда, – я кивком головы указал на дорогу из посёлка, – то увидел бы. А если нет? Сидеть и гадать? К тому же, там спрятаться от тварей негде, – слова сами лились из меня. От страха, наверное. – А здесь – стойка мне по грудь, за мной глухая стена – никому не подобраться, да и посмотреть хотелось, – снова я добавил полуправду, – что они в руках понесут. Вчера ведь належке заходили.

Олег Игоревич задумался, даже потёр подбородок. Потом сделал шаг в сторону, заглянув с улицы в рюмочную.

– Мутишь ты что-то. Слишком сложно, – немного неуверенно выразил он свои сомнения.
– Всего не рассказываешь.

А я за словом в карман не полез.

– Не усложняйте. Если бы ваш человек туда не пошёл – вы бы в жизни не догадались, что за стойкой кто-то есть. Вон, тот, в сапогах – всё утро сидел, песенки распевал – и не заметил ничего.

Взгляд командира сделался злым и снова переместился за мою спину. Похоже, кто-то огребёт сегодня по полной, и явно не сладких пряников.

– В спины стрелять хотел? – вернулся к разговору (или допросу) хриплым. – Потому и засаду устроил? Мог бы через сутки спокойно прийти и пошарить. Зачем вышел – можешь не объяснять. И так понятно – жить хотел.

Логично... ладно, будем выкручиваться.

– Нет, не хотел никого убивать – честно признался я. – Только обокрасть. Против четверых я не воин. Думал присмотреться, потом следом увязаться. Посмотреть, как и что. Если повезёт – проследить, куда пойдёте, а инфу в форт продать. Чужие вы здесь, непонятные. Ходите из ниоткуда в никуда, машину имеете... Сами понимаете – подозрительно. А они эту землю своей считают.

Похоже, мне удавалось понемногу убеждать главного. Пока я вываливал на него свои «откровения», он понятливо кивал головой «мол, и сам бы так поступил». Но и этого ему показалось мало.

– Продать? – уцепился начальник за кусок моей фразы. – Почему именно продать? Почему с людьми не живёшь?

Ф-фух. Тут проще.

– Конечно продать. И именно потому, что я там не живу. С какой радости мне им подарки делать? Я альтруизмом не страдаю.

...Пока говорил – в очередной раз прокручивал в голове увиденное и услышанное и только теперь обратил внимание на несколько интересных фактов, которые мне не слишком понравились. Первое – меня не бьют. Это откровенно странно. Я хоть и веду себя спокойно, но для прояснения ситуации в девяносто девяти случаях из ста хоть пару раз, но приложат кулаком по морде. Не со зла – так, для удобства общения, чтобы собственную крутость продемонстрировать. Превосходство, значит, обозначить и место в пищевой цепочке указать.

А этим, похоже, ничего обозначать не нужно, как не нужно здоровенному слону что-то доказывать очередной Моське. Напрягает...

Второе – строгая иерархия. Без нужды рот никто не открывает, даже водила. Хорошо это или плохо – не знаю. Третье – общая подготовка. Мои пленители, пока я болтал с этим самым Гражданином Начальником, опытно следили за окружающей обстановкой, практически ни на что не отвлекаясь. Исключение составлял лишь стоящий за спиной короткостриженный мужик в мягких сапогах, ну да у него задача такая – меня контролировать.

Четвёртое – машина, приехавшая сюда. Дорогая вещь – на одном бензине разоришься! Это не юг, где народ может себе такое удовольствие, как перевозку собственной задницы, позволить. Мы севернее, причём значительно. Здесь топливо днём с огнём не сыщешь – слишком далеко от мест его производства, что где-то в Кавказских краях расположились. Но автомобиль есть – и это факт. Осталось увидеть – какой. Пока как-то не до любопытства было, однако носом я ощущал неприятно пахнущее, горячее железо.

К кому я угодил? К военным? Похоже. Или к ним, или к представителям аналогичных структур. А, скорее всего, смешанная команда. Допрашивающий меня мужик в прошлом явно с уголовниками дело имел – слишком тщательно, опытно, и при этом механически обыскивал. Что ещё? Подготовка, выправка, рация – по которой они, скорее всего, и связались между собой – не говорят ни о чём. Народ сейчас разный, все между собой перепутались...

– Почему с людьми не живёшь? – выдернул меня из мимолётных, на уровне подсознания раздумий, голос хриплого.

– Не хочу. Там работать много надо, старосте подчиняться. Женят, опять же. В одно рыло проще. Да и спокойнее. Сам себе большой – сам себе маленький. Я в форте уже скоро месяц как не был, да и нигде не был – и ничего, живот не болит, общения не жажду.

– А кормишься с чего?

Я пожал плечами.

– Домов пустых много.

Гражданин Начальник, хекнув, скептически выдал:

– Мародёр-тунеядец, значит... И давно ты здесь обосновался?

Снова полуправда.

– Два года. С тех пор как с Рыбинского водохранилища сдёрнул в поисках лучшей жизни, – и, предупреждая следующий вопрос, заметил. – Пока нравится. Надоест – дальше пойду, на юг.

Олег Игоревич снова сделал задумчивую мину на лице, забормотал:

– Путешественник... свободу любишь... это хорошо..., – а потом рявкнул. – Грузите его в машину, только руки свяжите. С собой возьмём. Пообщаемся в более спокойной обстановке, с картой и плюшками. Нам как раз хорошего гида по окрестностям не хватает!

Глава 6

После команды хриплого начальника «Грузимся» все оживились, однако исполнять её не бросились. Переглянулись, затем уставились на меня.

– Руки за спину, – слышалось сзади.

За спину так за спину. Новость о своём очередном путешествии я воспринял спокойно. Сейчас не убили – значит, и потом не убьют. Во всяком случае, я очень постараюсь за этим проследить и приложить все усилия для того, чтобы избежать такой неприятности.

Паника давно прошла, все неприятные слова самому себе высказаны, виновный найден – я. Сам в ловушку залез, сам и выпутываюсь, как умею. Ничего страшного – прорвёмся, не в первой. Главное – разумных они не заметили, а это очень облегчает жизнь. Доберман не пропадёт, да и Рося тоже. Я им на такие вот непредвиденные случаи чёткие инструкции оставлял: месяц ждуть неподалёку, потом – кружным путём тайно на юг пробираться, к волкам и их Месту, у которого проживает Зюзин воздыхатель – большой, мощный волчара. Там их никто не обидит и не достанет.

Более того, мы даже условное место сбора выдумали – понятное всем. Деревенька примерно на середине пути. Та, в которой Бублик со своей стаей когда-то проживал.

Вот только Мор... А что – Мор? Да, он есть, вынужден признать. Сам видел. Суровая данность, и изменить её не в моих силах. Придётся принять... Но тут тоже всё не так уныло, как могло казаться поначалу: разумные с правилами безопасности ознакомлены, глупости делать – не в их стиле. А мне как поступить? Заявить этим людям, что я не согласен с ними ехать ввиду возможного заражения? Конечно, они сразу извинятся и отпустят, даже шапки на прощанье снимут. И ничего, что головных уборов у них пока нет. Специально не поленятся, по заброшкам пробегутся, найдут, оденут и потом

торжественно снимут. Из уважения к моим капризам и хотелкам. В том, что тётка инфицирована – я уже совсем крепко сомневаюсь, со мной тоже без масок разговаривают. Значит – или не в курсе, или не боятся. Сказать?

Аж три раза! Любое знание – козырь в рукаве. Потому промолчу, рот открыть всегда успею. Чёрный флаг, со слов Ольги, висит над частоколом – и ладно. Кому надо – поймут. Да и не поедут мои пленители в те края, разве что спонтанно, вот прямо сейчас, их старшему моча в голову ударит изменить маршрут. Но я сомневаюсь. Очень непохож хриплый на взбалмошного дурака с семьёю пятницами на неделе. Он мужик основательный, продуманный. Потому и меня с собой берёт. Явно ему эти места интересны. А зачем? Ладно, на потом этот вопрос отложу. Сейчас буду слушать, запоминать, думать.

...Запястья туго сдавило. Верёвкой вяжет, старается, сволочь...

А хорошо у меня получается себя обманывать! Вот успокоиться даже ухитрился, хотя должен по всем канонам трястись, как последний осенний лист на ветру. Переживать, нервничать, замышлять планы побега и страшной мести – а я сторонне, словно от третьего лица смотрю сам на себя и будто персонажем в компьютерной игре управляю. Вот не я это и всё. Только персонаж у меня так себе – ни прокачки, ни уровней. Нубский перс.

Как так получается? Просто. Выручает приобретённый за последнее время здоровый фатализм и старинная поговорка: «Если не можешь изменить ситуацию, то расслабься и получай удовольствие». Что я сейчас могу объективно сделать? -- попробовать убежать и героически, некрасиво умереть неизвестно зачем от чужого свинца. А что я сейчас могу не сделать? – а вот тут, при всей запутанности фразы, широчайшее поле для деятельности. Моё «ничегонеделание» и подчинение – залог жизни моих разумных, а для меня – неплохой шанс выпутаться из всей этой донельзя мутной истории, попутно выяснив интерес этого самого Олега Игоревича к здешним местам. Кто знает, зачем ему эта земля? Может, он сам по себе такое зло, что Чикатило ему и в подмётки не годится. А может, наоборот. Цивилизацию с машинами и мягкой туалетной бумагой в наши дебри несёт и осторожничает из-за таких несознательных граждан, как я.

– Пошли, – меня потащили за локоть, разворачивая лицом к магазину.

На манеже всё те же и... ага! Вот и машина, совсем рядом. УАЗ – буханка в вполне приличном состоянии. Причём без приличествующей нынешней действительности наворотов – ни щитков на окнах, ни брони. Простая рабочая машина серого цвета, из тех, что раньше повсеместно между деревнями мотались. И, насколько мне помнится, в эксплуатации тоже простая, но прожорливая.

Рядом с ней, привалившись к водительской двери, на меня хмуро пялился Кравец. Насупившийся, по бычьим наклонивший голову. Обидку затаил, не иначе. И помародёрить я ему не дал, и от шефа, похоже, не одному певуну на орехи достанется за разгильдяйство. Ишь, глазами зыркает, злобствует...

Влез в салон, примериваясь усесться на одну из двух скамеек, идущих вдоль кузова, однако не срослось.

– На пол ложись! – донёсся голос Гражданина Начальника.

Я сомнением уставился себе под ноги: грязновато, кусок линолеума в дырках, непонятное жирное пятно.

Толчок в спину меня подстегнул. Грустно вздыхая, опустил на колени, лёг на живот, попробовал устроиться поудобнее. Не получилось. Что-нибудь под голову бы... Зато ноги вытянуть можно... ненадолго.

– Копыта согни! – потребовал забравшийся за мной мужик.

Не дожидаясь выполнения приказа, он ловко накинул новую верёвочную петлю мне на щиколотки, сноровисто затянул её и привязал конец к рукам, натянув как следует. В результате ноги согнулись в коленях, пятки почти упёрлись в ладони. Пипец... приехали. Мне даже дышать в таком положении не очень, а уж катиться по родным ямам и ухабам в далёкие-далёкие края – садизм чистой воды.

– На, – в лицо мне ткнулась скатка. Пожалел, значит, спальник подсунул. Наверное, нужно поблагодарить, вот только эта милость на общем фоне как-то теряется. Ну его.

Поворочался, пристраивая голову поудобнее. Вокруг меня рассаживались люди, весьма ощутимо касаясь меня обувью и навевая мысли о том, что так пинать будут всю дорогу.

– На, – снова раздалось поблизости и в мои зубы ткнулась фляжка с водой. С удовольствием попил, правда, половина пролилась на пол, ну тут уж я не виноват. Развяжите – буду вести себя культурнее.

Двигатель шумно, со скрежетом завёлся; автомобиль несколько раз дёрнулся, разворачиваясь, и неспешно, регулярно виляя в манёврах и подпрыгивая, покатил по дороге. Куда – не видел. Когда лежишь по собачьи между ног, а вокруг молчаливые люди с оружием – в окна особо не поглядываешь.

Примерно через час я заснул в своей крайне неудобной позе. Укачало.

– Подъём! Приехали! – заорал неизвестный идиот прямо мне в ухо и принялся распутывать верёвку, которой были связаны ноги. – Разлёгся, как на перине!

Я инстинктивно попытался вскочить – и не смог. От неудобного лежания затекло всё тело. Попробовал пошевелить освобождёнными конечностями. Не знаю – получилось или нет. Тысячи маленьких, раскалённых иголок впились в меня пониже спины, вызывая саднящую, отдающую в голову боль.

– погоди, – сказал кто-то с улицы. – Ты ему хоть копыта и развязал, так пока он дрых – у него всё затекло! Давай-ка!

Крепкие руки схватили меня за шиворот и натужно потащили прочь из салона. Я лишь кряхтел, а когда щека зацепилась за незаметный заусенец на железном порошке, то даже немного взвыл.

На это никто не обратил внимания.

Вытащив мою тушку из машины, неизвестный попросту разжал руки, и я упал лицом в пыль, хорошенько приложившись носом о твёрдую, как камень, землю.

– Давай с двух сторон, – предложил всё тот же голос.

Теперь подхватили под подмышки, резко поставили на ноги. Стоять, правда, получалось не очень – нижняя часть моего тела категорически отказывалась находиться в вертикальном положении. Ноги самопроизвольно подкашивались и вообще вели себя так, словно были сделаны из пластилина или желе. Ничего, скоро пройдёт...

Нагло обвиснув в чужих руках, позволил себе осмотреться. Так, что у нас? Вечереет, прямо передо мной длинная изба с тяжёлой, окованной железной полосой дверью. Окошки маленькие, под крышей, забраны решётками. На крыльце – люди с деревянными дубинками на поясах. У каждого есть красная повязка на рукаве. Стоят, смотрят на меня с интересом, как на мадагаскарского таракана.

Прислушался. Вокруг непривычно шумно. Слышно людей, удары топора, о чём-то судачат женщины. Потянул носом воздух – пахло дымом, какой-то кислотной, остальные запахи разобрать не смог. Слишком много самых разных субстанций переплелось между собой в воздухе. Цивилизация так пахнет. Или воняет – кому как. Отвык, не нравится...

Снова уставился на избу, пытаюсь найти в ней хоть что-то знакомое, и тут меня осенило! Я знаю это место! Бывал здесь! Это тюрьма города Фоминска! Вот, значит, куда меня занесло... в царство старого пердуна Петровича и его зама Фролова. Даже не знаю – радоваться или плакать. Посмотрим. Вся надежда на жадность местных до дармовой рабочей силы и на Зюю. Если снова попаду в трудовые отряды – она меня вытащит, главное дров не наломать, как в прошлый раз.

А если нет? Помнится, Фоменко после смерти внучки от когтей и клыков разумных сильно меня искал, посчитаться хотел... И ему до одного места было, что моей вины в том нет. Если так – тогда край. Вилы. Конец. Вздёрнет прилюдно на виселице под лузганье семечек и улюлюканье местных. У них тут имеется и такое развлечение – точно знаю.

Стало совсем нехорошо...

– Потащили, – бросил кто-то кому-то через мою голову.

Смотреть на своих конвоиров и грузчиков по совместительству не стал – потому что не мог. Я дрожал от ужаса, впервые накатившего на меня с момента моей поимки. Мелко дрожал, неконтролируемо, панически-пронзительно. Вдобавок, внутри широкими волнами начал разливаться необъяснимый холод, заставляя против воли цепенеть и всматриваться в лица стоящих передо мной людей с дубинками, выглядывая среди них несбыточное чудо и спасителя. Хотелось заорать, завопить, что я ни при чём, что я хороший; хотелось зажмуриться и исчезнуть, объявив окружающий мир больной галлюцинацией. Хотелось... Но внятных мыслей не было, только эмоции, ступор и страх. И неверие в реальность происходящего, противоестественно соседствующая с осознанием того, что всё это – горькая правда.

Я не знаю, что мне делать. Я запутался в собственном сознании. И я хочу жить...

– Топай, утырок! Не сачкуй! – рявкнули в ухо, возвращая перепуганное сознание в этот мир.

Под внимательными взглядами тех, с крыльца, мою тушку, ругаясь и недовольно сопя затащили внутрь, где прислонили к стене.

Наконец-то я смог рассмотреть своих конвоиров. Это были два незнакомых мужика с такими же, как и у оставшихся на крыльце, повязками на рукавах. Стоящий слева бросил вглубь помещения:

– Оприходуй. Это этот... как его... партизан! Его Игоревич поймал в рейде.

Начал осматриваться. Ну точно! Не ошибся. Доводилось тут бывать.

В помещении почти ничего не изменилось. Всё та же невысокая стойка дежурного, расписание патрулей на стенах, коридор с камерами, отгороженный от основного помещения добротной решёткой. Единственным новшеством в этом, казалось бы, оплоте постоянства стал огромный флаг Российской Федерации на стене, непривычно яркий на фоне тусклых бревенчатых стен.

Из-за стойки недовольный, надтреснутый голос раздражённо бросил:

– Знаю. Мне сказали, – и добавил с плохо скрываемой злобой. – Совсем Игоревич со своей бандой оборзел. Приехали, спихнули на мою голову – ни рапорта, ни пояснений. Отдувайся за них. А сами, небось, в баньку рванули.

Мой конвоир ехидно заметил:

– Так чего же ты молчал? Выказал бы в глаза всё, правду-матку, так сказать, не взирая на чины и звания резанул.

Пока местные развлекались словесной пикировкой – присмотрелся к дежурному, привставшему со своего рабочего места: обычный мужчина лет пятидесяти, с большими залысинами и в стареньких очках. Одет – как все, в старенькую гражданку с неизменной повязкой на рукаве. Он поморщился, передёрнул плечами, а потом, усевшись обратно, довольно резко ответил:

– Самый умный? Вот тогда садись и оформляй!

Стоявший рядом со мной говорун заметно стушевался, а второй конвоир, молчавший справа, даже сделал попытку отодвинуться вглубь, ближе к стене. Понятно, крючкотворствовать никому не хочется.

На улице уже знакомо зарокотал мотор УАЗа, и кто-то басовито, нарочито громко, со смехом поинтересовался:

– Кравец! Чего такой смурной? Работать заставили?

Ответ водилы потонул в общем хохоте. По всей видимости – не слишком его тут любят. Ну и плевать. Хлопнула железом дверь, громко скрежетнула коробка передач и автомобиль, судя по звуку, весьма быстро удалился.

– Фамилия, имя, отчество? – между тем принялся задавать стандартные вопросы дежурный, широко расставив локти на столешнице и подняв карандаш над увесистым журналом. – Документы есть?

– Нет, – ответил за меня конвоир слева. Ох и болтун... вот чего ему неймётся? – Игоревич сказал, что при нём ничего не было.

Сидящий зло ухмыльнулся.

– Верю. Ни оружия, ни вещей, одна повязка поперёк рожи. Именно так и партизанят в наши дни, ну или дарят всё нажитое первому встречному, от большой любви к человечеству. Сворачивай базар! – ударил он ладонью об стол. – Нет – значит, нет! Обычное дело. Ещё раз спрашиваю: фамилия, имя, отчество?

– Марков. Виктор Константинович.

Карандаш заскрипел по бумаге. Плохая, видимо, бумага, из старых конторских журналов. Жёлтая, грубая, плохо сделанная. На хорошей бы грифель шуршал...

Я намеренно назвал неправильную фамилию. У меня ещё оставался шанс на то, что про меня местные власть имущие попросту не узнают. Мало ли дураков по окрестным лесам отлавливают и в трудовые отряды направляют – что теперь, с каждым знакомиться лично? Потому и врал. Фоменко моей фамилии точно не вспомнит, а вот особист-безопасник здешний – может вполне. В его среде помнить всех и каждого – необходимый, чуть ли не базовый навык. Да и по должности он наверняка все сводки и рапорта просматривает – может и заинтересоваться однофамильцем человека с собакой. Имя не в счёт – Вить на свете полно.

Хлипкий, конечно, шанс, но всё же... Я им ничего не сделал, никого не убил – не должны лютовать.

А из-за стойки донеслось:

– Год рождения?..

В это время открылась входная дверь. Дежурный подскочил, как ужаленный, забыв про меня; мои конвоиры подтянулись, замерли не дыша. Прямо немая сцена по классику.

Пока я соображал, в помещение зашёл... (Сука! Да что же мне так не везёт?) Фролов собственной персоной – здешний начальник тайных дел и мой, в определённом смысле, знакомый. Только о нём подумал – и нате... За ним ввалились два жлоба, стали сзади. Ого! Охраной обзавёлся! Вот что значит служба государева: ты заботишься о ней – она о тебе. Но схема работает только для избранных, как мне думается...

– Здра... жла... – выдохнул дежурный и открыл было рот, чтобы приступить к докладу, однако Сергей Юрьевич устало отмахнулся:

– Давайте без уставщины.

На меня он даже не посмотрел.

Оформлявший меня силовик такое послабление в порядках не воспринял, продолжая стоять навтыжку, однако заговорил не казёнными, разрешите-докладываю-не могу знать, а обычными словами:

– Без происшествий. Группа вернулась, человека привезла. Оформляем.

– Что за человек? – поинтересовался особист, подходя к стойке.

Дежурный скосил глаза в журнал, стараясь не нарушать своей бравой позы. Получилось не очень, но получилось. Кое-как он прочёл:

– Э-э-э... Марков Виктор Константинович. Остальных данных пока нет. Не успели.

– Да? – без интереса в голосе скорее констатировал, чем спросил Фролов и повернулся ко мне.

Он никак не изменился с момента нашей последней встречи, словно время о нём забыло. Всё та же короткая стрижка, мягкая походка, плотное подтянутое тело и внимательные, усталые глаза.

– Как, вы сказали, фамилия? – переспросил особист, очень внимательно рассматривая меня.

Узнал, вижу, узнал.

– Марков! – бодро отрапортовал дежурный.

У Сергея Юрьевича брови стали домиком.

– Виктор! Это же не ваша фамилия! – обратился он ко мне. – Вы, помнится, другую называли...

Я даже кривую усмешку в стиле «раскусили, злодеи» выдавить не смог. Настолько подкосила меня эта встреча. Накатила апатия. Неприятности как из ведра на мою голову валятся. Сейчас этот разведчик чёртов побежит радовать своего хозяина о поимке страшного злодея Вити со всеми для меня вытекающими... Плевать.

– В кабинет, – скомандовал Фролов, поворачиваясь к дежурному. – Что при нём нашли?

– Не могу знать! – подобострастно выкатив глаза, сразу отозвался дежурный. – В машине привезли, вещей мне не передавали, – с явным наслаждением в голосе от того, что хоть как-то может отомстить Гражданину Начальнику, дополнил он.

– Понятно, – зло, как мне показалось, скрипнул зубами особист.

Конвоиры подхватили меня под руки и быстро потащили по месту требования. Кабинет оказался тоже не чужим – доводилось здесь вести задушевную беседу с отварчиком. Аскетичное убранство, маленькое окошко, стол, кресло, табурет, тумба – в ней, по моему, ещё кружки хранятся.

Мне естественно, достался табурет.

– Присаживайтесь, – прозвучал знакомый голос со спины. Всё такой же, профессионально-вежливый. Со всеми на «Вы». – Подождите в коридоре.

Конвоиры, бесцеремонно плюхнув меня задницей на деревянную сидуху, вразнобой топая, покинули кабинет.

Фролов уселся в кресло, положил руки на стол и нейтрально начал:

– Давно не виделись...

Я согласился:

– Давненько.

Он позволил себе лёгкую улыбку.

– Вы выполнили моё поручение? Доставили письмо?

– Да, передал из рук в руки.

Особист удовлетворённо кивнул.

– Рад, что в вас не ошибся. До дома, куда вы так рвались, дошли? – тон, которым задали мне этот вопрос, не понравился. Прозвучало примерно как «дай Бог нашему теляти волка поймати».

Однако недовольства я не показал, лаконично ответив:

– Да. Дошёл.

А вот эта фраза сидящего напротив меня выбила из колеи. Сергей Юрьевич даже занервничал слегка.

– Но это же далеко, я помню... И что?!

Что отвечать? Ему – правду. Здесь нечего скрывать.

– И ничего. Нет у меня больше дома. Точнее есть, только он теперь не мой. Одна лишь фотография осталась. Тут, – я кивком подбородка указал на нагрудный карман. Руки-то мне никто развязывать не стал – так и сидел, за собственное кровообращение переживая.

Фролов выбрался из-за стола, подошёл ко мне, извлёк фотографию, долго в неё

всматривался.

– Не врётё. В прошлый раз у вас её не было. Печально... – снимок вернулся на место.
– А собачка ваша как?

– Погибла в дороге.

Я решил отвечать коротко, без особых подробностей. Он ведь меня не допрашивает, а так, моей новейшей биографией интересуется. Вот и зачем болтать лишнее? Понадобятся подробности – сам спросит.

Особист вздохнул, снова сел в кресло:

– Ну а в наши края вернулись зачем?

Ответ давно готов. Хоть и не знаю, как мне моя хитрость поможет в разборках с Фоменко, но всё же. Ничего ведь не теряю, да и хрен проверишь.

– Золото собирал. На юге без золота грустно. Здесь его ещё можно найти по мертвецким домам. Там – нет. Потому и пришёл по знакомым дорогам. Машину хочу купить, грузовую, дело своё открыть.

Не знаю, поверил ли мне Сергей Юрьевич или нет. Скорее – нет. Но не потому что я вру неубедительно, а по привычке всё по десять раз перепроверять и всё равно на всякий случай сомневаться. Правильность моих выводов он подтвердил сразу, небрежно поинтересовавшись:

– При задержании у вас золото имелось?

– Да. Немного. Я в разных местах тайники делал на всякий случай. Не в моих правилах все яйца в одной корзине держать.

– Проверим, – безэмоциональным тоном бросил собеседник. – Знаете, а вами интересовались.

Я удивился:

– Кто?

– Некий Иван Михайлович, предводитель банды мародёров на юге. Давно это было. Вы с ним что-то не поделили?

– Да. Мой глаз и собаку, – честно признался я, припоминая подышающего среди Полтавских полей громилу. И его тестюшка-машинист вспомнился следом, скотина гнусная – земля ему стекловатой. – Я ему паровоз в отместку хотел сжечь. Не получилось.

Фролов с интересом взглянул на меня, явно оценив откровенность, потом снова вздохнул:

– Н-да... Наслышан. Неприятная история, да и Коробова очень жаль. Толковейший был человек.

В ответ лишь пожал плечами, показывая, что дело прошлое – нет смысла вспоминать. Сегодня дел тоже хватает. А особист не унимался.

– Скажите, покойный полковник сообщал вам, что мы вас разыскиваем?

– Да, – я по-прежнему не забывал, что этому опасному человеку лучше говорить

правду, да и врать умнее правдой или полуправдой. Исключение лишь там, где никак не проверишь и не догадаешься.

Сергей Юрьевич покачал головой:

– Я так и думал... Не переживайте! По поводу тех событий... на заимке, к вам претензий нет. Наши специалисты восстановили хронологию событий. Попытка вашего задержания была несколько спонтанным решением, основанным исключительно на эмоциях. Потому прошу понять правильно.

...Ох и хитрый человек! Вот ему моё прощение – как зайцу стоп-сигнал, а ведь извиняется завуалированно, не хочет без нужды доверительные отношения портить. Не люблю таких. Никогда не знаешь, чего от них ждать – то ли нож в спину, то ли поддержку в самых неожиданных ситуациях. В прошлый раз отпустил, в этот – без понятия. Может и на перегной пустить запросто, а может и к делу приставить.

А может и родне Михалыча выдать. Но это вряд ли. Как умер главарь банды – видели только я и Зюзя. Но мы никому не расскажем, а труп крысюки, я думаю, в течение суток прибрали. Мстить за старого пердуна, которого я в Белгородском депо прирезал, тоже никто не станет – фигура не та. Это Михалыч ещё пытался что-то сделать не столько из праведного гнева, сколько для поддержания авторитета, а остальным такое счастье и нафиг не нужно. Да и далеко мы друг от друга, с конвоем не отправишь...

Мне оставалось лишь согласиться:

– Радует, что разобрались. Но зачем ваши люди меня сюда привезли? Я же не сделал ничего!

Сергей Юрьевич ответил, скорее всего, честно:

– Я пока не знаю – докладные не читал. Потому ничего конкретного сказать не могу. Когда ситуация прояснится – отвечу. Погостите пока у нас. Отдохнёте, помоетесь, выпитесь.

– В общем, посидите в тюрьме до особых распоряжений, – я подхватил и озвучил общую суть его слов.

Фролов даже глазом не моргнул:

– Да. Ничего в этом страшного не вижу. Вы знаете – мы не кровожадные злодеи. После разбирательства решим, что с вами делать, – и добавил уже мягче. – Я действительно не знаю причин, по которым вас сюда привезли. Да и наткнулся я на вас совершенно случайно – просто в дежурку зашёл. Потому предлагаю пока оставить этот вопрос и отправляться на отдых. Время уже вечернее, скоро ужин. Охрана! – позвал он.

В кабинет сразу вошли двое конвоиров и препроводили меня в небольшую, весьма комфортную камеру в конце коридора, не забыв на прощанье ещё раз обыскать.

...Первые три дня меня водили на допросы. Незнакомый мужчина в камуфляже без знаков различия и с повадками профессионального следователя дотошно записал весь мой путь от Вологодских лесов до родного посёлка, ничего не упуская и не забывая. Я не врал. Почти. Вот только по-прежнему клялся, что Зюзя погибла у сектантов и где именно лежит её тело – мне не известно. Дознаватель делал вид, что верил, однако мы оба понимали – начини он допрос с пристрастием – и я сломаюсь. Но какой в этом смысл? Ну убили собаку – и хорошо, тварью меньше – именно такой ход мыслей читался на его лице.

В сложившейся ситуации, видимо, пока не было необходимости всерьёз докапываться до истины, да и допрашивающего больше интересовали особенности пройденного мною маршрута, политическая ситуация в оживающих областях, схемы оборонительных сооружений, принятые на юге и многое, многое другое.

Дважды видел Фролова. Он тихо заходил в допросную и слушал, абсолютно не вмешиваясь в процесс. После так же молча уходил.

Записав мою одиссею, мужчина переключился на окрестности моего последнего места жительства. Вот тут пришлось попотеть, рассказывая о состоянии дорог, посёлков и деревень, а заодно припоминая наиболее подходящие места для ночёвок и зимовок. Но ничего, вроде бы выкрутился.

Затем от меня отстали, ничего не объясняя и словно забыли.

В первый же день пребывания в тюрьме охрана наскоро растолковала мне местные порядки: в разговоры ни с кем не вступать, не шуметь, отзываться по первому требованию. Шаг вправо, шаг влево – ну и дальше традиционно. Объясняли просто, особо выражений не выбирая и постоянно уточняя всякие нюансы про мои почки и печень, которые гарантированно пострадают в случае неповиновения. Я им верил – эти могут, потому обещал не докучать.

Взаперти, в одиночке, всегда скучно. И ничего не хочется делать. Все движения выполняешь почти насильно, каждый раз ломая себя словно заново. Но эта апатия проявляется не сразу. В первые дни, пока таскали на допросы и измордовывали сотнями всевозможных вопросов, отпуская лишь на сон – скучать не приходилось. Постоянно боролся с усталостью, с туманом в голове от нудных уточнений и нюансов.

Потом, когда от меня отвязались я и наконец-то выпался, началось самое пакостное – прилипчивое, давящее ощущение ограниченного пространства и постоянная теснота терзали психику, превращаясь в почти физическую боль. Тело при этом каждую секунду словно скручивала пружиной жажда действия: хочется куда-то бежать, что-то делать; постоянно казалось, что если бы не решётка с замком, не четыре стены – горы бы свернул.

Постепенно пришло угасание. Всё больше лежишь, всё больше убиваешь время, погружаясь в непонятную полудрёму. Время измеряешь промежутками от кормёжки – до кормёжки, ориентируясь по грузным шагам баландёра

Мысли о побеге тоже проходят довольно быстро. Сначала они занимают разум с утра до ночи, подкидывая идеи одна другой несбыточнее, после уходят на второй план, уступая своё место почти математическому анализу окружающей обстановки и постоянному поиску в ней слабых мест.

Пока, к сожалению, ничего. Служба поставлена грамотно, подкоп или дыру в стене сделать невозможно. Остаётся только ждать, пока кто-то ошибётся и предоставит хоть крохотный шанс. И развивать в себе терпение...

Прогулок нет, окна нет, уборка камеры на мне. Ведро с экскрементами забирают раз в сутки. Но хоть тут повезло – отхожее место с почти герметичной крышкой, практически не воняет. Бани тоже нет. Чтобы не завшивел – раз в три дня заводят в небольшое помещение с поддоном, дают лейку и кусок мыла. Так и моюсь, под пристальным наблюдением как минимум двух здоровенных мордovorотов с дубовыми дубинками, там же и стираюсь. Там же меня и подстригли при первой помывке под ноль, и велели побриться выданной тупой бритвой. Исцарапался весь, зато теперь как молоденький новобранец – со всех сторон лысенький. С гигиеной здесь строго.

За своих ушастых я был спокоен. Уверен, они пока партизанят неподалёку от пустого посёлка, меня ждут. Зюзя старшая, а значит, Рося под присмотром – глупостей не наделает. Надеюсь... Может, вообще домой вернутся пока, чтобы в кустах не спать. К Мурке. А в посёлок по очереди прибегать будут. Инструкции я оставил, а как оно выйдет – посмотрим.

Раз пять пытался прояснить обстановку вокруг моей личности, однако на все вопросы о собственной судьбе получал неизменный ответ: «Иди на х... Когда скажут, тогда выпустим». Вот так вот... пришлось заткнуться до поры, чтобы не раздражать охрану.

Из-за вынужденного безделья я постоянно прокручивал в голове события последних дней и причины такого странного поведения моих захватчиков: отсутствие страха перед Мором, их непоказное спокойствие, чёткость и слаженность действий, показавших мне мой истинный дилетантизм в делах военных.

В тысячный раз в голове мусолились одни и те же мысли: может, Оля ошиблась, и эпидемия пришла с какой-то неведомой мне стороны? Не знаю... Вакцина? Тогда почему мне не делали никаких уколов? Даже ежу понятно – необходимо, из самых несложных соображений, перво-наперво засунуть стороннего человека в карантин и с интересом смотреть – не подохнет ли он. Но нет. Сажу в обычной камере, открыто контактирую с охраной. Да и дознаватель спокоен, как бетонная плита. Бред получается... А, может, это не те «беженцы»? Отчитываться ведь они передо мной не стали. Но отговорка той, цыганистой бабёнки про меня и Ольгу проясняет многое. Была она в мёртвом форте. Была...

Всё равно, правила безопасности никто не отменял, а уж в помешанном на порядке Фоминске и подавно. Почему я не в изоляции? Уф... Так и мозги закипят!

А ответов не было. Оставалось лишь жадно вслушиваться в невнятное, угрюмое бормотание персонала и вылавливать хоть какую-то пищу для размышлений. Сплошная бытовуха, скучная и рутинная. Обсуждение незнакомых мне людей, неинтересные сплетни, болтовня ни о чём. Разнообразие в похуже друг на друга, как две капли воды, дни вносили лишь доставляемые для разбирательств задержанные.

Мне повезло дважды так скоротать вечера. В первый раз охрана Фоминска притащила полупьяненького мужичка, который всех веселил своими поисками правды и угрозами «дойти до Самого». Утром его увели отрабатывать накопившиеся грехи на необъятных городских полях,

Второй оказался поинтереснее. Он пел. Всю ночь. Негромко, но с чувством и хорошо поставленным голосом, предпочитая шлягеры советского периода. Охрана такому внеплановому концерту не препятствовала. Им, похоже, тоже пришлось по душе неторопливые, мелодичные старые песни.

Менестрель бродячий, не иначе. Я про таких в книжках читал. Интересно, за что он тут?

Узнать мне этого не удалось. Певца рано утром увели в неизвестном направлении и больше я о нём ничего не слышал. А жаль. Душевно у него получалось про легендарный Севастополь и миллионы алых роз выводить.

Чтобы не сойти с ума от неизвестности и хоть чем-то себя занять – отжимался и приседал, а в перерывах стоял на одной ноге, считая сначала до ста, потом понемногу добавляя. Сначала на правой, потом на левой. Зачем мне это – и сам не знал, просто от скуки, чтобы себя измотать. Зато выяснил – слабенькие у меня ножки, да и с координацией дела обстоят не лучшим образом.

А по ночам я придумывал сказки с прекрасными принцессами и злыми великанами. Впрок, для моей ушастой банды. Лёжа на тоненьком матрасике, закрывал глаза и словно

переносился в другие миры, где правят мудрые драконы, а на дорогах ещё не перевелись рыцари без страха и упрёка. Но на утро всё забывал, искренне расстраиваясь от этого. Ничего! Главное – вырваться! А сказки я и новые придумую, лучше этих...

Именно от фантазийных занятий меня и отвлек скрип входной двери. Странно, кто это? Ни топота ног, ни ругани, ни громких разговоров, перемежаемых склоняемым по всем падежам словом «мать» с различными приставками и глаголами. И не охрана. Я уже успел изучить всех здешних сотрудников и с закрытым глазом мог узнавать их по шагам и вздохам.

Неизвестный гость о чём-то пошептался с дежурными, клацнула решётка в арестантское отделение, а затем он медленно зашаркал в мою сторону. Один, без сопровождающего. Против воли, тело напряглось в ожидании. Вряд ли меня сейчас плюшками с шашлыком угощать станут.

– Кхе, кхе... – закашлялся визитёр, продолжая брести по коридору.

А через секунду я обомлел: Фоменко Андрей Петрович – собственной персоной. Вот только как же он сдал... Из бодрого старика властитель окрестных земель превратился в измождённую старую развалину. С тросточкой, с согнутой спиной, с пустыми, водянистыми глазами. По-моему, даже в том же самом спортивном костюме и тех же мягких тапках, в которых разгуливал при нашей последней встрече.

Он тоже смотрел на меня, точно вспоминая что-то. Заговорил гость первым:

– Эк тебя жизнь потрепала, Витенька... – при этом его палец указал на мой правый глаз. – Ну хоть живой, и то ладно... Вася! – неожиданно крикнул хозяин Фоминска, обернувшись в сторону караульных, – принеси мне стульчик. Совсем ноги не держат, – пожаловался старик теперь уже мне.

Требуемое доставили практически мгновенно. Было видно – уважение, в отличие от здоровья, старик не растерял. Отпустив жестом охранника, он уселся, пристроил между колен свою палочку и снова уставился на меня. Я молчал, ожидая продолжения.

– Домой дошёл? – наконец соизволил начать Андрей Петрович.

– Да.

– А чего там не остался? Зачем в наши края вернулся? – продолжал любопытствовать старый хрен.

– Нет дома, – не желая углубляться в подробности, ответил я. – И делать мне там нечего. А здесь климат лучше. Ну и золотишко собирал понемногу, – про драгметаллы специально упомянул. Они же с Фроловым постоянно общаются, значит, врать нужно одинаково.

– Бывает, – рассеянно протянул Фоменко, думая о чём-то своём. – Хорошо, что ты мне тогда... когда внученьку нашёл, не попался. Прибил бы. Как есть прибил. Это потом уже разобрались, что не твоя это работа, а тогда... крови мне хотелось. Найти, наказать, живьём сжечь! Ловили тебя...

– Знаю. Видел дрезину.

– Везучий...

Снова установилась неприятная тишина. Андрей Петрович молчал, по-стариковски чуть трясая головой, я ждал очередных откровений. А потом, неожиданно для самого себя, мне стало жаль этого человека, явно сломленного судьбой. Решил поделиться:

– Волки, что убили людей на хуторе, мертвы. Не все, но многие. Не знаю, насколько вам от этой новости станет легче, но всё же...

Договорить не успел. Фоменко словно выбросило катапультой со стула, палка отлетела в сторону, дробно застучав по полу, а сам он приник к решётке, протягивая ко мне свои узловатые, бледные пальцы. Словно убить хочет.

– Подойди... – прохрипел старик. – Подойди... пожалуйста... Расскажи мне об этом. Хочу! Хочу знать!..

Он был страшен в своём буйстве. Сумасшедший взгляд, непонятные судороги, вжавшееся до посинения в прутья решётки лицо.

– Ну! – продолжал Андрей Петрович, переходя на рык. – Ну!!!

Прибежала охрана и мягко, с видимым усилием оттащила его. Я же заработал многообещающий жест сжатого кулака, продемонстрированного мне одним из мордovorотов. Плохо дело. Похоже, знакомства с дубинкой не миновать.

– Уйдите! – придя немного в себя, своим прежним, властным голосом скомандовал городской хозяин. – Всё в порядке...

Стражи порядка, потоптавшись для вида и подняв с пола палку, с облегчением ушли, а Фоменко снова обратился ко мне, теперь уже более-менее нормальным голосом:

– Говори! С самого начала! Не жалеи!

Мысленно сплюнул. Ну вот кто меня за язык тянул? Не отвяжется ведь... И рассказал, с самого начала, с момента обнаружения покойников. Подробно. Не забыл и про первую встречу с волками на железнодорожной насыпи, и про то, как и где с ними встретился повторно.

Честно ответил, что не всех тогда перестрелял. Вот только причину, почему они смогли уйти – опустил. Отделавшись простым «сбежали со страху, когда половину их стаи перебил». Ни к чему Фоменко нюансы знать. Тогда и про Лёху, и про мой договор с серыми рассказывать придётся, да и много чего ещё. Не нужна ему вся правда.

Старик слушал меня с закрытыми глазами, из которых по сморщенным от времени щекам текли слёзы.

Когда я закончил, он спокойно, глухо заговорил:

– Я тебе верю. Спасибо. Понимаю, что ты тогда жизнь свою спасал и про убитых не думал, но всё равно спасибо. Легче мне теперь. На самую малость, но легче. Не забуду.

С этими словами Петрович встал и медленно, устало пошёл к выходу, держась за стены, а я вернулся на койку. Вот зачем он приходил? Душу разбередить себе? Приказал бы тому же Фролову – и вытряхнули бы из меня, как из старого матраца, всю правду. Быстро и ловко. Но нет, сам припёрся, старый хрыч. Пусть страдает, раз ему так нравится.

Глава 7

А через час снова хлопнула дверь, кто-то вскрикнул, что-то упало и чей-то бас буднично скомандовал: «Мордами в пол». Затопали сапоги, лязгнула решётка. К моей камере подбежал неизвестный, вооружённый ружьём мужик и рявкнул: «На выход!».

Ключи от камеры у него были с собой, потому всё обошлось без суеты и прочей ненужной возни. С остервенением распахнув двери, он чуть ли не силой вытолкнул меня в коридор (еле успел сапоги подхватить) и указал пальцем в сторону выхода.

– Тихо давай, – напутствовал нежданный освободитель. – Снаружи тебя ждут.

Пришлось идти. Ну не обратно же, в узилище, возвращаться! Да и внутренне чутьё подсказывало – на виселицу так не водят.

Прошёл мимо дежурки. На полу, лицами вниз, лежало трое здешних блюстителей закона, крепко связанных и с кляпами в пастях. Рядом с ними толпились четверо по-походному одетых мужчин.

– Туда, – указал на двери мой спаситель, а после обратился к лежащим. – Только пикните! На ремни пущу!

Я вышел на улицу и сразу, прямо на крыльце, захмелел от чистого воздуха. Вот только насладиться мне этим приятным чувством не дали, снова толкнув в спину.

– Не тупи! Вперёд!

Справа и слева от меня заскользили покидающие дом люди, последний даже за рукав ухватил, таща за собой в темноту. Пришлось ускоряться.

Мы двигались в полной тишине. Быстро, не останавливаясь, по явно знакомой моим провожатым дороге. Лунный свет иногда выхватывал куски домов, ухоженные палисадники, непонятные столбы. Я изо всех сил старался не отстать, жадно уцепившись глазом за спину впереди идущего.

Минут через десять спешного хода добрались до стены, а точнее до главных ворот, подсвеченных факелом одного из караульных. Внутри всё сжалось. Пришли... Дальше что?

Однако, против ожидания, никто на меня внимания так и не обратил. Стражник молча распахнул небольшую дверцу и мы, не сбавляя хода, вышли из города. Я оглянулся. Выпустивший нас грубо затушил горящую палку в ведре с водой, стоявшем неподалёку. Убиваемый огонь зашипел, плюнул напоследок и затих, а мужчина, прикрыв за собой дверцу, стал замыкающим.

Тоже, значит во всём этом... даже не знаю, как обозвать, участвует.

Наша группа ещё больше ускорилась, перейдя почти на бег. Куда мы направляемся? Может, рвануть в сторону, как только минует Посад перед воротами? И тут, словно прочитав мои мысли, ко мне шёпотом обратился один из неизвестных сопровождающих, полуобернувшись на ходу.

– Витя! Не дури! Фоменко приказал тебя вытащить! Сказал: «Возвращает должок». Мол, ты поймёшь. И от себя добавлю – дёрнешься в сторону – пристрелю.

В последнем я крепко сомневался. То, что мы убегаем – стало понятно окончательно. Ночь, тишина, скрытность и такая «отеческая» забота от старого хрена. Потому побоятся мои временные спутники стрелять, иначе всю округу перебудят. А вот догнать и нож в спину засадить – с них станется. Ладно, послушаюсь и в спринтера играть не буду. Не тот случай.

Стараясь не сбивать дыхание, ответил:

– Понял.

Мой ответ явно устроил этого человека и больше он ко мне не обращался.

Через час, когда казалось, что больше нет сил поддерживать этот бешенный темп, мы остановились.

– Грузись! – скомандовал кто-то и все послушно направились к чему-то непонятному, ловко укрытому под кроной разлапистого дерева. Лишь подойдя почти вплотную, я обомлел: «ГАЗель»!

Попрыгали в кузов. Там нас уже ждала другая пятёрка молчаливых, сосредоточенных людей. И тут же машина легко завелась, включила фары и, стремительно набирая скорость, понеслась в ночь.

Меня никто ни о чём не спрашивал, за руки за ноги не хватал. Словно я пустое место. Зато незнакомцы, с физически ощущаемым облегчением, наконец-то заговорили между собой.

– Как у вас?

– В норме, забрали человека (это, наверное, про меня). А у вас что?

-- Тоже нормально. Сами смотрите!

Все, как по команде, повернулись в сторону города. Повернулся и я. Сначала ничего не понял, а потом... Зарево. Не сильное, плохо видное из-за деревьев. Всполохами. Они что, город подпалили?! Там же люди, коровы! Там всё!!!

Из меня пёрли наружу слова, и я... прикусил язык. Подожгли – значит так надо было. Надеюсь, та треклятая тюрьма тоже сгорит – слишком неприветливое заведение, а местное население успеет спастись. Не в силах больше наблюдать, а, точнее, представлять разыгрывающееся в Фоминске зрелище, уставился в пол. Соседям, похоже тоже увиденное пришлось не по вкусу. Все угрюмо слушали рокот двигателя да раскачивались, тихо матерясь, когда колесо попадало в колдобину.

Ехали часа два. Водитель, петляя по одному ему известному маршруту и ухитрившись ни разу не забуксовать, наконец прибыл к незнакомому мне фортику, мрачно возвышавшемуся своим частоколом в свете неяркой Луны. Все полезли из опостылевшего кузова, с наслаждением разминая ноги. Вылез и я. Как оказалось – меня уже ждали.

– Ну здравствуй ещё раз, – поприветствовал меня Фоменко. – Видишь, я умею быть благодарным. И хоть не знаю – наврал ты мне про волков или нет, но... Я тут подумал... Лучше поверить, чем ещё один грех на шею повесить. Да и не похож ты на сказочника. Тот бы байку покрасивее наплёл...

Почему-то не удивлён. Вот даже сам не знаю – почему. А старичок от меня чего-то ждёт... Благодарности? Вряд ли. Зачем она ему? Тогда чего?

Между тем Андрей Петрович продолжил:

– Пошли к костерку. Посидим, отварчику попьём, поговорим. А утром пойдёшь куда тебе надо. Заодно и припасов тебе сообразим, и ружьишко найдём.

Действительно, неподалёку пара подчинённых Фоменко разводила огонь.

– Ты извини, что за стены не приглашаю – тесно сейчас там, – бубнил он. – Детишки спят, опять же. А мы их перебудить своими разговорами можем... Не стой, Витюша, уважь пожилого человека.

Прошли к костру. Я сел прямо на холодную землю, а вот местному властителю кто-то угодливо сложенное в несколько раз одеяло положил для удобства, чтобы болячку какую дедушка не подхватил. Над разгорающимся огоньком уже висел на треноге чайник. Кружки лежали тут же, рядом с жестяной баночкой с травами.

Фоменко сел, пара охранников принялась разводить свой костерок неподалёку. Остальные прошли в фортик.

– Тварей не боитесь? – на всякий случай уточнил я. – Ночь – их время.

– Нет таких здесь, не переживай. Не уводи от темы. Мне тебе о многом рассказать надо, Витя, – начал старик. – Не покаяться, как ты, наверное, думаешь, а именно рассказать. Чтобы ты потом услышанное в нужные уши доставил, если получится. Кому – и сам не знаю. Тут ситуация сложная... Моя цель Им, – он выделил голосом это слово так, будто дохлую мышь выплюнул, – напакостить.

Кому – им, я пока не понял. Однако слушал внимательно. Слишком непросто этот человек, чтобы зазря говорить. Опять же, если про припасы не наврал – стоит потерпеть чужую болтовню, поизображать внимание.

Покосился на охрану. Хорошо сидят, с меня глаз не сводят. Значит, лихой рывок в спасительную темноту опять отменяется. Ну а на Петровича я и сам кидаться не стану. Смысла нет.

Устроился поудобнее, изобразив на лице лёгкую заинтересованность услышанным...

– Начну издали. Так тебе понятней будет, – глядя на пляшущие языки огня, начал Фоменко. – Когда там... на выселках... волки всех вырезали, я с инфарктом слёг. Дела передал Серёже Фролову. Он хоть тип и мутный изначально, но за людей на многое готов. А мне большего и не надо. Мне тогда на всё насрать было. Так и зажили. Он рулит, а я – живой памятник прошлому и местный всеобщий дедушка. Свадьбу, там, зарегистрировать или приструнить кого по жизни...

Когда очередную зиму перебедевали, по весне соседи у нас объявились. Как раз на месте гарнизона бывшего обосновались. Был такой, на юге, помнишь? Ты ещё с их главным, как мне потом рассказали, старое знакомство имел... Я, чтобы ты знал, к тем делам с людоловами отношения вообще не имею, – счёл нужным пояснить старик, не дождавшись от меня никакой реакции на упоминание прошлых дел. – Даже людей на защиту бы дал, если бы кто предупредил. Коробовские солдатики нам нужны были, очень нужны. Как южный форпост. Ну да не суть... В общем, завелись у нас по соседству личности странные. Не пашут, не сеют, а по округе рыскают. Высматривают да выглядывают. Что едят – непонятно, но не голодают. Вреда, вроде как, от них нет, но и пользы особой тоже. Так, пару раз заглянули к нам, с Сергеем пообщались да и разошлись. Ну, думаю, пусть живут, у всех свои секреты. Тут и с Белгородом как раз торговлишка наладилась. Не поверишь, на паровозе приехали!

– Кто? – решил уточнить я.

– Людоловы, – честно ответил Фоменко. – Бензин привезли, сельхозинвентарь всякий. Да ты не зыркай! – неожиданно крикнул он мне в лицо. – Это на словах все такие умные да гордые, а людям жить надо! Тут и с чёртом задружишься... Не бери большое... Как вспомню – словно дерьма наелся.

«Получается, родня Михалыча семейный бизнес не оставила» – подумал я и как-то сами собой вспомнились здоровенная фигура моего бывшего хозяина, драка на потеху толпы, в которой я чудом победил и Зюзя с куском оторванной плоти в зубах.

– Значит любовь и дружба у вас вышли, – мне не удалось удержать вертевшееся на языке язвительное замечание.

Петрович не обиделся, а очень по-деловому согласился:

– Да. Именно так и случилось. И давай мораль в сторонку отложим, тем более что не я окончательное решение принимал. Хотя и одобрял – не скрою... Чайник закипел, разливай.

Посудина действительно вовсю плевалась паром. Я быстро насыпал заварку по кружкам, натянул рукав на ладонь, чтобы не обжечься, снял с огня чайник и разлил кипяток. Вкусно запахло травами.

Пока производил эти нехитрые манипуляции – исподволь осмотрелся. Нет, всё по-прежнему. Парочка поодаль смотрит внимательно, почти не моргая.

– В общем, жизнь понемногу стала налаживаться. Мы им – лес, продукты всякие, они нас тоже не обижали. За лето девять раз приезжали. Те, новые соседи, поезд не трогали, даже наоборот – позволили у себя угольный бункер сделать. А по осени наш товарооборот замер. В назначенный день никто не появился. Радист запросил их поселение – да, вот и проболтался, – Фоменко дробно, со старческим похрипыванием засмеялся. – Есть у нас и радиостанция старая, и ещё много чего из того, что обычно никому не показывают. Ладно, какая теперь разница? Теперь уже всё равно... Короче, не ответил никто. И тут стал я замечать странное за своим бывшим помощником. Торговля, как воздух нужная, к чертям летит, а он спокойно сидит и в ус не дует. Думаю, как так? Пошёл к Серёге, поговорил с ним.

– А он? – история стала меня занимать.

– А он очень вежливо, сам знаешь, как наш Фролов это умеет, послал меня куда подальше. Мол, сидишь на пенсии – вот и сиди, не путайся под ногами. Крепко я тогда разозлился, да поздно. Утром, после нашей беседы, он окончательно последних верных мне людей с ключевых постов посмещал и своих поставил. Обозначил, так сказать, чьи теперь в лесу шишки. Людей, рядовых горожан, слава Богу, эта тихая возня не коснулась. Думаю, никто ничего толком и не понял, кроме тех, кому под зад дали. Но слухи поползли, куда же без этого. Только он их лихо вывернул наизнанку. Собрал народ и объявил, что покупали мы всё по завышенным ценам и виновные уже наказаны. Ловко, да?

– Угу.

– Вот и я думаю – красавец! Лихо всех окрутил! А через неделю поезд тот припожаловал, как по заказу. Помимо всякого нужного добра цистерну топлива притащили! Уголь отборный, настоящий антрацит! Даже сахару несколько мешков не забыли. Только теперь это не людоловы были, а наши соседи. Да только народу какая разница?! Главное – новый начальник слово сдержал! Ну и под это дело кабак открылся. Я, признаюсь, торговлю спиртным жёстко держал. Боялся, что людишки в разнос пойдут, потому крепкое только по праздникам, да и то в меру. Гнали, мужички, конечно, самогон понемногу – куда ж без этого. Только закон действовал полезный: охрана пьяным поймает – три трудодня штрафа сходу. Повторно за месяц – десять. Боялись... А тут – кабак – вот он! С вывеской! Под запись, на трудодни, и не дорого! Естественно, все сразу за нового царя стали. И пошла плясать губерния...

Старик замолчал, переводя дыхание, и я решил высказать свои сомнения:

– Вас послушать – вы прямо ровным местом стали. Извините, но не верю. Не отдают власть – вот так, запросто.

Петрович захихикал.

– Надо было перевыборы устроить? С тайным голосованием? И помер бы дедушка внезапно

от апоплексического удара табакеркой по затылку. Случается... История массу примеров знает. Поздно. Пока я валялся – власть ушла. Насовсем. Я же тебе объяснял – сделали из меня свадебного генерала, а я от горя и не против был. Сам всё испортил, своими, – над костром показались две пятерни, продемонстрированные мне словно в доказательство, – руками. Но мысль я твою понял. Верно подметил. Я не из тех, кто вот так, просто, лапки кверху поднимает. Своих людей я смог по старой памяти попристраивать на хорошие места. И, потихоньку, начал собственные запасы создавать. Поначалу и сам не знал – зачем. Просто как хомячок, на чёрный день, таскал. Семенной фонд, топливо, оружие с патронами. Понемногу, помалу, но курочка по зёрнышку... Склады оборудовали по-тихому, мастерскую. Несколько машин восстановить удалось.

Затем осень настала и меня вежливо попросили подготовить к зиме городишко наш. Фролов ведь не хозяйственник, в отличие от меня, но мозги имеет хорошие. Понимал он, что провалит зимовку – опыта не хватит всё по уму сделать. Согласился... Почти до холодов носился, как угорелый. Только не сам, а с его подручными. Я команду – они учатся. А со стороны это выглядело как будто работает группа товарищей совещательным образом. Размазывал он мой авторитет так, и смену заодно готовил. Двоих зайцев одним ударом ухитрился Серёженька пристукнуть. Ладно, пусть его... Не для зама своего бывшего, для людей старался. Дрова, сено, ремонт коровников с птичниками, рутина всякая... Одного мха знаешь сколько нужно, чтобы все щели проконопатить?

– Нет, – честно признался я. – В деревянном зодчестве не силен.

– Много! – авторитетно заявил Фоменко и взял кружку. – А его ещё найти, собрать, подготовить нужно! И таких хлопот – эх! Воз и маленькая тележка.

Я последовал его примеру и с наслаждением отхлебнул густоватый, терпкий напиток.

– А потом?

– Началось самое интересное, – сходу подхватил мою фразу Петрович. – Гости приехали. В количестве ста тридцати душ с хвостиком. Соседи бывшие к нам перебрались. Те, непонятные. Вот тогда их впервые и увидел...

Стало совсем интересно.

– Ну! – нетерпеливо попытался подтолкнуть я рассказчика к продолжению.

Против ожидания, старик не стал отделяваться стандартной поговоркой «Не нукай, не запряг», а лишь улыбнулся. Вот только в отблесках костерка его улыбка больше всего смахивала на звериный оскал. Я аж вздрогнул.

– Военные. Матёрые. По повадкам видно. Со всем багажом прибыли. Стрелковое оружие всех мастей, миномёты, амуниция всякая, несколько грузовиков с легковушками. Меня специально на дальние хутора в тот день отправили, чтобы под ногами не крутился и вдруг чего лишнего не ляпнул по старческому слабоумию. Когда вернулся – они уже расквартировались по городу. Обратного не сыграешь... с ними очередную зиму и встретили.

Я призадумался – названное Петровичем число по нынешним меркам впечатляло. Практически армия! Но откуда? Что они ели, пока в бывшем Коробовском гарнизоне отирались? – такую ораву нахлебников прокормить сложно даже крупному поселению, а за год сельское хозяйство не наладишь. Зачем в Фоминск перебрались?

Все эти вопросы держать в себе не стал – озвучил.

– Умный... Хвалю... – как-то очень небрежно, чуть свысока, выразил своё одобрение

Фоменко. – Правильно спрашиваешь. А просто всё – Серёженька позвал. Он, поганец, оказывается, давно по своим каналам связь со всякими вооружёнными формированиями поддерживал. Комитетчики – они такие, со всеми дружить умеют. Вот и выдернул откуда-то с юга осколок армии, не перемолотой в жерновах реальности. Единомышленников себе нашёл. Надо признать – не бандиты. Дисциплина там – ого-го!

– Армия? Откуда? Я за всю дорогу ни разу про них, кроме воспоминаний, не слышал ничего!

Старик отхлебнул из кружки, пожевал губами.

– Верю, что не слышал. Я тоже думал, что они растворились среди выживших. Кормить то их стало некому, а на свой кошт брать такую прорву народу у новоявленных богатеев силёнок маловато. Проще небольшую банду из верных отморозков иметь. И дешевле. Но кое-где, оказывается, отряды служивых остались. В «диких гусей» переквалифицировались, по-простому – наёмников.

Когда с властью Фролов освоился, твёрдую почву под ногами почуял – решил свои позиции укрепить. Но в город сразу своих новых друзей не потащил – перестраховался. Подальше поселил, а заодно железную дорогу под контроль взял. И харчами он же их снабдил, да и сейчас снабжает. Изначально излишки на дрезине перевёз, пока я после инфаркта отлёживался, потом на постоянной основе харчи гонял под видом торговых операций. А те без дела не сидели. За прошлое лето, они людоловское поселение вышибли, паровоз захватили, думаю, и окрестные фортики под себя подмяли. К зиме, вот, в город перебрались.

– Но зачем? – не мог понять я.

Фоменко посмотрел на меня с жалостью, как на законченного дурачка. После вздохнул по-отчески.

– Даю подсказки. Есть, назовём для удобства, страна с неплохим потенциалом и довольно развитым производством. Форма правления – просвещённая монархия. Внешние враги в настоящий момент отсутствуют. Ресурсы приличные. Что я забыл? – внимательный взгляд, не моргая, испытующе смотрел мне в лицо.

– Армию, – со стыдом прошептал я, поражаясь собственной тупости.

– Правильно. Но если нет внешнего агрессора, то значит... – как на уроке давал закончить фразу Петрович.

– Значит государство само нападёт для расширения территории и усиления сфер влияния. Сильные пожирают слабых.

– Садись, пять! – оценил мои ответы старик. – У нас ополчение, конечно, крепкое, однако регуляров не было. Вот Серёжа их и привёл со стороны. За зиму они наших, местных мужиков кое в чём поднатаскали, с десятков недорослей даже к себе приняли.

Что-то не сходилось в описанной ситуации, и я сразу понял – что.

– А Фролов переворота не боится? Путча, как в Африке любили делать?

– Нет, – удивил меня Фоменко. – Не боится. Не исключает, конечно, такой вариант, но... нет. Он у нас многоходовочник и, думаю, к такому развитию событий давно готов. Наверняка есть чем ответить. Там дело в другом. Я общался с бойцами из «Варягов», как их у нас окрестили. Они – идейные, представляешь?! Мечтают о крепком государстве, где всё будет понятно и привычно. Кому положено – сверху, остальным – снизу. Как у нас, в России, раньше. Помнишь?

– Я с Украины.

– Один хрен, – отмахнулся Петрович. – Это для простых недоумков все вокруг враги, которые кушать не могут – так мечтают нагадить, скрепы наше всё и «можем повторить», а в том же Куршевеле или Ницце – хозяева между собой, без камер и трибун, ручкаться не гнушались при встрече, поверь. Да и детишки их в одни и те же частные школы в Англии ходили, на одних уроках сидели. Наверху всё просто. Основной смысл – место своё удержать и обезопасить, по возможности, навсегда. Ну и родню тепло пристроить. Государство – понятие растяжимое, конечно, но по сути своей – пирамида. Это как среда обитания с хищниками и дичью, что-то вроде муравейника с его королевой, солдатами и рабочими. Кто повыше – тому и шоколадней. Потому и мечтают Серёжины вояки головы удачно прислонить, чтобы как раньше всё стало. Занять место подле трона и поплёвывать вниз, на холопов. Фролов наш это вполне может им дать – очень он мне сейчас последнего президента нашего напоминать стал. И повадками, и прищуром. Власть в голову ударила, первым после Бога себя почувствовал. Новую старую элиту создаёт, прямо как по методичке – себе опору и защиту. Он их пряниками обеспечит, а они за него быдло в стойле станут держать и оберегать своё место у солнышка. Ничего нового. Сам так жил. Поверь, система крайне надёжная и обкатанная.

Только вот для таких планов жизненного пространства маловато у нас. Расширять его надо, чем они и занимаются. По весне всех «негров» махом в «граждане» обратили, в трудовых отрядах девяносто процентов под амнистию подвели и отправили весь этот новообразовавшийся табор на юг. От бывшего гарнизона до посёлка мародёров. И старших над колонистами подобрали – гнид редких. Даже не знал, что такие у нас водятся. Преданные новой власти как собаки. Куют победу заранее. Ведь крепкий тыл – половина успеха в военном деле!

И про север наши Наполеоны не забыли – тоже посматривают с аппетитом.

– Знаю, – уныло согласия я, вспоминая посёлок Ольги. – Мор разносят. Только не понимаю, как они с заразой бороться собрались? Вакцины у них вагон, что ли? Без людей от земли толку мало.

– В смысле? – вскинулся Фоменко. – Подробнее давай.

В сжатом виде изложил историю, услышанную от Ольги. Упомянул и про купцов, и про беженцев, по итогу оказавшихся одной командой.

Старик словно потух. Сгорбился, съёжился, опустил голову.

– Это не Мор, – глухо ответил он. – Это яд. Не знал, что до этого дойдёт...

– Какой яд? – не понял я.

Петрович не ответил, лишь плотнее сжал кружку в руках.

– Какой яд?! – чувствуя, что сейчас узнаю что-то страшное, сокровенное, вскричал я.

За соседним костром напряглись.

– Фролов, когда эпидемия только началась, – глухо начал старик, – входил в группу по эвакуации разного комитетского добра. Часть его, как ты понимаешь, в тогдашней неразберихе к Сергеевым рукам прилипла. В том числе и специальные яды. Он мне рассказывал как-то вечером за бутылочкой коньячку. Давно, когда мы ещё немного верили друг другу. Имелся в каждом управлении сейфик с такой пакостью на хранении. О нём мало кто знал, ещё меньше видело, а открывали совсем уж единицы. За пару лет до Мора распоряжение пришло – на местах хранилища устроить, а до этого всю эту химию централизованно держали, в спецлабораториях. Наверное, для удобства так

сделали – кого надо зачищать, не таская каждый раз эту погань по стране, или по какой иной причине. Уже не важно. В общем, у Серёженьки много чего осело. Яд, про который ты упомянул, на основе далёкой производной рицина. Изобрели после Второй Мировой для отравления питьевых источников на оккупированных территориях с учётом опыта партизанской войны. Механизм простой: люди водичку пьют и травятся. А умирать начинают через несколько дней. Насколько помню – задержка от трёх до семи суток до начала действия этой дряни. Так задумано. Чтобы все успели к колодезю сходить и на агента сразу не подумали. А если части на марше запасы пополнили? Ищи-свищи потом, почему солдатыдохнут словно мухи в хрен знает скольких километрах от заражённого источника. Симптомы как у чумы или холеры, как правило... Специально сделали, для деморализации вражеских войск... Точно не знаю, но, думаю, с Мором спутать легко. Да и как ты опознаешь точно? Те, кто симптомы эпидемии видел – уже ничего не расскажут. Никому и никогда. Срок распада – до месяца. Там кристаллы такие, плохо растворяемые. После колодезю опять нормальный.

Меня словно током ударило. Так это всё – ложь?! И смерть Ольги, и смерть Бублика – всего лишь часть чьей-то жажды власти?! А я голову ломал, почему цыганистая баба живее всех живых! Гадал, как её со спутником так спокойно пустили в город! Вот тебе, Витенька, и ответы. Как всегда – простые, но с длинным путём к истине. И, как всегда, по всей морде наотмашь.

– Суки! Суки!!! – в исступлении, смешанном с яростью, заорал я. – Какие же вы все суки!

Меня скрутили быстро подбежавшие охранники, один из них зажал заскорузлой ладонью рот.

– Не кричи, детей разбудишь, – спокойно попросил Петрович и отдал команду отпустить, увидев, что мои вопли сменились потоком слёз.

От бессилия плакал, от боли в душе. Накатило ощущение безнадеги и апатии.

– Успокоился? – не повышая голос, уточнил старик.

Я кивнул.

– Тогда дальше слушай.

Но слушать не хотелось. Хотелось знать.

– Погодите. А вы пользовались этим ядом?

– Нет, – быстро ответил Фоменко. И чуть-чуть, самую малость, отвернул голову.

Врёт – стало понятно мне. Знает, о чём говорит. Потому и описывает так уверенно. Но всего этого я вслух не сказал, сделав вид, что вполне удовлетворён услышанным.

– Интересное у нас с тобой знакомство получается, – неожиданно сменил тему теперь уже бывший хозяин города. – Как ни встретимся – дело посиделками заканчивается.

Я улыбнулся краем рта, делая вид, что оценил его попытку разрядить сложившуюся обстановку.

– Да. Только в тот раз я в отряды угодил, а в этот наоборот – вы меня освободили. Вот такой вот фортель судьбы.

– И не говори, – как показалось, в какой-то степени обрадованно, поддержал моё уточнение старик. – Жизнь – она разная. Когда задом, когда бочком, изредка передом. Вода в чайнике ещё есть?

Я поднял давно остывшую посудину, покачал из стороны в сторону. Наполовину полон. Или наполовину пуст – как посмотреть. Однако это риторическая фраза в нашем случае имела самое простое решение – на чай хватит, а дальше неважно. Подбросил пару найденных тут же веток в почти погасший костёр и водрузил чайник над разгорающимся огнём.

А местечко то подготовлено заранее. Вон, и ветки заботливо уложены, и за чаем никто не бегал? Опять меня играют втёмную?

– Дальше что было?

– Дальше? Дальше наступила весна и все зашевелились. Народ к посевной готовится, пришлые к войне.

– Войне с кем? – уточнил я.

– Да ни с кем, по большому счёту. Банальный захват территорий намечен. Даже план кампании составили за зиму, простенький и понятный. На север двинут, точнее... уже двинули. Думаю, километров на двести, не больше. Потом станут базы создавать, силы копить для дальнейшей экспансии. Рабочих, опять же, в трудовые отряды с захваченных земель, загонят. Потом по другим хуторам расселят, перемешав с местными, для ассимиляции. Тот посёлок потравленный – яркий тому пример. Видимо, крупный был. Не рискнули открыто подминать. Теперь трупы закопают, гарнизон там устроят небольшой, крестьян привезут. Заодно и дорогу под контроль возьмут, а следом и торговлишку по ней. Поверь, у них бы всё получилось, если бы не...

Я внимательно всмотрелся в старика, однако его лицо не выражало никаких эмоций. Интересно, важничает или правду говорит? Скорее правду – не зря же зарево над городом появилось после нашего отъезда. Неужели подпалил своё детище? А вот возьму да и спрошу.

– Что вы этим хотите сказать?

Петрович неопределённо хмыкнул, поёжился.

– Знаешь, я уже старый и немного по-другому смотрю на жизнь. Грехи в уме перебираю, готовлюсь к ответу... И не хочу ещё один брать на душу. Страшный. Грех бездействия. Потому, когда прознал пару недель назад от верных людей про то, что несколько групп отправились на разведку, решил помешать Серёжиным планам. Не хочу я крови, смертей, горя. Хочешь – верь, хочешь – нет, но вот так я пытаюсь хоть что-то из своей пёстрой биографии замолить. Потому и решил увести самых преданных за собой из Фоминска на юг, к людям. В Белгород, или ещё куда. Активизировал подготовку. Тихо, осмотрительно. Теперь излишки спрятать сложнее – каждое зёрнышко на счету, но ничего, справились. На эту ночь уход наметили. Баб, детишек – всех сюда перевезли заранее. Тебя забрали – догадался уже, зачем я тогда пришёл?

Ещё бы не догадаться! Кивнул.

– Спас ты себя своим рассказом, Витя. Важно мне было с тобой поговорить, узнать... Так что теперь квиты, – продолжил Фоменко. – А мы, уходя, подарочки оставили – подпалили автомастерские, гаражи с восстановленным транспортом, склады н/з и мой дом. Там теперь у них штаб с канцелярией и архивом. Дедушку во флигелёк отселили... Даже если только половина сгорит – уже победа. На пару лет, как минимум, оттянем войну. Не до сражений им станет, поверь, я нашу экономику и что на чём завязано как свои пять пальцев знаю.

– Но ведь в городе полно людей! Они при чём? Огонь ведь не выбирает, какой дом палить, а какой нет! Ему по барабану, перекинется на избы – что тогда?!

– Заварку рассыпь, – словно не слыша моей пламенной речи, произнёс старик. – Чайник выкипает!

Первым желанием стало швырнуть этот чайник вместе с его содержимым в лицо, но я сдержался. Выплеснул остатки из кружек в предрассветные сумерки и заварил напиток по-новой. Фоменко молчал, наблюдая за моими действиями.

– Вася! – позвал он охранника. – Дай куртку какую-нибудь. Озяб я.

Получив требуемое (мужчина просто снял верхнюю одежду с себя и передал старику), Петрович накинул её на плечи и наконец-то обратился ко мне:

– Пей горячее, трясёшься весь.

И только тогда я обратил внимание на то, что жутко замёрз. Схватил кружку, обжигаясь, выпил до половины. Приятное тепло потекло по телу.

– Люди, говоришь? Х-хе... Ничего с ними не случится. Я учения по противопожарной обороне постоянно проводил, доводя навыки до совершенства. Город-то деревянный, а значит пожароопасность высшей категории. Если последние мозги не пропили – дома защитят. Не переживай, разве что пару крыш слегка прихватит, да и то по мелочи. И переходим к самому главному...

Задумчиво уставившись на огонь, Фоменко сделал несколько глотков отвара, выдыхая в ночную прохладу облачка пара.

– К главному, – повторил он. – Я тебе зачем всё это рассказал?! Ты уйдёшь отсюда, думаю, как можно дальше, если не полный идиот. Вот и расскажи всем встречным, какая тут камарилья обосновалась. Предупреди! Нагадь им! Да, мелкогато получается, ну хоть так! Как рассветёт, я тебе, как обещал, выдам того-сего, потом вывезем подальше, извини, с завязанными глазами, и сами уедем. Не по пути нам с этими милитаристами, – Петрович сплюнул в костёр. – Не по пути... Вопросы есть?

– Есть, – честно признался я. – И много.

– Задавай, – буднично согласился старик. – Отвечу.

С чего начать? В голове проносилась уйма мыслей и ни одна не хотела задерживаться. Эх, мне бы обдумать услышанное, по полочкам разложить, да кто же мне даст столько времени? Ладно, начну с простого, а там слово за слово...

– Почему Фролов раньше вас не скинул? Зачем терпел? Нелогично как-то.

– Не знал, что такое власть, – совершенно серьёзно ответил Фоменко. – Он ведь никогда первым не был. Да, чины и подчинённых имел, но первым – никогда. До определённого момента его всё устраивало. Город развивался, он свою паучью работу делал, чувствовал себя на своём месте, нужным. Я его именно потому преемником и сделал – за адекватность и управляемость. Думал обучить правильно... Но ошибся, не просчитал. Когда он только попробовал повелевать по-настоящему – во вкус вошёл сразу, с вершин вниз глянул. Скажу избито, но точно: «Власть – самый сильный наркотик». К ней привыкаешь, начинаешь мыслить глобально, считаешь себя избранным. Нет человека, который об этом не мечтает. Просто одни дозу не увеличивают, а другие меры не знают. Ещё что?

– Какие подлЯнки от прибывших вояк можно ждАть?

Этот вопрос Петровича озадачил. Он долго жевал губами, обдумывая ответ.

– Сложно сказать. Скорее всего, перережут все торговые пути на юг, до каких дотянутся. Попытаются замкнуть товарооборот на себе. Численное увеличение армии, естественно. Введение трудовой повинности, обесценивание трудодня как денежной единицы, лозунги и лекции на тему «мы в кольце врага»; возможно, попытаются выпустить местные деньги. Но это вряд ли. Слишком опасный ход. Я на него так и не решился. И мелкие локальные конфликты в стратегических точках, само собой. По всей науке. Такие, чтобы люди новую власть за счастье принимали.

– Перегибаете вы. Сами же говорили – кабак на всю катушку работает. Какая среди спивающегося народа трудовая повинность?

– Кабак и закрыть можно, а за пьянку в трудовые лагеря отправлять без суда и следствия. Это временная мера, так, люмпен порадовать. Поверь, по нужде гайки закрутят, а как обосновать – найдут. Сначала на три оборота, до визга, потом слегка ослабят. Так, на полшишечки. И все будут счастливы. И все поверят в заботу о народе и в то, что Серёженька ночей не спит, о Фоминске думает. А на крайний случай, найти пару злых бояр и для удовольствия публики повесить всегда можно. Вот так.

– Ну... допустим. А кто командир у этих «солдат удачи»?

– Майор бывший. Жёсткий мужик. Из таких гвозди ковать можно. Но тоже – первый лишь по необходимости. Ему жизнь с приказом сверху... понятнее, что ли. Этаким батяня-комбат. Да! Именно так! Слуга царю – отец солдатам. Вот он себе царя и нашёл. Хорош триндеть! – в который раз за эту ночь сменил тему Фоменко. Светает уже. Пошли в форт, получишь обещанное да поедешь.

Он, кряхтя и опираясь на свою палку, встал и на негнущихся, явно затёкших от долгого сидения, ногах, побрёл к теперь уже видимым воротам. Охрана тоже встала.

Я, наконец-то, осмотрелся. Мы находились на окраине бывшего сада, уходящего правильными рядами деревьев вдаль. Перед ним простиралось поросшее свежей весенней травой поле с еле заметными следами колеи. Из-за горизонта медленно, величаво выползло Солнце. Красиво...

– Ты идёшь? – сварливый окрик вернул меня в этот мир, не дав насладиться зрелищем.

Не став отвечать, покорно затрусил за всеми, мимо припаркованной на ночь ГАЗели. Вот и фортик. Маленький, с высоким – метра в три с половиной, округлым, без прямых углов частоколом, с вышкой, на которой расположился кто-то худой, вертлявый. Крыш домов почти не видно.

Вошли в ворота, где нас встретил вооружённый, бородатый мужик средних лет и пара незнакомцев, стоящих на помосте, идущем вдоль всего частоккола. Один из них кивнул в мою сторону. Петрович ему ответил:

– Наш человек, в некотором роде. Там ему должны были припас собрать и ружьишко спроворить. Готово?

Вопрошавший, по-прежнему не говоря ни слова, прыгнул на землю, совершенно не обратив внимания на добротные ступеньки, расположенные поблизости, и побежал в неприметный сарайчик.

Ворота захлопнулись. Бородатый, кряхтя, с натугой, приладил запорный брус. Мышеловка...

Прыгун вернулся сразу. В одной руке он держал вещмешок, в другой двустволку. Замер.

– Чего ждёшь? – недовольно рыкнул Фоменко. – Отдавай, не бойся.

Только тогда оружие и припасы перекочевали в мои руки. Стало легче... Открывать заплечник не стал, потом посмотрю. Всё равно, больше чем дали – не выцыганю. Однако спросил:

– А карта и бинокль лишние у вас не найдутся?

Петрович поморщился. Видимо, по своей барской привычке он по-прежнему ждал так и не высказанные мною слова благодарности, а не новых хотелок. Ну извини, старичок, что наглею. Мне по-другому никак.

– Карта должна в сидоре лежать, – не скрывая недовольства, буркнул он. – А оптики нет. Перебьёшься как-нибудь.

Ну нет и нет – выбирать особо не приходится. А за план земель окрестных спасибо. Не выдержав, распустил завязки суконной торбы, наскоро покопался, не забыв, впрочем, отметить патроны и что-то вкусное, завернутое в чистую холстину, и достал самое ценное, в моём аховом положении, сокровище – обычный печатный лист примерно формата А2 из плохой бумаги. Ничего, мне и такого хватит.

Наблюдавший за моими действиями Фоменко, чуть усмехнувшись, уточнил:

– Когда вывезут отсюда, так и быть, покажет тебе водила точку для привязки, чтобы сдуру не забрёл, куда не надо. Эй! Где он, кстати?

Снова тот же неразговорчивый мужик побежал в сарай, однако вернулся не сам, а с другим, заспанным дядькой лет пятидесяти.

– Бери чего пожрать на троих и отвези его, – кивок в мою сторону, – куда говорили. После покажешь ему на карте то место. Затем назад. Выезжать скоро. И про глаза не забудьте! Вдруг в плен ухитрится попасть – разболтает ещё...

– Угу, – невнятно бросил не до конца проснувшийся водитель и дисциплинированно направился к воротам.

Фоменко повернулся к лишившемуся по его воле куртки охраннику, вернул ему одежду и скомандовал:

– С ними поедешь. Потом отоспишься, в дороге. Сейчас некогда. Сбегай за харчами.

Вася недовольно, но не посмев открыть рот, направился вглубь фортика, а я, наконец, осмотрелся. Тесно здесь. Несколько изб, три грузовичка, прямо на улице разные ящики, мешки, свёртки, бочки. Всё подготовлено к быстрой загрузке, а часть уже покоилась в кузовах. Ни огородов, ни палисадников. Внешние стены почти впритык к жилью стоят. Максимум на пару-тройку семей поселение, а их тут втиснуто...

Пока глазел, посланец на кухню успел вернуться с небольшой котомкой в руках и теперь тихо топтался рядом, не решаясь заговорить. Да, в строгости тут Петрович всех держит, словно собачек в цирке.

– Езжайте, чего стоять, – неожиданно сухо попрощался со мной Фоменко, а после развернулся и заковылял в сторону жилых домов, походя отдавая приказы:

– Будите всех. Полчаса на сборы и погрузку. Завтрак в дороге...

– Пошли, – тронул меня за плечо Василий. – Некогда...

Выйдя за пределы фортика, почти сразу упёрлись в уже знакомую «ГАЗель». Хмурый, заспанный водитель, положив руки с локтями на руль, недовольно посматривал исподлобья вперёд, поигрывая зажатой в зубах травинкой. Заметив нас, он несколько оживился. Завёл двигатель, сплюнул в открытое окно автомобиля и скомандовал, плохо скрывая нетерпение:

– Садитесь.

Я взялся за ручку двери и, распахнув её до максимума, стал прикидывать, как половчее разместиться в салоне со своим барахлом. Сидор – понятно, на колени. А ружьё? Прикладом в пол, стволом вверх? Похоже, только так... Хорошо, что оно у меня не заряжено. Не придётся суетливо, впопыхах, копошиться, извлекая патроны. Безопасность превыше всего!

Примерившись, собрался уж было расположиться со вкусом на протёртом, с торчащими серыми кусками поролона, сиденье, как вдруг за спиной раздалось:

– Повернись, – потребовал провожатый, извлекая из кармана штанов ленту плотной, наскоро обрезанной ткани тёмно-красного цвета.

Пришлось повиноваться. Охранник, на всякий случай, не поленился в приступе бдительности внимательно оглядеть мою тушку, довольно грубо ощупал все подозрительные, по его мнению, места и только тогда протянул тряпку мне.

– Глаз завяжи. Потуже. И давай без фокусов.

Глаза так глаза, да хоть рот! Лишь бы убраться отсюда подальше. Дедушка Фоменко и передумать может. У него, как у хорошего шулера, без сомнения, полные карманы козырных тузов и в любой игре исключительно свои, под него заточенные, правила, меняющиеся беспрерывно в угоду ситуации.

Послушно пристроил полученную холстину на глаз, потом, подумав, закрыл и пустую глазницу. Для симметрии, ну, и чтобы не бесить сопровождающих своеволием. Честно, довольно туго, завязал её на два узла на затылке. Мир практически исчез, оставив от себя только маленький кусочек света, пробивавшийся у переносицы в щёлочку между кожей и неплотно прилегающей в том месте лентой.

Провожатый снова подал голос:

– Садись.

На ощупь влез, неуклюже цепляясь за всевозможные выступы, абсолютно незаметные зрячему человеку. Усевшись, поёрзал, устраиваясь поудобнее и размещая своё барахло. Сбоку толкнуло, сначала в ногу, потом в плечо.

– Подвинься. Не на диване.

Это охранник отвоёвывал себе немного комфорта. Скрипуче взобравшись, он поворочался, подвигал локтями, принимая максимально удобную для поездки позу, шмыгнул носом.

– Поехали! – громко, чуть ли не в ухо, рявкнул сопровождающий, захлопывая с железным грохотом дверь.

Интересно, зачем так кричать? Или у меня из-за временной слепоты слух обострился?

Внезапно левое бедро ощутило скользкий, но увесистый, тычок кулака, водила негромко ругнулся. Понятно. Слишком широко ноги раскорячил, мешаю скорости переключать. Пришлось неудобно, вплотную сдвинуть колени. Ничего, потерплю...

Коробка передач скрежетнула, под капотом слабо засвистел прослабленный ремень генератора и автомобиль тронулся, тряско, с подвыванием набирая скорость.

Вот только уехали мы не далеко. И двух минут не прошло, как машина резко повернула, заваливая меня вправо, прямо на охранника. Мы стукнулись головами, губы ощутили его колючую щеку, мазнув по ней, словно в лёгком поцелуе, руки, непроизвольно выпустив ружьё, стали искать, за что ухватиться.

Тряхнуло. Жёстко, аж зубы лязгнули. Потом снова, окончательно дезориентируя и ещё сильнее, до неприличия, вжимая в соседа. Тот хрипло заорал, но не мне:

– Гони! Гони-и-и!!!

Двигатель ревел, ГАЗельку шатало, словно пьяную, водитель во всё горло матерился.

Машину жёстко подбросило, повело, дёрнуло. Тело бросило вперёд, лицо больно встретилось с лобовым стеклом, по уху зацепило что-то железное, в носу стало обжигающе – горячо. Скулу ломило... Да что происходит?!

Я замотал головой, пытаюсь осмотреться: чернота. И только тогда до меня дошло – повязка! Из-за всей творящейся кутерьмы я напрочь забыл про ленту поперёк собственной морды!

Схватил плотно облегающую череп ткань, рванул, не особо нежничая, вверх. Пошёл он, тот Петрович, со своими указаниями! Его мнение в этот момент интересовало меня меньше всего.

Тряпка с треском, цепляясь, словно живая, за брови и волосы, поддалась, освобождая моё единственное око.

Но разобраться в ситуации я не успел. Удар... Снова мордой об стекло... ГАЗель остановилась. Справа нутряно хекнул охранник, уткнувшись лбом в приборную панель.

– Ходу! – по поросячьи завизжал водила и, истерично уцепившись обеими руками за дверь, стал с силой, кривя лицо в бешеной гримасе, дёргать её.

– Ручка! – заорал я, понимая, что ситуация складывается нештатная.

– А?! Что? – белыми, сумасшедшими глазами уставился в моё лицо водила. Даже занятие своё на мгновение прекратил.

-- Ручка! – его возбуждение передалось и мне, потому второй раз ответил идущим прямо из живота звериным рёвом. – Вон! – попытался указать пальцем на пластиковую фиговину на обшивке.

Руки тряслись, вместо уверенного жеста получилась пляска святого Вита. Однако мужик понял. Не теряя ни секунды, он вцепился в ни в чём неповинный крючок, рванул на себя, и надавив всем телом на дверь, вывалился наружу.

Я, впопыхах цепляясь за всё на свете, полез за ним, прыгнуть рыбкой из-за тесноты не получилось.

Выскакивая из салона, чуть не повалил водителя, лихорадочно шарящего рукой под своим сиденьем. Отбежал на несколько метров в сторону, перевёл дух и только сейчас заметил, что обеими руками прижимаю к себе, словно новорожденного, вещмешок. Нервное...

Ружьё бросать нельзя. Без ружья я словно голый. Кинулся обратно, чудом не зацепив

еле успевшего отскочить, зажавшего цевьё калаша-огрызка мужика.

Двустволка валялась на полу, словно сама просила: «Забери меня». Схватил, отскочил подальше, забросил ремень добычи на плечо, глянул в салон. Там шевелился, пытаюсь прийти в себя, охранник. Похоже, его сильно приложило о стойку – вон, голова повыше брови липкая, волосы сосульками, всё стекло измазано кровью.

В горячке оббегать к другой, пассажирской двери не стал. Попросту, подбежав, схватил раненого за воротник и потянул безвольное, трепыхающееся тело на себя. Водитель помогал, неловко, одной, свободной рукой стараясь протиснуться между мной и кабиной. Автомат он так и не бросил.

Кое-как выволокли, без стеснения уронив бедолагу на землю. Тот лишь глухо замычал, заелозил ногами по земле, оставляя борозды подбитыми железом каблуками.

– Оставь, уходим, – обречённо, с хрипотцой бросил стоящий рядом человек. – Не успеем дотащить. Может, и не заметят...

– Кого не заметят? – не понял я.

– Нас. Валить надо. Обратно.

Пытаюсь осмыслить услышанное, наконец-то осмотрелся. Мы стояли на пригорке. Машина, направленная обратно, в сторону фортика, выплёвывала пар из разбитого радиатора своей тупорылой мордой упёрлась в дерево, растущее метрах в пяти от дороги. Капот смят, стекло лопнуло, кузов завалился слегка набок. Проведя взглядом мысленную черту к древнему, в выбоинах, асфальту – понял причину такой бешеной тряски. Кювет. Не чищенный, напрочь, до невидимости, поросший молодой травой. Похоже, именно в него и угодила ГАЗелька, при развороте. Так, с причиной тряски разобрались. А авария с какой радости?

Об этом я честно спросил у тяжело дышащего водителя.

– Ты как в дерево угодил?

– Запаниковал, – неожиданно легко признался он, медленно проводя ладонью по лицу и сгоняя выступивший пот. – Вся жизнь за рулём, а запаниковал.

Мне неожиданно, до одури, захотелось повторить его очищающий жест. Физиономия прямо чесалась от проступившей солёной влаги, немного пекло в ушибленных местах. Не став себе отказывать, поступил аналогично, и сразу об этом пожалел. Больно... не пот – кровь растирал из разбитого носа и, похоже, из губы. Сплюнул. Ну точно – слюна тоже красная. Прислушался к себе – вроде нормально. Голова гудит в пределах терпимого, носом кое-как дышу.

От фортика мы отъехали недалеко, километра полтора, от силы. Оттуда к нам уже бежали люди, тревожно, неразборчиво из-за расстояния, крича и размахивая руками. Водитель им тоже махнул. Широко, ладонью от себя.

И побежал им на встречу, ничего так и не объяснив. Я припустил следом, зажав заплечник в одной, а ружьё в другой руке – так сподручнее. А что оставалось делать? Вокруг поля – спрятаться шансов крайне мало. Деревья только вдоль дороги, сад – так вообще, позади посёлка. В конце концов, моей вины в случившемся нет никакой. К тому же, не стал бы на ровном месте мужик своевольничать и вверенный транспорт уродовать – Петрович подчинённых подбирать умеет. Видимо, причины есть.

На раненого ни водила, ни я так и не посмотрели. Каждый сам за себя, так что извини... Чем мог – помог.

Нагнать бегущего получилось быстро. Сказались и разница в возрасте, телосложение, и мой непоседливый образ жизни. Поравнявшись, задерживаться из непонятной солидарности не стал. Помочь всё равно ничем не смогу, а тупить в запутанных ситуациях – себе дороже. Наоборот, постарался припустить ещё сильнее, с гаденьким удовлетворением ощущая спиной его тяжёлое, надсадное дыхание, слоноподобный топот и затихание всей этой какофонии с каждым шагом.

Глядя на нас, люди остановились, недоумённо переглядываясь между собой. Однако, вкочлененный последним десятилетием опыт быстро взял своё. На меня ощерились ружейные стволы. Никто пока не стрелял, но так я ещё и не добежал.

Топот за спиной совсем стих...

– Не стреляйте! Не стреляйте! – издали, почти на пределе нормальной слышимости, заверещал я, ухитрившись, не сбавляя темпа, растопырить руки в стороны, демонстрируя свою безопасность для окружающих. – Не стреляйте...

Не выстрелили. Дали добежать.

Когда до местных оставалось метров сто, один из них, ничем не примечательный мужичонка в ватной безрукавке поверх лёгкого свитера, брезентовых штанах и коротких, гармошкой, сапогах, громко скомандовал:

– Падай. Поглядим, что ты за птица...

К нему сразу подскочил другой и что-то негромко проговорил. Что именно – расслышать не удалось из-за сбитого криком, рваного дыхания, тумана в голове, рвущегося наружу, бухающего кузнечным прессом, сердца в моей груди.

Приказ я выполнил, сразу сбежав с дороги и, со всего маха, рухнув в траву прямо разбитой физиономией, с наслаждением вытягивая гудящие от усталости ноги. Вжался, попытавшись по привычке слиться с набухшей жизнью, словно беременная баба, землёй. Замер, ожидая неизвестно чего.

Мимо, по старому асфальту, прогрохотали грузные шаги...

– За ворота! За ворота! Одноглазый, чего разлётся?! За ворота! – сбивчиво, тонко завизжал догнавший меня водитель. – Едут!

– Да кто едет? – выкрикнули откуда-то спереди. – Поясни?

– Фоминские!..

Тут уж я не выдержал. Все предыдущие неурядицы с аварией, с несвязными воплями водилы, сложились в стройную картину грядущего, неминуемого песка. Мысленно плюнув на команды неведомого мне мужичка и про себя молясь, чтобы никто, слишком рьяный, не пальнул от избытка чувств, ошпаренным котом вскочил с такой приятной, мягкой, пахучей травы и бросился к людям.

Расчёт оказался верным – дураков и супергероев среди местных не нашлось. Все, вразной, неслись обратно, в форт, стремясь укрыться за высоким, надёжным частоколом. Насилу догнал. Препятствовать на входе мне в сутолоке и спешке не стали, запустив в ворота наравне с остальными.

Заскрипели створки, ухнул здоровенный брус-засов.

Всё! Успел...

Расходиться никто не спешил. Сгрудились тут же, теребя донельзя запыхавшегося, с

выпученными от возбуждения глазами, водилу. Бедолага, тряся красным, покрытым пурпурными пятнами, лицом размахивал руками, указывая на стену. Автомата при нём не было. Видимо, потерял, обеспамятев от этой гонки. Меня любопытствующие оттерли в сторону.

– Это... это... – выдыхал он, прижав правую ладонь к области сердца. – Грузовики... Там...

Люди наперебой гомонили, всем хотелось подробностей.

– Где?..

– С чего ты взял?

– А чего вас только двое?

Сумбур и бестолковую сутолоку мигом пресёк Фоменко, приковылявший в сопровождении пары вооружённых дядек из глубины фортика.

– Какие грузовики?! – громко, уверенно, с полным осознанием власти в голосе, потребовал объяснений старик.

Все разом затихли, признавая его право узнать новости первым.

– Там... там... – водитель согнулся пополам, уперев ладони в колени, и стал посекундно сплёвывать на утопанную, серую землю комки тягучей, мутной слюны.

Петрович, не став дожидаться, пока он придёт в себя, резко, не выискивая никого глазами в толпе, начал раздавать указания:

– Всем свободным вернуться к погрузке. Дозорные! На стену! И смотрите мне в оба! В график не укладываемся, мать вашу...

Народ рассосался на глазах. Мужчины бросились резво забрасывать всевозможные тюки и коробки в подготовленные к выезду автомобили, на помосте вдоль частокола забежали, занимая штатные места. Я остался на своём месте, не понимая, что делать в этой ситуации.

Тем временем заговорил мой попутчик. Сбивчиво, перемежая слова глубокими вдохами...

-Фоминские сюда едут... Видел два грузовика... Как на горку поднялись, так их и заметил... через ручей помост ладили... у них ЗИЛы, наш мостик не выдержит...

Глаза старика нехорошо, колюче сощурились, стоявшие рядом охранники напряглись, да и все вокруг замерли, боясь упустить хоть слово. А водила продолжал:

– Хотел развернуться, да в кювет угодил... После в дерево... Выехать пытался...

– Женька где? – нетерпеливо перебил Фоменко (мой охранник – догадался я. Про него спрашивает).

– Там остался... – внятно, без малейшей тени вины в голосе ответил мужчина. Ему определённо полегчало. Он кое-как, морщась, выпрямился, но глаз от земли оторвать не посмел. – Башкой его приложило сильно. Неходячий.

– Это правда?

– Да... Клянусь...

– Не тебя спрашиваю. Виктор!

Услышав своё имя, я не сразу понял, что Петрович обращается ко мне. Вздрыгнул, но не растерялся.

– Правда. Вместе вытаскивали из салона. Неконтактный, – с чистым сердцем подтвердил я слова водилы. – Не дотащили бы быстро.

– Понятно... – прошипел бывший городской владыка и медленно, по-стариковски переваливаясь, помогая себе тростью, стал забираться на помост, чтобы самому взглянуть на неожиданных гостей. Его провожали настороженные, полные тоски, глаза задействованных на погрузке людей. Никто уже не работал, ожидая развития событий.

Поднявшись, Петрович грудью прижался к брёвнам и, упёршись для удобства в них руками, молча, взгляделся в даль. И только напряжённая, согнутая спина слегка выдавала его волнение.

– Едут! Едут!.. – истошно завопили чей-то молодой голос сверху. – Едут!

Люди зашумели. Мужчины суетливо похватили прислонённые к бортам машин ружья, замелькали вставляемые в них патроны; женщины беспомощно, дёргано, разноголосно подвывая, жались к мужьям. Где-то, за ворохами не погруженного имущества, заплакал ребёнок.

Все ждали слова. Ждали, что человек, за которым они не побоялись пойти, меняя спокойную, оседлую жизнь на туманное, малоперспективное будущее, сейчас покажет свою несокрушимую волю, подтверждая их и без того непростой выбор.

Запахло страхом...

И Фоменко не подкачал. Каким бы уродом он не был – но лидерских качеств, вынужден признаться, у него не отнять. Не поворачиваясь, старик спокойно, без капли паники, поинтересовался.

– Сколько их? Не вижу, и очки позабыл...

Всё тот же, молодой голос сбивчиво доложил:

– Два грузовика и внедорожник. Тот, на котором вы ездили... Сейчас у ГАЗельки стоят, смотрят.

– Ну, это ничего... Мы тоже не вчера от сиськи оторванные. Верно?

Народ взревел. Единым порывом, грозно, монолитно, ощерившись в небо стволами ружей и автоматов.

Дальше я спокойно стоять не смог. Страшила неизвестность, страшило непонимание происходящего, до дрожи в коленях пугало ощущение собственной беспомощности. Не хотелось вот так, словно телок на бойне, ждать своего часа, по дурному уповая на милость окружающих. Да и вопль этот лишний раз напомнил, хлестнув наотмашь: Я – не с ними! Они – не со мной!

Ноги сами понесли к деревянной, скрипучей лесенке. Руки машинально забросили сидор за спину, инстинктивно, на автомате, попав в его лямки; двустволка, сама собой, удобно угнездилась в ладонях, даря своей прохладой так нужную мне сейчас, пусть и мнимую, уверенность в себе.

Заскрипели под сапогами ступени, сдавленно стукнул зацепившийся за поручень приклад.

Никто меня останавливать не стал – не знаю, почему. Видимо, всему виной всеобщая растерянность и давящая неизвестность, захватившие фортик.

Ни Фоменко, ни охранники даже не обернулись в мою сторону. Их внимание полностью поглотило происходящее за стеной.

Сделал несколько шагов в сторону от лестницы, приник к щели между двумя заточенными концами брёвен и жадно, ощущая внутри зарождающиеся ростки липкого, круто замешанного на первобытных инстинктах, страха, выглянул наружу.

И ничего сверхъестественного, способного напрочь поразить разум, не увидел.

Вдали, у брошенной газели, расположились два тентованных ЗИЛа, казавшихся игрушечными из-за расстояния. Около них, без опаски, стояло четверо людей в обычной, не военной, одежде. Они явно о чём-то говорили, изредка указывая руками в сторону посёлка. Внедорожника я не заметил. Наверное, сзади припарковался.

– Ребятюшки, на стену идите, – оторвал меня от созерцания мягкий, человеческий голос Петровича. Не приказывал – просил.

И люди откликнулись нестройными выкриками, множеством каблуков, впечатываемых в уличную пыль и спешащих занять своё место на помосте. Каждый стремился успеть, толкая соседа в бок или в спину.

Взбежав, мужчины рассыпались вправо и влево, отработанно занимая свои места и вжимались в брёвна, пропуская остальных. Красиво действовали, отлаженно. Явно не один и не два раза учения проводили. Теперь вот пригодилась наука.

Не отставали и женщины. Вверх они не лезли, зато, как по мановению волшебной палочки, вдоль частокола появились несколько длинных, гладко оструганных столов, на которых в спешке расставлялись всякие баночки, коробочки. Отдельно укладывался перевязочный материал.

Оставалось лишь порадоваться такой продуманности, да только некогда глупостями заниматься. А вдруг фоминские за мной едут? Чем чёрт не шутит? Маловероятно, конечно, не та я фигура, ради которой нужно драгоценное топливо палить. Но проверить не хотелось. Да и в героя играть тянуло не особо – не мои разборки.

Потому я, сделав крайне озабоченное лицо, попытался вклиниться между двумя пробирающимися вдоль частокола мужиками. Пройду сколько получится и спрыгну, где потише. А там посмотрим. Может, калиточку какую найду и смоюсь. В конце концов, старик именно этого и хотел – избавиться от меня. Так зачем человеку глаза мозолить?

– Витюша, подожди, – ушатов ледяной воды окатило меня со спины. – Куда ты, голубь, собрался?

Заметил, сморчок... Пришлось разворачиваться, чудом не свалив спешащего за мной мужика. Натянул бодрюю улыбку.

– Не скалься, – бросил Петрович, с отвращением посматривая на моё перемазанное подсохшей кровью лицо. – Собрался куда, спрашиваю?

Люди на ступеньках остановились, охрана напряглась, ожидая команды. Все смотрели на меня.

– Да куда куда особо... – выдал я первое, что пришло в голову.

Фоменко понимающе ухмыльнулся.

– Здесь «никуда» тоже вполне приличное. Тут стой. Мне так спокойнее. И ружьишко отдай. Не бойся, не обидят.

Ответить не успел. Сильные, цепкие руки одного из охранников буквально вырвали у меня двустволку.

– Не обижайся, Витюша, – продолжил старик. – В деле я тебя не видел, мало ли, дурость какую сотворишь. Разбирайся потом... А чтобы не чувствовал себя лишним – песни пой, хе-хе... патриотичные. Вдохновляй народ на ратный подвиг.

Кто бы знал, как мне хотелось плюнуть ему в лицо... Гнида! Гнида! Гнида!!! Не сдержавшись, со всей мочи ударил кулаком в плохо очищенное бревно частокола, выпуская ярость. Не помогло. Только костяшки о кору ободрал.

Облизал выступившую кровь, зажмурился, сделав несколько глубоких, успокаивающих вдохов.

– Может его связать? От греха... – с сомнением предложил отобравший у меня ружьё охранник. – Бешенный он какой-то...

– Едут! – крикнул кто-то и Фоменко разом про меня позабыл, переключив внимание на грузовики.

Не получив ответа, мужик зло зыркнул в мою сторону, ругнулся в нос и тоже стал смотреть за оградой.

Выглянул и я, мстительно прикидывая, как с наибольшим вредом для здоровья сбросить вниз этого инициативного умника, когда буду возвращать оружие.

ЗИЛы пришли в движение. Первый медленно, валко, по очереди въезжая колёсами в знакомый кювет, съехал с дороги вправо, протиснулся в прогалину между деревьев у обочины и осторожно, чуть подпрыгивая на кочках, принялся огибать посёлок по дуге.

Из второго вылезли люди. Человек десять – двенадцать, сходу не разобрать. Большая часть рассыпалась цепью перед машиной по укромным местам, обустроивая позиции. И только двое остались на виду. Они суетились у кузова, выволакивая что-то неудобное, продолговатое, тёмное. Закончив свою возню, один из них хлопнул ладонью по кабине и грузовик задним ходом скрылся за пригорком.

– Что там? – требовательно заорал Петрович, не отрывая взгляда.

– Не пойму! – ответили ему. – собирают что-то... Ух ё... миномёт!

Не знаю, кому как – а мне жутко захотелось в кустики, по большому. Сжав зубы, еле справился с этим, почти непреодолимым, желанием. Всё одно не отпустят, а позориться не хочу. И похоже, не я один такой. Мужики на помосте запереглядывались, занервничали, зашмыгали носами. Кое у кого задрожали руки.

И ничего в этом постыдного я не увидел. Они – люди, обычные люди. С мирными профессиями, с поллитровкой по пятницам после работы, со своими слабостями и болячками, а не профессиональные «псы войны». К тому же за спиной у них – семьи. А это самый страшный поводок – и не бросишь, и не убежишь, и страшно за них больше чем за себя. Понимаю...

Первый ЗИЛок, пока мы все соображали, что к чему, успел закончить свой путь,

остановившись на довольно значительном расстоянии от фортика. Из него тоже посыпались люди, копируя предшественников в своих действиях.

Я его почти не видел, ориентируясь лишь по выкрикам наблюдателя.

– Стали... Рассыпались... И у них тоже миномёт!

Мозг лихорадочно заработал, переваривая увиденное. Если от посёлка провести воображаемые прямые к машинам, то получится угол в девяносто градусов (погрешность небольшая). Значит, мёртвая зона, учитывая некоторую округлость формы частокола, может быть только сзади, градусов на сорок левее оси. На машине не прорвёшься – сразу увидят, а одиночка попробовать может, на собственный страх и риск. Там как раз неподалёку сад начинается... туда и убегу. Стрелки далеко, не достанут... Только момент улучшу, махну через заграждение и... идите вы все по известному адресу!

А потом к Зюзе.

От мыслей про непоседливую, ушастую даму на душе потеплело. Захотелось её обнять, потрепать по гладкой, чёрной холке, ощутить прикосновение холодного, влажного носа к своей щеке. Так и будет, но потом. «Потерпи, моя хорошая, – словно она могла меня услышать, про себя обратился я к разумной. – Я скоро».

Вспомнилась и Рося, следом независимая, себе на уме, Мурка, а потом, сам собой, напомнил о себе мудрый Бублик.

В спину толкнуло, в ухе раздалось:

– Только дёрнись – прибью.

Медленно, стараясь не делать резких движений, обернулся. Охранник. Тот самый, ретивый... Стоял почти вплотную и глаза у него... нехорошие такие, многообещающие... Чего ты ко мне привязался? Что я тебе сделал? Вас сейчас минами утюжить, похоже, начнут вдоль и поперёк, а ты перед боссом красуешься, кретин.

Перевёл взгляд на Петровича – не человек, комок оголённых нервов. Замер, смотрит, не отворачиваясь, почти не моргая. Лицо неподвижно, лишь желваки поигрывают. Руки, тело – застыли, будто неживые. Боится старый хрыч, боится. Только не за себя, за людей. Не может быть в перепуганном за свою жизнь человеке столько воли, злости, внутренней силы. Вот интересно, как в одном теле уживаются две противоположности: мразь, каких поискать и откровенный лидер, способный вести народ за собой? Не знаю. Наверное, никогда этого не пойму.

Стоящий за спиной снова напомнил о себе, дыша чем-то кислым, едким.

– Ты понял?!

– Понял...

Перевёл взгляд на других защитников фортика. Мужики стояли ровно, угрюмо, зажав в натруженных руках оружие и изредка, мельком, точно стесняясь, поглядывали на своего предводителя. Им тоже страшно, но держатся.

И в этот момент я их зауважал. Не до преклонения – с этим бы вышел откровенный перебор. Просто, по мужски. Все всё понимают, готовятся внутри себя к неизбежному, втайне веря в чудо.

Словно гром среди ясного неба заскрипели ступени лестницы, заставив вздрогнуть. Обернулись как по команде. На помост сторожко, точно боясь поломать прочное дерево,

поднимался здоровенный парень лет двадцати семи с ручным пулемётом на плече. Ощувив на себе тревожные взгляды товарищей, он смутился и густым, великаньим басом прогудел, обращаясь к Фоменко:

– Петрович! Я это... припоздал чутка. Куда становиться?

Старик, чуть улыбнувшись, ласково кивнул здоровиле, указав рукой подле себя.

– Пока тут стой, Тёмочка. После посмотрим.

Охранник подвинулся, потянув за собой и меня. Пулемётчик, по медвежьей ворочаясь, занял указанное место и, с интересом глянув вдаль, уточнил:

– Все или ещё будут?

Ответил второй, не занятый моей особой, охранник.

– Тут бы с этими разобраться...

– Ну, пусть так, – ставя вверенное оружие прикладом на доски, скучно, в нос, пробубнил новый защитник и умолк.

– Идёт! – подал голос вперёдсмотрящий.

Люди прикинули к брёвнам, вглядываясь в утреннее поле. От стоящего напротив грузовика действительно шёл человек с зажатой в левой руке белой тряпкой на палке. В другой руке, чуть перекашивая своим весом фигуру вправо, виднелась непонятная коробка казённо-зелёного цвета. Оружия у парламентаря не было.

Не доходя до поселения метров ста, визитёр, остановившись и неуютно поведя плечами, громко, внятно проорал:

– Не стреляйте! Сергей Юрьевич вам велел передать! Поговорить хочет!

В доказательство мужчина, приподняв, продемонстрировал свою ношу. Радиостанция. Старая, похожая на армейскую, выдавшая виды.

Фоменко раздумывать не стал.

– Неси сюда! – крикнул он в ответ. И своим, не оборачиваясь. – Верёвку принесите.

Один из защитников, помоложе, рванул, минуя лестницу одним прыжком, к машинам. Через минуту вернулся с перекинутой через плечо бухтой старого, со следами разнокалиберной краски, альпинистского троса.

– Вот, – лихо скинув ношу и непонятно чему улыбаясь, протянул требуемое главному.

Старик в ответ только грустно вздохнул.

– Сюда давай, – вмешался пулемётчик, забирая бухту. – Я управлюсь.

И действительно, звероподобный Тёма умело, сноровисто распутал трос, выбросив свободный конец наружу.

Парламентарь стоял уже прямо под частоколом, нервно, нетерпеливо ожидая конца своей миссии. В волнении палку с тряпкой он поднял вверх, словно пытался прикрыться от смотрящих сверху защитников.

Наскоро, в три простых узла, привязав корпус рации к свободно болтающейся верёвке,

посланец особиста облежён выпалил, задрал голову вверх:

– Готово! Тяните! – и жалобно. – Андрей Петрович, можно я пойду?

Пулемётчик тащил железную коробку быстро, без усилий. Фоменко, не отвечая, смотрел на процесс, сохраняя по-прежнему безэмоциональное, словно посмертная маска, выражение лица.

– Ну Андрей Петрович... Ну пожалуйста, – тоном провинившегося школьника канючил, не переставая, мужчина внизу. – Я ведь человек подневольный, а вы же меня знаете... Я водила только...

Наконец, вопли перепуганного парламентаря достигли ушей старика и тот бросил отрывистое:

– Вали!

Против ожидания, услышав заветное разрешение покинуть негостеприимных хозяев фортика, тот не побежал. Сжавшись, словно перед избиением, беспрестанно потея, посланец мелкими, рваными шажками побрёл прочь, каждую секунду ожидая выстрела в спину.

Но на него никто уже не смотрел.

Артём, перекинув на нашу сторону радиостанцию, передал её в руки охраннику за моей спиной. Странный оказался прибор. Вроде и знакомый – заслуженный советский ветеран размером с небольшой системный блок, и незнакомый одновременно – жеваный, в царапинах, с обычным проводом вместо антенны. Взамен телефонной трубки – перемотанная изолентой продолговатая коробочка с тангентой и микрофоном. Сбоку прикручен самодельный динамик в фанерном корпусе. Не иначе, второпях, на коленке собирали.

Фоменко, увидев такую подставку, ощерился, выплюнув:

– Сука!

Народ смотрел, не понимая такой перемены настроения у своего предводителя. Многим было не видно, потому помост натужно заскрипел – каждый старался высунуться половчее, никто не хотел пропустить предстоящие переговоры.

А до меня дошёл смысл происходящего, причём сразу – стоял рядом, видел, хоть и одним глазом, всё. Особист сознательно сделал так, чтобы его голос слышали все окружающие, не оставляя бывшему начальнику ни малейшего шанса на конфиденциальность переговоров и возможности словчить. Проще говоря – заставлял играть в открытую. Хитёр, ничего не скажешь!

Щёлкнул тумблер, в динамике зашипело. Петрович, нехотя взяв в руку коробочку, поднёс её к лицу и, нажав на тангенту, скрипуче заговорил:

– Серёжа, ты?

Ответили сразу.

– Я, Андрей Петрович, я.

– А почему я тебя не вижу? Ухари твои ручные – как на ладони, а сам что? Прячешься?

В динамике негромко засмеялись.

– Так я за грузовиком припарковался. Дрянью у вас дороги – на обочину не съедешь. Неужели надо свой лик явить? Соскучиться успели?

Фоменко перекосило словно от зубной боли.

– Зачем? Говори, чего хочешь? К чему тянуть?

Окружающие напряглись, боясь даже вздохнуть лишний раз.

– Закона хочу, – проговорил особист. – Правды. Справедливости.

– Не нужно пафоса, – перебил старик, усмехаясь краешками губ. – Не на собрании.

Фролов не смутился, сам перешёл в «наступление».

– Андрей Петрович! Вы зачем склады подожгли? Еле потушили... Ну собрались бежать – кто же вам мешал? Я же со всем уважением к былым заслугам, на горло, можно сказать, себе наступил, не препятствуя. Или вы всерьёз верите, что о вашей заимке никто не знал? Как ребёнок, честное слово... Стыдно. Мы же вместе столько лет рядом, чего вам не хватало? Во что людей втянули? Кто теперь ответит? Вы – вряд ли. Исполнители? Без сомнения. Только не забывайте...

«Красиво придумал, – думал я, – ответственностью народ запугивает. И раздор сеет – будто старый урод не при делах останется, сухоньким выйдет».

Так мыслил и Петрович. Не дав договорить своему бывшему заму, он заорал, брызжа слюной.

– Ты на жалость не дави! Не дави! Люди сами так решили – вольно жить, а не в холуях у банды твоей! Право имеют!

Дальше владелец окрестных земель в отставке говорить не смог. Отпустив трость, безвольно привалился к частоколу, схватившись за сердце. Переговорное устройство не выпустил, намертво зажал, держа в стороне, будто хотел показать его всем присутствующим.

А спокойный голос невидимого особиста продолжал:

– Не нервничайте, в ваши-то годы... Уже случилось, назад не вернуть. Давайте конкретизировать наши отношения. У вас есть тридцать минут для того, чтобы сдаться. В противном случае... ну, вы сами понимаете. А среди вас женщины, дети, непричастные к неумной выходке. Подумайте! Будьте реалистом!

Пока Фоменко собирался с ответом, тяжело, шумно дыша, я молил всех богов о том, чтобы паскудный Фролов не вспомнил о моём существовании. Не нужна мне лишняя слава, хочу остаться маленьким, незаметным, ничего не значащим камешком на обочине их глобальных разборок.

– И что потом? – с отвращением вернулся к переговорам малость пришедший в себя старик.

– Потом? – удивлённо переспросил динамик. – Потом согласно процедуры и наших законов. Кому – по всей строгости, уж извините... кому – трудовые лагеря. Женщины и дети после следствия отправятся в общие дома, жить как жили.

– Вот так вот, напрямую, – каркнул, обведя всех взглядом, Петрович. – Почему не соврал? Наобещал бы с три короба, как ты умеешь.

– А смысл? – не стал тянуть с разъяснениями особист. – К чему сказки? Реальное

наказание лишь единицам светит, да и то – вопрос... Я же не кровожаден, сами знаете. Люди – наше главное богатство. Андрей Петрович, – неожиданно жалобно, с нотками отеческой грусти, сменил тон Фролов. – Не мешайте вашим последователям самим решать, как им жить дальше. Просто отойдите в сторону, не давите авторитетом. У вас полчаса на принятие решения. Отбой связи.

Последние слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Говорили все, силясь перекричать друг друга. Непонятно, обрывками, стремясь выплеснуть наружу страх и эмоции. На нешироком помосте сразу стало тесно.

Я посмотрел на Петровича – держится. Губы в ниточку, глаза полуприкрыты, на щеках нездоровый румянец. Не знаю, зачем – перевёл взгляд за ограду. Мужичок-парламентёр уже подбегал к грузовику, потеряв где-то по дороге свою палку с тряпкой. Ушёл, значит... Ну и молодец. Наверное, до одури жутко в одиночку на стволы ходить.

Шум разгорался. Не выдержав, некоторые из защитников поспрыгивали на землю и оттуда спорили с оппонентами. Фролов добился своего – перессорил всех со всеми. Быстро управился... И теперь наверняка ждёт, когда откроются ворота, посматривая на часы своей рыбьей рожей.

Народ разделился на два лагеря. Одни яростно стояли за бой до победного конца, другие – ратовали сдать, мотивируя тем, что они ни в чём не повинны. Кое-кто уже скрылся в домах. Нда... разброд и шатание.

– А ну цыц! – громко, со старческим фальцетом, рявкнул на этот бедлам Петрович.

Не сразу, но спорщики затихли, уставившись на своего предводителя. Кто с надеждой, кто с плохо скрываемой злобой, кто с удачью.

Убедившись, что его слушают, Фоменко начал говорить. Негромко, опытно, заставляя вслушиваться в свои слова.

– Чего глотки дерёте? Или не знаете, что Серёжке веры нет? Прельстились? Вы действительно думаете – помилует вас? Да ни за что! Ему показательная кара нужна, власть свою показать и оставшихся запугать напрочь! Отсыплет – не унесёшь... – он закашлялся, переводя дух. – Я с каждым из вас беседу имел, разъяснял, и никого силком не тащил. Решили – значит делаем!

– А миномёты?! – выкрикнул кто-то с дальней части помоста.

– И что миномёты? – равнодушно, без любопытства, вернул вопрос старик. – У нас полчаса есть. За это время можно частокол сзади разобрать, на машины попрыгать и ходу. Кое-что бросить, конечно, придётся, ну да жизнь дороже. Наши парни выведут. По таким околицам рванём – где ни один грузовик не проедет. С огнестрела не достанут – расстояние велико. Да и по петляющему автомобилю попасть – та ещё задачка. Ну популяют, пошумят для острастки – не впервой. Свобода – она такая, задурно не достаётся. Чем глотки драть – делом бы занялись. Заканчивайте погрузку! – не давал опомниться Фоменко. – Свободные – разбирайте с задней стороны частокол так, чтобы только обрушить пришлось...

Часть народа засуетилась, однако часть, включая пулемётчика-великана, не сдвинулась с места, испытующе посматривая на старика.

– Ну, чего стоим? Кого ждём? – вмешался по-прежнему стоящий за моей спиной охранник, подгоняя сомневающихся. – Или ждёте, пока мины прилетят?

– Пасть закрой, – бросил с высоты собственного роста Артём, брезгливо посматривая на некстати влезшего холуя. – Я несогласный. Отрядов не боюсь, а рисковать своей бабой и дитём – не позволю. Там солдаты, – здоровяк кивнул в сторону миномётов. – И

опыта у них – вагон и маленькая тележка, не проскочить... Закончилась моя к тебе вера, Петрович. Проиграл ты. Расходятся наши дорожки. Кто ж знал, что ты пожар учинишь...

Оставшиеся одобрительно загудели. Видимо, к диверсиям в Фоминске они не имели никакого отношения, а потому надеялись отделаться «малой кровью».

Старик лишь плечами пожал.

– Как хочешь, я не неволю.

– И вы никуда не поедете, – продолжил детина. – За вас послабление будет. Кто нагадил – пусть ответит, я не возражаю. По закону – так по закону.

Вместо ответа Фоменко протяжно, молодо свистнул. Суетящиеся вокруг машин и в конце фортика люди, побросав дела, устремили взоры на старика. Тот весело, со знакомой ехидцей, обратился ко всем сразу:

– Тут нам Тёмушка ехать не велит. Говорит: в рабах ему веселее. А вас, – указательный палец оратора, как дуло пистолета, посмотрел на готовящихся к побегу, – на спокойствие меняет. Понимаете?! – завизжал он. – Вам – петля, а ему – сытая жизнь!

Установилась тишина. За оружие, против ожидания, хвататься никто не стал. Стоящие на земле люди просто переглядывались, недоумевая от такого раскола в их рядах. Каждый ждал, что будет дальше.

– А... понятно, – откуда-то сбоку, медленно шагая, появился водитель той самой, брошенной на пригорке ГАЗели. – Да какие проблемы, Артёмчик? Нужно помереть? Помрём! – нарочито весело, не отводя взгляда от пулемётчика, продолжал мужчина. – Оно ведь как – нам на себя насрать, лишь бы ты не болел. Правда?

Детина нахмурился, взял пулемёт, поудобнее перехватывая смертоносную машинку в своих безразмерных лапах, а я постарался спрятаться за своим охранником, пятой точкой ощущая грозу, повисшую в воздухе.

– Одна беда, – не умолкал уже ступивший на лесенку человек. – Фантазии это всё ванильные.

Никто ничего не заметил. Просто у водилы, откуда ни возьмись, оказался в руках пистолет, и он навскидку всадил в грудь парня две пули, а потом, не мешкая, ещё две. Гигант захрипел, неуклюже заваливаясь на частокол. Оружие выпало из его рук, брякнув о доски, тело содрогалось конвульсиях, перекошенный рот силился что-то сказать, исторгая из себя жёсткие, идущие словно из живота, хрипы. Лениво, никуда не спеша, вырывалась наружу кровь из грудины.

Люди ахнули.

Здоровяк, ни в какую не желая расставаться с жизнью, попытался найти дополнительную опору для своего могучего организма и, не особо выбирая, уцепился за плечо охранника позади меня. Тот удивлённо, глядя почему-то на старика, выронил из рук мою двустволку и обеими руками упёрся в наваливающегося на него Тёму.

Я ногой придавил ремень упавшего ружья, надеясь, что делаю это незаметно. Там посмотрим, как оно повернётся...

А гигант падал, увлекая за собой кряхтящего из последних сил в своих бесплодных попытках устоять на ногах холуя. Так и грохнулись, оба, словно в замедленной съёмке.

И только Фоменко не растерялся.

– Не стрелять! Не стрелять!!! – орал старик, выпучив глаза.

Оно и правильно – бойня будет. Вряд ли кто выживет.

Его слушали мало, замороженно глядя на барахтающегося под необъятной тушей пулемётчика охранника. Водила просто стоял, зажмурившись, трясаясь, как паралитик и, похоже, только сейчас осознавая, что натворил. А Петрович не умолкал:

– Кто не хочет валить – оставайтесь! Но не мешайте! Все разборки потом!!! Не стрелять!

Истерично, с подвыванием, заорала женщина.

Люди, судьбой поделённые на группы, с ненавистью смотрели друг на друга, однако приказа послушались, подняли стволы вверх. Я тихонько пододвинул к себе двустволку...

Нежданно-негаданно ожила рация, своим потрескивающим из динамика голосом перепугав до икоты всех, включая меня.

– Как у вас дела? – профессионально-вежливо поинтересовался Фролов. – Забыл сказать. У вас не получится уехать. Мёртвых зон нет. Не рискуйте.

Фоменко, бешено вращая глазами и явно теряя самообладание, нажал тангенту.

– А это мы ещё посмотрим!

И тут я понял – вот он, шанс. Пока всё внимание приковано к старику и его перебранке с бывшим замом – надо рисковать. Мне здесь не место. Залихорадило, как тогда, при первой встрече с волками. Эх! Ружьё не подобрать... Хрен с ним! Новое найду!

Доверившись инстинктам, попросту обхватил руками два островерхих конца брёвен и, со всей мочи оттолкнувшись ногами, подтягиваясь на руках, перевалился через частокол, больно чувствуя животом злополучные деревяшки.

Приземлился плохо, отбив ступни. Кто-то заорал, кто-то выстрелил вслед. Плевать!

Снова заговорила рация, но я уже не вслушивался, – не до того. Со всех ног, не ощущая боли, практически вплотную мчался вдоль частокола, к присмотренной ранее «мёртвой зоне». Не знаю – правду ли сказал Фролов, наврал ли, а только другой дороги у меня нет.

Снова выстрелы, прямо над головой. А вот хрен вам! Не попадёте! Брёвна даже с помоста почти в человеческий рост, а перегнуться через них, чтобы прицелиться – та ещё задачка! Такое под силу разве что Васе покойному было. Главное – в сторону до поры не отскочить. Тогда достать смогут.

Пробежав метров тридцать, позволил себе чуть отдышаться, осмотреться. Вслушался. Вроде тихо – голоса доносятся глухо, из глубины. Похоже – не до меня им там...

Вот и старый сад. По прямой – метров сто. Значит, зигзагом, по заячьи...

И тут, почти на границе деревьев и поля, что-то ухнуло, в воздух взлетели комья земли, травы и пыли.

Я упал, прижимаясь к земле и ползком, не отрывая брюха, продолжил своё бегство. А что остаётся? Не сидеть же здесь сиднем, ожидая неизвестно чего?

От травы, постоянно норовящей залезть мне в ноздри, нестерпимо хотелось чихать, пот заливал глаза. Не от жары, нет. От адреналина, вырабатываемого надпочечниками моего беспокойного организма.

В фортике заорали. Вразной, тягостно, перекрывая друг друга отборным матом. Совершенно на другой звуковой частоте воздух прорезали женские визги. Неприятные, на одной ноте. Кто-то матерился.

Меня передёрнуло от доносящейся какофонии человеческих чувств, предав дополнительный стимул бежать отсюда как можно дальше.

Миномёт сработал, больше нечему... Первый выстрел специально в сторону положили – обозначить, так сказать, намерения. Да и к правильным выводам сомневающимся подстегнуть... Но где первый – там и второй, за ним третий. И рупь за сто, с каждым разом мины будут ложиться всё ближе и ближе к поселению, вынуждая забаррикадировавшихся сдать на милость победителя. Не утерпел особист, значит...

Вот только мне от этого своеобразного принуждения к миру плохо. Потому что они там, а я тут. И с каждым разом шанс отделаться лёгким испугом будет стремиться к нулю в геометрической прогрессии.

Рискнув, оторвал голову от земли, осмотрелся. Ага, вон водоотводная канава, удачное, кстати, укрытие, метров через пять становится вроде как глубже. Это не точно, но других вариантов всё равно нет. Теперь, почти не прячась, вложил все силы в рывок и метнулся в намеченное углубление.

Мой первый обстрел... Никогда не думал, что он будет таким... бытовым, что ли. Ни танков, ни армии, ни замерших в ожидании командиров. Ничего. Только я, частокол и весенняя трава. И смерть, прилетающая с той, невидимой отсюда стороны. Страшно...

Сверху кто-то истошно заорал, и, фактически над моей головой, промелькнула чья-то крупная тень, а потом послышался гулкий стук упавшего тела.

Это оказался мальчишка лет пятнадцати. Худой, длинный, до смерти испуганный. Он резво, как умеют только в детстве, вскочил на ноги и стремглав помчался в сторону садов.

– Куда?! Ложи... – заорал я, наплевав на скрытность. Пацана жальче.

Закончить предупреждение не успел. Снова ухнуло, теперь ближе. Пришлось уткнуться в пахучую своим тяжёлым, сыроватым духом, землю.

Свистнуло, стукнуло, заложило уши, слегка присыпало...

Поднял голову, отплёвываясь от пыли. Посмотрел в сторону мальчишки. Бедняга лежал метрах в пяти, лицом ко мне. Весь в крови, рваный. В глазах у него застыли боль и безысходность.

Но бросилось в глаз другое: лицо пацанёнка. На удивление чистое, спокойное, с чуть припухшими губами и несмелым, юношеским пушком над верхней губой. Его не портили даже юношеские прыщи. И при этом у подростка отсутствовала верхняя часть черепа, пугая до чёртиков своей идеальной линией среза.словно неизвестный садист, стараясь и долго примериваясь, циркулярной пилой, под линейку, удалил всё, что у человека повыше бровей за ненадобностью или для своего извращённого веселья.

Тело покойника... да, теперь уже точно покойника, лежало в неестественной позе.

Одна рука под странным углом заломлена назад, ноги скрещены, а вторая рука, безвольно откинувшаяся в сторону, безвольно вздрагивала пальцами, словно силилась взять карандаш, но не могла. И кровь, вяло сбегающая из многочисленных ран на землю, образует лужицу.

Ну вот куда же ты так, сынок? Зачем? Зачем?!! Сидел бы в фортике... Нет, испугался...

– Следующий ещё ближе положат, – конструктивно заявил мозг, отключая эмоции. – Беги! Сейчас!!!

Тело само подскочило, бездумно рванув вперёд, к спасительному саду.

Я нёсся по прямой, без всяких уставных зигзагов, не выбирая особо дорогу и изо всех сил в душе надеясь, что между выстрелами ещё есть зазор. Ещё хоть чуть-чуть... Двадцать, десять, пять, три метра... Деревья... Успел...

Упал, оглушённый стуком собственного сердца в ушах и хрипом в лёгких. Но не расслабился – финишная ленточка не здесь, а много дальше. Пополз юркой змейкой, стараясь прижиматься к деревьям.

Ухнуло...

Не оборачивался, не тратил на любопытство драгоценные мгновения. Полз, вкладывая в каждое движение весь свой страх, всю жажду жизни, свято веря в собственную удачу и подпитываясь ненавистью к Фролову, к его банде, к самому себя перехитрившему Петровичу, ко всему несправедливому миру, в котором гибнут невинные люди.

Ухнуло... Потом что-то лениво, медленно затрещало, и я не выдержал, обернулся.

Частокол. Последняя мина не обманула ожиданий. Неизвестный специалист профессионально положил её почти вертикально, прямо под защитной стеной фортика и она, делая своё чёрное дело, вывернула несколько брёвен из ровного заборного строя. Именно они и заваливались сейчас, словно пьяные, хрустя и увлекая соседей. Проход готов. Езжайте, если сможете. Мы пристрелялись. Такое вот тонкое издевательство от особиста с его опричниками.

Похоже, артподготовка закончилась. Внутри посёлка вряд ли палить станут – побоятся повредить имущество. Там же и семенные культуры, и топливо в бочках, и кто знает, что ещё... Хотя... Фролов может и прямо сейчас, не откладывая, показательную казнь устроить в назидание и наплевав на товарно-материальные ценности, а потом экскурсии сюда водить с лекциями на тему: «Так будет с каждым, кто папку не слушается!».

Пока я пребывал в раздумьях, провожая взглядом падающие брёвна, из фортика кто-то надсадно заорал:

– Мы сдаёмся! Сдаёмся!!! Не стреляйте!

Ответ я не услышал. Но оно и понятно – сейчас с другой, противоположной стороны поселения всё самое интересное происходит. Наверняка начинаются политические торги с обсасыванием условий почётной капитуляции. Ну их... Пусть сами разбираются, кто кому Рабинович и что со всем этим делать. Лишь бы снова про меня не вспомнили.

Глава 9

Не оборачиваясь, я не вбежал – влетел в сад. Нужно пользоваться моментом. Тем, кто в фортике, сейчас не до меня. Единичная цель никому не интересна. Бежит себе – и пусть бежит. Имеются проблемы и поактуальнее.

В подтверждение таких выводов за спиной раздалось несколько одиночных выстрелов. Вздрогнул. В меня? Нет, приглушённо – за частоколом. Кто в кого? Не знаю. Наверное, внутренние разборки начались. Каждый пытается выжить как умеет, даже сдав товарища, с которым ещё час назад спал на одной койке. И плевать на чувство локтя, на взаимовыручку, на дружбу. Я это ещё на стене понял, по словам Артёмки-пулемётчика.

Такие вот мы, люди. Не все, но многие. Едва прижмёшь – и лезет истинная гнильца наружу, смывая наносную человечность. Прав был Фоменко! Казалось бы – вместо прений надо грузиться по машинам и в прорыв! Мимо садов, подальше отсюда. Наверняка ведь есть хитрые тропки, не могут не быть. Да, велик шанс погибнуть. Но выжить – вполне реально!

В погону на ЗИЛах карательный передовой отряд вряд ли отправится. Это не бездвижный форт обстреливать с удобной позиции, тут посложнее будет. Людей у Фролова для таких номеров мало, иначе осаждённых давно бы взяли в кольцо. Преследование явно наскоро организовывали. По горячим следам неслись. Собрали первых попавшихся – и в путь.

Именно так.

Основная живая сила и техника, потушив устроенный подручными Петровича пожар, наверняка в эти минуты находится на марше. А значит, время играет против осаждённых. Дай дёру они сейчас, бросив нажитое непосильным трудом, оторвись хоть немного от преследователей – и ушли бы. Военные пока доедут, пока то, пока сё... Полчаса бы точно выиграли. Если в километрах – то на нормальных машинах не менее пятнадцати, или даже двадцати. Солидное расстояние. И в удобном месте засаду при желании можно организовать, и затеряться на просторах, особенно на знакомой местности.

Но нет – ищут крайних. Умно Фролов придумал с громкоговорителем на радиостанции, по науке людей расколол. Виноватые – отдельно, остальные – всего лишь заблуждались. И не важно, что потом будет. Всех повесят или через одного, или до смерти в трудовые отряды законопатят – нужники чистить. Главное, он дал большинству надежду, призрачный шанс выйти относительно сухими из воды, ничего конкретно не гарантируя. Обрисовывал перспективы, говоря буднично, привычно – лишнего не обещая и упирая на здравомыслие. Достойный ход – вести себя, как ни в чём не бывало и делать вид, что для большинства произошло всего лишь недоразумение. По-другому бы не поверили, думаю. Переиграл старика...

Кто-то крикнул. Я инстинктивно обернулся и увидел, как через образовавшийся проём, спотыкаясь о вывороченные взрывом брёвна, выбегают люди. Несколько женщин, дети. За ними – мужики. Без баулов и узлов, налегке. Всего человек пятнадцать – двадцать. Все бежали по прямой – как раз в мою сторону.

Выматерившись сквозь зубы, повернул влево, стремясь уйти подальше с их пути и постоянно оборачиваясь в сторону фортика.

Решились, значит... Пешком -- машина в проход не влезет. Отчаянные...

Без транспорта бегать толпой грустно. Подчинённые особиста тупить не станут. Едва соберутся в сколь-нибудь значимую силу – сразу начнут сад прочёсывать. И нагонят. По следам. Должны же у них быть и такие специалисты – беглецов отлавливать. Не может не быть. Слишком востребованная специальность в наши дни.

Ого! А вот и дедушка. Одним из последних выходит. Охранники его чуть ли не на руках несут, стремясь поскорее свалить из мятежного поселения. У каждого – по калашу. Преданные. Молодцы. Стараются, поспевают. Уже почти передних нагнали.

Неподалёку от бегущих бабахнула мина. Несколько человек упали, остальные

рефлекторно пригнулись. Но никто не погиб. Упавшие повскакивали и с удвоенной силой принялись нагонять остальных.

В форте кричали. Слов было не разобрать, один мат, однако грохнувший из пробитого частокола вслед беглецам залп расставил всё по своим местам – оставшиеся прощение зарабатывают. Пытаются выслужиться перед неминуемой расплатой за своеволие. Мол, вот мы какие – супостатов не упустили. Казни их, правитель-батюшка, на здоровье, а мы ни при чём. Опомнились...

Один из охранников Фоменко на полном ходу отпустил старика, что-то крикнул напарнику и, опытно падая на землю и принимая позицию для стрельбы лёжа, открыл огонь в сторону своих бывших единомышленников.

Хорошо работал. Толково, постоянно перекатываясь и одиночными, похоже, весьма меткими выстрелами, выигрывал время для остальных.

Из-за частокола снова пальнули. Нестройно, залпом. Двое уже почти преодолевших расстояние от стены до деревьев мужчин упали. Один корчился, второй лежал тихо.

Прикрывающий бегство ответил. Кто-то вдалеке завопил, потом закричало множество глоток.

Женщины уже вбежали под защиту спасительной листвы сада. Детишки их опередили, первыми растворившись среди стволов. Остальным требовался всего один рывок... Деду с его носильщиком – чуть побольше, метров двенадцать.

В голове что-то щёлкнуло. Что-то такое, нервное, на уровне подсознания... Заставляющее дико хотеть жить.

Я без раздумий рухнул на мягкую травку.

И заговорил пулемёт.

Первая очередь оказалось неумело-длинной, пущенной сгоряча. В саду никто не заорал, не вскрикнул. Прикрывающий ответил парой одиночных.

Ничего не видя из-за травы, полагаясь только на слух, резво пополз за ближайшее дерево, изо всех сил мечтая оказаться подальше отсюда. Где угодно, но не здесь.

Правее меня гулко затопали. С ужасом повернувшись на звук, в деталях смог рассмотреть несущегося, не разбирая дороги, человека. Перепуганного, с выпученными от страха глазами и криво распахнутым ртом, из которого по подбородку свисали поблёскивающие в солнечных лучах нитки слюны. Он меня не заметил, промчавшись едва ли не в паре метров, однако напугал изрядно. Рассредоточиваются, значит, преданные Петровичу. Кто куда. Плохо. Будут искать их – могут наткнуться и на меня.

Из фортика напомнили о себе второй очередью. Покороче, поточнее. Как понял? По хрипам. Невидимым, надсадным. Кому-то досталось. Судя по их низкой частоте – мужику.

Почему-то немного отлегло от сердца.

Нет, не от того, что пуля прилетела ему, а не мне. Хотя и из-за этого тоже – к чему лукавить? Со стороны это, конечно, может показаться пошлым, низким, однако я за свою жизнь ни разу не видел человека, расстроившегося от того, что его не убили и не ранили. Правда, и хвастаться таким не принято.

Меня больше обрадовало, что рядом со мной не женщина и не ребёнок. Их жальче. Не приспособлены они изначально для смертоубийства, различные обстоятельства не в

счёт. Мы, мужики, для таких игрищ самой природой созданы, как охотники и добытчики – нас и жалеть меньше нужно.

Странная радость, нечеловечная...

Раненый снова захрипел. Недалеко, давая засечь своё местоположение.

Была не была!

Не поднимаясь, рванул в сторону хрипящего. Полз, изо всех сил надеясь, что в пылу бегства он не потерял ружьё или что там у него было Двустволку-то я бросил на стене, когда переваливался через брёвна – обстоятельства так сложились. Ну не с голыми же руками мне к Зюзе возвращаться? Ничего ещё не закончено.

Дважды ухнуло. Как далеко – не понял. В ушах молоточками стучала кровь, заглушая окружающий мир. Но тут и гением быть не нужно – Фролов о себе напомнил. Похоже, догадался, что творится нечто внештатное и теперь огнём поддерживает оставшихся.

Выстрел. Похоже, охранник Фоменко ещё вполне боеспособен, не убили... Мат вдалеке. Пара совсем уж коротких, злых очередей.

На лежащего лицом в землю мужчину выполз быстро. Крепкий, кряжистый незнакомец... ещё живой. Пуля попала ему в спину, почти в самый центр. Крови практически не было – лишь небольшое пятно вокруг маленькой, с мизинец, дыры.

Хрип, судороги, яростно скребущие землю пальцы и напряжённые мышцы шеи. Всё бежать пытаются, похоже... Не осознал...

Ноги, в отличие от верхней половины туловища, вели себя вяло. Так, едва шевелились, пытаюсь помочь владельцу уползти от этого ужаса.

Не получалось.

У подстреленного оказалось не ружьё – автомат. Рядом с ним валялся. Уже знакомый мне по фортику «огрызок» – АК 74У. Видел у ГАЗелиста, и, по-моему, у кого-то из мужиков на стене. Похоже, здешние где-то оптом прибрахлились таким чудным оружием. Сомнительная машинка – ни два, ни полтора... Кроме относительно малых габаритов – других преимуществ у данного уродца в наши дни нет. Ни поохотится, ни повоевать. Прицельная дальность так себе, кучность – тоже не ахти. Говорят, быстро перегревается при стрельбе.

Только другого здесь нет.

Аккуратно отодвинул оружие подальше от человека. Тот моей возни не заметил, целиком сконцентрировавшись на своих бесплодных попытках уползти. Тогда, закусив нижнюю губу от брезгливости к самому себе, принялся обыскивать раненого.

Сначала похлопал по бокам, пытаюсь нащупать подсумки. Ничего. Ремень, штаны, конвульсии... Встав на четвереньки, с усилием перевернул мужчину на спину.

Ещё не успев оказаться лицом к небу, он намертво, до хруста в пальцах вцепился в мою руку и зашипел. Глухо, преодолевая мелкое, рваное дыхание, с трудом выговаривая буквы:

– По-мо-ги-и...

Изо рта хлынула кровь. Пенистая, очень похожая на мыльные пузырьки.

Выстрелы... разномастные, пугающие.

Глаза человека, сконцентрировавшись на мне, немигающе смотрели с такой мольбой, словно я и вправду мог помочь. Только чем?

Выходное отверстие на груди отсутствовало. Значит – пуля осталась внутри, повредив лёгкие и ещё неведь что. Тут хирург нужен с операционной и прочими высокотехнологичными приборамбасами из прошлого, а не я.

Ты покойник, мужик. Просто сам этого пока не понял.

– По-мо-ги-и-э...

Вторая рука обречённого схватила меня за грудки и рванула к себе. Не удержался, рухнул прямо на него.

Грудь ударилась в грудь, стукнулись лбами, из чужих лёгких вырвался очередной хрип, лицо и рот обдало чужой кровью. На языке стало солоно, с оттенком некой кислятины.

– Извини, мужик.

Я резко оттолкнулся руками от туловища раненого и завалился на бок, рядом с ним. Удержать он меня не смог – ослабел.

Случайная близость не прошла без следа. При кратковременном, но тесном контакте с обираемым я рёбрами почувствовал два магазина на его груди. Расстегнул чужую куртку, откинул полы. Вот они – в самодельных кармашках, изнутри пришитых, виднеются. Вынул один, затем другой. Раненый, завалив голову набок, устало следил за моими действиями, а по уголкам его глаз текли слёзы.

Очередная очередь, пронёсшаяся прямо над головой, заставила впечататься носом в землю. Страшно-то как...

Собравшись с духом, снова привстал, второпях рассовывая добычу по карманам. Принялся искать нож.

Не нашёл. Ни ножа, ни фляжки. Из полезного – только спички – расплющенный, полупустой коробок. Забрал себе. Не успел, видать, бедолага толком собраться.

– Су-ка... – собравшись с силами, неожиданно внятно выдохнул мужчина и, закрыв глаза, беззвучно зашевелил покрытыми кровавой пеной губами.

Проклинал, не иначе.

Не глядя умирающему в глаза, подхватил автомат.

– Знаю.

Бой продолжался. Со стороны форта с завидной регулярностью плевался пулемёт, изредка бухали охотничьи стволы. Мины больше не прилетали. Понятное дело – берегут запас; понимают – обрабатывать ими здоровенный сад с рассыпавшимися по нему беглецами – занятие бесперспективное. Слишком большая площадь обстрела получается.

Да и зачем? Осколки последователей Фоменко теперь не опасны. Бегут, как тараканы, в разные стороны. Силовикам сейчас с оставшимися в фортике людьми разобраться важнее. Там, как ни крути – сила, которую надо срочно убрать с игровой доски.

Со стороны деревьев тоже огрызались. Редко, но регулярно, из ружья. Интересно, кто

воет? Петрович сотоварищи? Или некто сознательный, героически оставшийся прикрывать отход? А где тот, с автоматом? Почему молчит? Закончился?

Такие мысли крутились в моей голове, пока я, на полусогнутых ногах, спешно уходил подальше от всего этого кошмара. Плевками на ладонь оттер лицо от чужой крови, вкус которой до сих пор чувствовал во рту. Не останавливаясь, проверил автомат – магазин полный, общее состояние – хорошее. Отстегнул приклад, взялся поухватистее. Не ружьё, конечно, но ничего, привыкну.

Теперь – не останавливаться. Чем дальше – тем лучше.

Вскоре фруктовый сад сменился лесополосой, за которой показалась дорога. Пустая. Интересно, где все? Мне пока никто из беглецов не встретился. По округе петляют? Или рванули к заранее оговоренной точке сбора? Если – так, то желательно мне туда не попасть. Обойти, а лучше оказаться совсем в другой стороне.

Однако старый, с местами стёршейся разделительной полосой асфальт натолкнул на определённые мысли.

Привязка к местности. Я ведь не имею ни малейшего понятия, где нахожусь. Куда идти? На север? Фоминск, по своему расположению, гораздо южнее моей базы. Точнее, дома... Или на юг? Туда, к оговоренному с Зюзей запасному месту встречи? Покойный Лёха жил ближе, если отсюда считать... До конца условленного месяца, в течение которого мои ушастые должны меня ждать, не так много осталось. Могу попросту не успеть. Тогда точно разминёмся и станем искать друг друга до посинения. Они же не по дорогам пойдут – напрямую двинут.

Дилемма...

«Не раскисай! – я принялся сам себя подбадривать. – Начни с малого. Пойми, где находишься, а дальше определяйся».

Подействовало.

Не показываясь на открытой прострaнстве, долго вслушивался в окружающий мир. Помимо всевозможных звуков живой природы – тихо. Бой вроде бы стих.

Прямо бегать глупо. Нужно в сторону от всех, как правильному одиночке двигаться. Изначально забираю влево – значит, в таком ключе и продолжу. Влево пойду. Только по другой стороне дороги, там безопаснее. Мало ли, кто тут помимо меня околачивается – однако он тоже должен бояться открытых пространств и десять раз подумать, стоит ли высказываться на асфальт. Глядишь, и не рискнёт.

Перебежал пулей, не успев запыхаться. Не зря на одной ножке в камере скакал, научился кое-чему.

Отойдя поглубже, за удивительно разросшиеся кусты, потопал в выбранном направлении, изредка выглядывая сквозь густую листву и убеждаясь, что асфальт никуда не делся и я двигаюсь практически параллельно ему.

Ненаселённый пункт показался как-то сразу. Перед ним не было привычного частного сектора на окраине, отсутствовали склады и прочие промышленные объекты. Серые пятиэтажки вылезли почти одновременно, дико контрастируя своим угрюмым, неживым видом с господствующей вокруг весной. Новостройки в обозримом пространстве не наблюдались, как и магазины вдоль проезжей части, и СТО, и прочие шиномонтажи, в

изобилии украшающие въезды в мегаполисы. Только заправка имелась, бело-голубая. Заросшая, с высоким, бестолково-хорошо сохранившимся указателем цен на бензин.

Значит – райцентр или крупный посёлок из старых. Была одно время такая мода – строить на окраинах многоэтажки, на перспективу. Целыми кварталами. С новой школой, садиком и прочими благами цивилизации. У меня в родном посёлке такой же микрорайончик имелся. При совсем позднем СССР забахали шесть домов в два года, молодые семьи заселили. Спортивную площадку организовали, с полем для минифутбола, турниками и баскетбольными кольцами. Пацанята со всей округи сбегались, отчаянно завидуя тому, что живущим в квартирах нет нужды корячиться на огородах за домом и не нужно почти всё свободное время шуршать по хозяйству. Пришёл – упал на диван и телек смотри. О большем и мечтать нечего!

Но я туда не собираюсь. Во всяком случае, пока.

...К заправке приблизился сзади, пробравшись через дыру в заборе из тоненькой, прогнившей сетки-рабицы. Долго вслушивался, не решаясь войти, потом, осмелев, осторожно пробрался в выломанные с мясом служебные двери, медленно проследовал по небольшому коридорчику, попутно заглянув в подсобку. Ничего интересного. Тряпки, мусор, прелая листва, свисающий ошметками с потолка серый гипсокартон.

Перешёл в кабинет начальника, порылся в столе, покрытом грязными разводами. Так я и думал. Пачка накладных с указанием адреса заправки нашлась почти сразу. Достал подаренную Петровичем карту, сверился.

Получалось не так чтобы плохо, но и не слишком хорошо. Я на северо-востоке от речной петли с Фоминском на берегу, километрах в сорока. Нашёл точку, где расстался с разумными, в уме провёл примерную черту между здесь и там. Километров сто восемьдесят – двести. Далековато. Прикинул примерный маршрут. Что-то подсказывало, что Зюзя будет ждать меня именно там. Да и успеть вполне можно, если постараться.

Состряпав приблизительный план действий, довольный, пошёл мародёрить. Идти далеко, без припасов нельзя.

Добрался до торгового зала. Тут пришлось присесть на корточки, чтобы не маячить в невесть когда выбитых витринных окнах. Забрался за разбухшую от залетающих внутрь косых дождей и сезонной влажности стойку. Первым делом пошарил в ящиках – именно там обычно хранились пакетики с чаем, кофе. Повезло. Нашёл аж две упаковки и того, и другого. Поискал сахар в стиках. Нет. До меня кто-то оприходовал данную ценность, как и всё мало-мальски съестное. На полу в изобилии валялись потоптанные, выцветшие упаковки из-под орешков, семечек, чипсов. Содержимое мышки растащили, не иначе. Жаль.

Вдоль противоположной главному входу стены – пустые пивные витрины, поваленные стеллажи со всяким ненужным барахлом... Один огнетушитель радовал – висел у дверей и как новенький задорно блестел красной краской, точно вчера с завода.

В заброшках всегда так. Обязательно найдётся что-то, неподвластное времени, торчащее подростковым прыщом на самом виду и пугающее до одури. Будто кто-то специально сюда это «нечто из прошлого» притащил и с минуты на минуту вернётся. Бр-р-р.

Прямо на полу, у дальнего холодильника валялась пара десятков бутылок с водой. И зачем вывалили, если брать не собирались? – никогда такого варварства не понимал.

Открыл, понюхал – нормально, не протухла. Данному феномену уже давно перестал удивляться.

С удовольствием напился. Взял пару про запас, сунув их в заплечник.

Пока упаковывал – взгляд снова натолкнулся на холстину с чем-то вкусным, выданную мне в фортике. Не стал открывать – могу и искуиться. После попробую, а пока – двигаться надо.

Переполненное событиями утро не отпускало. Нервы, взвинченные до предела, понемногу успокаивались, однако в ушах регулярно мерещился шум работающих вдалеке моторов. Прислушаюсь посильнее – ничего, никого. Через время – снова. До сих пор толком не верилось, что сумел выбраться из сегодняшней переделки.

Вот и сейчас, на грани восприятия, мелькнуло что-то, заставившее насторожиться.

Замер, не дыша. Вроде бы тихо.

Стараясь не издать ни звука, выбрался из здания так же, как и вошёл – через служебный вход. Улыбнулся привычным кустам, погладил молодую листву рукой. Приятнее мне снаружи, уютнее. Дичаю. Или возвращаюсь к первобытным истокам. Или в тюрьме насиделся. Кто знает?

С другой стороны заправки некто невидимый негромко, сухо закашлял, заставив вздрогнуть и развернуться.

Не понял! Я же никого не слышал!

Догнали?! Местные?! Мимохожие?! Фроловские?!

Перханье исходило однозначно от человека, твари так не умеют.

Зато пришло понимание того, почему я прошляпил появление неизвестного или неизвестных. Дорога. Асфальт. В мягкой обуви, умеючи можно двигаться практически бесшумно. Значит, не боятся... Не прячутся по кустам. В открытую прут.

Дальнейшее отступление показалось бессмысленным. Развернулся, присел, выставив «огрызок» перед собой. На всякий случай попробовал двигаться задом – и сразу получил болезненный укол сучком в поясницу. Ветки кустарника предательски затряслись.

Стоп. Стоим. Ждём. Вполне возможно, что не заметят.

Напрягся, вслушиваясь. В глазу защипало. Выступивший от волнения пот каплями полз со лба вниз, вызывая непреодолимое желание вытереть лицо. Не сдержавшись – мазнул по физиономии рукой. Вроде полегчало.

Топ... Топ... Через раз шаги дополняет мягкое, почти неслышное постукивание. Идёт один человек. Где другие? По одному сейчас не гуляют – условия не те. Стук-стук... Да чем это он? Для чего? Сделал посох, как калика переходящий из сказок? И по асфальту стучит? Дичь какая-то...

Так, не стоит отвлекаться. Прикинем: дорога, одиночка, не прячется. Объяснение напрашивается только одно – некто или такой же, как я, беглец, или, что более вероятно, посторонний человек. Преследователи по одному не ходят.

Неизвестный опять закашлялся. Еле слышно, давя рвущиеся наружу хрипы.

Пусть идёт. Нам не по пути.

Дождавшись, пока шаги стихнут, медленно развернулся и, стараясь не высовываться, направился в сторону от дороги, оставляя дома по левую руку.

Обогнув ненаселённый пункт, на поверку оказавшимся не таким уж и большим, решил устроить привал. С раннего утра на ногах, ещё и не спал более суток. Если не отдохну – начну терять темп, притупится внимание.

Недолго думая, плюхнулся в местечке поукромнее. Не сдержался – полез в сидор и достал оттуда заветную тряпицу с чем-то вкусным. Торопливо развернул, судорожно сглатывая слюну... Харч богов!

Передо мной лежала приличная горка вяленого мяса, нарезанного тонкими, почти прозрачными полосками. Ценная пища. Лёгкая, калорийная, долго не портится.

С наслаждением отгрыз небольшой кусок от одной из полосок и принялся пережёвывать. Медленно, давая вкусовым рецепторам прочувствовать все кулинарные прелести деликатеса. Запивал водой.

Немного подкрепившись, на радостях позволил себе полчаса отдохнуть. Ложиться побоялся – ещё ненароком задремать не хватало! Просто сидел, вытянув ноги. Расслаблялся, ни о чём не думая. Потом мыслить начну, когда уберусь подальше. А пока – упор на инстинкты: обоняние, осязание, зрение, слух. Они сейчас поважнее будут.

Привал пошёл на пользу. Нет, вставать и делать первые шаги было, конечно, тяжело. Организм всю требовал прекратить его безжалостную эксплуатацию, вернуться в сидячее положение и балдеть дальше. Однако ничего – поскрипел, повозмутился, а через пару десятков метров послушался и быстро вошёл в ритм.

Обогнув по широкой дуге дома, выбрался к местному тракту. На всякий случай заглянул в карту. Дорога из ненаселённого пункта, как по заказу, шла на такой нужный север. До следующей деревни, километрах в семи. Потом слегка поворачивала, забирая восточнее.

И вот тут вылезла закавыка, не обозначенная на карте. Едва выбрался к шоссе – скрипнул зубами от досады. Оно пролегло между двух здоровенных, без единого деревца, поросших травой полей. Из укрытий – лишь жалкие островки кустарника тут и там, настолько редкие, что ни о каком скрытном перемещении не могло быть и речи. А в остальном – как обычно. Асфальт, вдоль него – тополя. Прямая линия. Просматривается – километра на три. От одного края поля до другого. Потом поворот и начинается лесополоса. Глянул по сторонам – обходить долго. Вряд ли до вечера управлюсь. Рискнуть? Людей не видно, засаду здесь делать не на кого. Самая большая опасность – со спины выйдут так, что замечу не сразу.

Пробежать? Уже интереснее. Минут за двадцать должен справиться, тем более на отдохнувших ногах. Может, и быстрее. Не знаю.

Да пошло он всё! Не давая себе впадать в рассуждения, вышел на дорогу, обернулся на оставшийся позади ненаселённый пункт, ничего не увидел, слегка успокоился и побежал. Трусцой, строго соблюдая чередование вдохов-выдохов, не забывая вертеть головой по сторонам. Неприятно забухал по спине плохо подогнанный сидор. Упущение...

Только разогнался – справа замаячили останки старой автобусной остановки. Крыши не было, боковые стены, призванные защищать от дождя, снега и прочих погодных неудобств отсутствовали изначально. Вместо них криво торчали ржавые трубы, игравшие в своё время роль опорных стоек. Ни скамейки, ни таблички с названием. Уцелела только бетонная площадка основания. И из-за неё медленно поднимался человек...

– Привет, Витюша! – поздоровался со мной Фоменко. – Вот уж кого не ждал!

Я от неожиданности остановился, как вкопанный. Первым делом кинул косою взгляд на его руки – оружия нет. Вместо огнестрела – трость, обмотанная внизу тряпкой для более тихого хода. Вот, значит, кто меня на заправке до чёртиков напугал...

– Здравствуйте... Вы как тут? – брякнул первое, что пришло в голову.

– Ножками. Как и ты. Не бойся – я здесь один, – будто долго готовившись, скороговоркой сообщил старик. – Мой охранник отстал. Не застрелишь дедушку?

У него на виске заметно дрожала жилка. Тоже боится, выходит?

– Не планировал.

– И на том спасибо, – окончательно выбираясь на асфальт, улыбнулся Петрович. – Ты вдоль дороги шёл?

– Да, – не видя смысла скрывать, признался я.

– Крюк накинул, – «обрадовал» меня старый знакомый. – А я по прямой чесал. Сначала до, – тычок тростью в сторону ненаселённого пункта за моей спиной, – потом по главной. Потому и опередил.

Первоначальное удивление от нежданной встречи сменилось ещё большим удивлением. Не прячется, выходит первым. Зачем? Разумнее было бы пальнуть мне в спину и обобрать. У него же из видимого имущества – кроме спортивного костюма, палки и мягких, удобных сандалий ничего нет... Вот и объяснение тихих шагов нарисовалось... Что в карманах – не знаю. А у меня по сравнению с дедом – целое богатство в ассортименте. От еды до автомата.

Резко обернулся назад. Никого. Пусто. Или в...

– Да один я! – нервно повторил Фоменко. – Один! Не стой столбом. Давай отойдём, поговорим. Туда, – теперь трость указала за остановку. – В ложбинку.

Отказываться не стал. Этот старик – кладёшь информации и раз он, как и я, сейчас в полной заднице, то весьма велика вероятность узнать что-то весьма полезное. Иначе, зачем ещё он вышел? Наверняка мне щедрое предложение сделать хочет – больше предлагать, похоже, тут некому. Соглашаться или нет – ещё посмотрю, однако на собственной безальтернативности поиграть стоит.

– Только недолго.

– Да уж понятное дело, – с раздражением пробормотал Петрович, неуклюже спускаясь вниз по обочине.

За бетонной площадкой действительно обнаружилась скрытая отовсюду впадинка. Немного сырая из-за регулярно скапливающейся в ней воды после дождя, немного забитая следами цивилизации – пустыми бутылками, пробками, кусками пластика непонятного происхождения.

Усевшись на пологом склоне, я дождался, пока Фоменко выберет себе место по вкусу и задал, как мне казалось, довольно важный вопрос:

– Почему вы один? Я же видел – вас из фортика двое выводили.

Устроив трость между колен, прокашлявшись в кулак, он первым делом зачем-то

пожаловался:

– Простыл, ё... ночи сырые, теперь все суставы ломит... – и без предупреждения о смене темы перешёл к ответу. – Любая, даже собачья преданность имеет свои границы, и важно с ней не перегнуть палку. Мой человек меня честно спас, вывел куда сказал – я его отпустил искать своих. Все же разбежались... А у него жена, дочка... Не нужно заставлять делать выбор между семьёй и долгом. Никого и никогда. В противном случае велика вероятность, что тот, кто готов идти за тобой в огонь и в воду, может запросто сорваться с моральной резьбы и наворотить дел. Всяких. В том числе и нехороших... Второй мой человек там остался. У сада. Навсегда.

Н-да... Неожиданно.

– Ясно. Никогда не рассматривал преданность с этой точки зрения. Может вы и правы...

– Поживи с моё – узнаешь, прав я или нет, – Петрович не стал ни подтверждать, ни опровергать мою топорную сентенцию. – У тебя пить есть? Во рту пересохло.

Не жадничая, протянул ему бутылку с водой. Тот, очертив лёгким кивком так и не увиденную от меня ранее благодарность, шумно напился.

– Хорошо... Какие планы у тебя дальше, Витюша? – по привычке начал издалека Фоменко.

Я неопределённо пожал плечами.

– Не знаю. Для начала затеряться. Чует моё сердце – ваш бывший помощник просто так не отвяжется.

– Есть такое. Серёжа парень вьедливый.

– Думаете, ловят?

– Наверняка. Я бы точно такую самодеятельность не спустил. Тут дело принципа и основ правления. Одним простишь, вторым – и конец твоей власти. Уважать перестанут. По-хорошему, его псы должны здесь уже к позднему вечеру быть.

– Откуда такая точность?

Вместо ответа старик, заставляя нервничать, долго, печально смотрел на чистое, безоблачное небо.

– Жаль, – философски заметил он. – Жаль уходить. Столько всего сделать не успел... Мечтал, верил, надеялся, потом – как серпом по горлу. Внученька...

Душевное смятение – штука, конечно, хорошая, но не то время и место.

– Вы не ответили, – я безжалостно вернул пенсионера в реальность.

Помогло. Глаза бывшего Фоминского владельца превратились в щёлочки, желваки заиграли.

– Потому что за нами погоня отправилась не раньше полудня. На момент нашего ухода все... пусть будут «специалисты-поисковики», находились в других местах. Точно знаю. Их, как ты понимаешь, надо собрать, доставить на место... Только не обольщайся! Ребята там вдумчивые, лесоходные. Медлить не будут. Нас не упустят. Но настигнут не сразу – оторвались мы прилично. Добавь к этому вариативность поисков. Сомневаюсь, что они быстро на наш след встанут. Сначала одних беглецов поймают,

потом других. Опросят, выводы сделают. А это потеря времени. Пока разберутся – часа три пройдёт. Получается – небольшая фора у нас есть. Машины вряд ли задействуют – шума от них много. Пешочком, след в след, и дешевле, и надёжнее. Прочёсывание местности тоже вряд ли решатся устроить. Много людей сюда не перевезёшь, у действующего автопарка попросту мощностей не хватит, да и понимать надо, в какую сторону цепь направлять... А в фортике ГАЗельки того... – он захихикал. – В обозримом будущем никуда не поедут. Поломались... К тому же, ты и я рванули в другую сторону от запланированного маршрута, а люди – не знаю. Думаю, просто разбежались, куда глаза глядят.

– Бросили своих? – презрение в голосе скрывать не стал. Не хотелось.

– Почти, – буднично согласился Петрович. – Когда в прорыв пошли – начал работать принцип «каждый сам за себя». Не уйти пёхом от обученных спецов. Никак. Я это изначально понимал и надеялся исключительно на удачу. И честно всех предупредил. Кто согласился – шёл на свой страх и риск.

– А вы им рассказали, что пойдёте в другую сторону?

– Нет.

Вроде бы и простое слово прозвучало, всего три буквы, но сколько же в нём было... всего. Перед глазом проносились картины испуганных до ступора женщин, плач детей, проклинаящий меня мужчина... А причина их горя сидит передо мной. Пьёт водичку, вспоминает былое...

Как не убил – сам не понимаю.

На этом расспросы прекратил. И так понятно – поинтересуйся я мотивами – и на меня выльется целый поток неоспоримых доводов, логических построений, неприятных, суровых фактов, обеливающих говорящего. В этом Петрович мастер. Всю жизнь людям про светлое будущее втирает. Поднаторел.

Без шелухи понятно – пойдя дедок вместе со всеми, его бы в два счёта поймали. Выпутывался, как умел. Жить все хотят, несмотря ни на что.

Помалкивал и Фоменко, снова посматривая вверх.

Мы будто договорились негласно, пропустив эмоциональную, но ненужную часть нашей беседы. Я – догадался об его истинных мотивах, Фоменко – изначально знал. Судилище излишне. Оно ни к чему не приведёт.

Через минуту, посчитав приличествующую моменту паузу оконченной, старый хрен снова меня удивил.

– А ведь ты кого-то потерял... Там, на севере. Слишком нервно ты себя повёл, когда я про яд рассказывал... Женщину?

При упоминании таких недавних событий комок подступил к горлу.

– Вам... какое... дело?... – Ольга и Бублик словно рядом встали.

– Значит женщину... Плохо это, знаю... Любишь, любишь... раз – и нету. Кусок себя теряешь.

В издёвку над нами, где-то в зелёной, успокаивающе-шумящей кроне высокого дерева разразился своей певучей трелью соловей. Долго выводил, переливчато, с наслаждением. Не выдержав, я схватил «огрызок» и выстрелил в воздух. Не целясь, просто для шума, чтобы заткнулся. Помогло. Глупая птица умолкла.

– Зря, – укорил Фоменко. – Душевно пел. О красивом. Про обозначение места наших посиделок и упоминать не стану. Дурак... Хорошая была?

– Да...

– Сочувствую, – как мне показалось, искренне, проговорил он. – Достойная женщина в любой эпохе редкость, а сейчас – почти фантастика. Мало их. И нас мало.

– Вы это к чему?

Лицо старика сморщилось, точно сушёный гриб. К знакомым морщинам добавились новые.

– Работа у меня для тебя есть, Витя. Нужная, полезная... Со стопроцентной предоплатой. Если прекратил горевать – расскажу.

Ну, наконец-то! Не ошибся я в нём. Подготовка с прощупыванием закончена, теперь начинается интересное. Не может не начаться. Такие, как Петрович, попросту не умеют сидеть без дела и не вовлекать окружающих в различное дерьмо для реализации своих планов.

Состроив понимающую ухмылку, кивнул головой.

– Излагайте.

– Тогда пойдём отсюда, пока простатит не словили от сырости. По ходу обсудим.

Глава 10

На удивление, шли ходко – у Фоменко точно второе дыхание открылось. Постукивая тросточкой, он весьма бодро семенил рядом, практически не заставляя меня сбавлять темп. Не останавливался, не делал страдальческую физиономию, лишь изредка кашлял в кулак. Ещё и говорить ухитрялся, почти не сбивая дыхания.

– Дело у меня к тебе, Витенька, вот какое. Хочу я с замом своим бывшим посчитаться. И тебя к этому мероприятию припречь. Вижу это так: первый этап – ты помогаешь мне выйти, куда скажу. Второй – поучаствовать в организации безвременной кончины нового фюрера... Тебе время подумать нужно?

– О чём? Вы пока ничего интересного не рассказали.

– С чего начинать? – посчитав столь нейтральный ответ проглоченной наживкой, бодро уточнил он.

– По порядку. С первого.

– Предложение моё простое. Я тебя вооружаю, одеваю-обуваю, могу золотишка подбросить – правда, потом. С собой у меня ничего ценного нет. Взамен ты сопровождаешь меня до Тулы или её окрестностей. Понимая твою осторожность, уточню – заходить со мной куда не нужно. Едва выйдем к тамошнему блокпосту или форту – договор автоматически считается выполненным.

Не заинтересовал, о чём я не замедлил сказать.

– Зачем мне возня со старым человеком? Одному и проще, и быстрее. Оружие у меня есть, – не поленился, продемонстрировал калаш, – еду найду. Стоит ли таких рисков упомянутая награда – крепко сомневаюсь. Вы – обуза в данном случае. Опять же, погоня за спиной. И ищут именно вас, моя персона не столь ценная.

Смутить Петровича столь примитивной и одновременно железной логикой не удалось.

– Согласен. Полностью. Но, Витенька, разве я похож на человека, который не имеет туза в рукаве?

Пришлось признать, что нет.

-- Есть ещё что-то?

– Да. Имеется у меня один хороший товар. Дорогой. Редкий. Тебе – в самый раз будет.

От таких купеческих заходов я рассмеялся.

– Андрей Петрович, вы меня как дурачка на рынке обхаживаете. Чего впарить хотите по сходной цене?

Фоменко веселья не разделил. Наоборот – сжался, втянул в голову в плечи, превратившись из обычного старика в некое подобие хищной птицы. Тросточка застучала дробнее, его шаг ускорился.

Догонять не стал. Шёл с прежней скоростью, ожидая продолжения.

– Месье, – прохрипел мой временный спутник. – Посчитаться за ту... или тех, кто у тебя был. Поможешь мне – спишешь свой мужской долг перед ними. Весь или частично – решай сам.

Правду сказал. Имеет козыри. За сегодняшний день я старался не думать о добровольно взошедших на погребальный костёр, однако вечно так продолжаться не могло. И Петрович сейчас подсказал мне именно то самое, верное решение. Я ведь не смогу утереться и забыть. Не смогу и делать вид, что всё в прошлом. Не смогу...

Взял он меня. С потрохами взял своими речами. Однако расстройства от того, что я в очередной раз становлюсь чужой марионеткой с непонятными мне правилами кукловода, не было.

Неожиданно пенсионер остановился. Глубоко, медленно задышал, судорожно зашарил в кармане мастерки. Извлёк оттуда продолговатый белый цилиндрик, вытряхнул из него маленькую пилюльку. Закинул её под язык.

– Нитроглицерин, – устало пояснил Фоменко. – От сердца. Просроченный, но работает. Погоди немножко... скоро отпустит.

Остановился рядом.

– Помочь?

– Нет... Ты о моём предложении думай, а не обо мне. Время дорого.

– Интересное, – не стал я лукавить. – Но как вы собираетесь свою, без сомнения, грандиозную идею в жизнь воплощать?

– Каким кверху, – резко бросил старик. – Деньгами. Другого эффективного оружия у меня нет.

В груди закипела злость! Он что, действительно думает вот так, запросто, одними обобщёнными идеями отделаться?! Навешать лапши на уши – и хватит?!

– Не суетись, молодой! – осадил мой порыв Петрович. – Дай отдышаться. Всё расскажу.

Решив немного потерпеть, обернулся назад, в сторону ненаселённого пункта. Никого. Тишь да гладь. Идеальное спокойствие.

– Пошли...

Изначальный темп давался теперь старику с трудом, однако он не сдавался – шустро перебирал ногами, смотрел вперёд, только шаги его стали помельче и на палку налегал сильнее.

– Я связи наладил... давно... Тайные... – с одышкой заговорил он. – И с югом, и с севером... И везде интерес имел... На всякий случай у верных людей золотишко складывал. На чёрный день... И вывезенное из банков, и... по-всякому получалось. В Туле – тоже. Мы туда семенную пшеницу отправляли. Понемногу – два-три мешка в караване. Круглым путём... Изначально по политическим соображениям, потом оно как-то само наладилось. Выручку там оставлял. Скопилось немного...

– Далеко, – ввернул я замечание.

– Далеко, – согласился Петрович. – И хорошо, что далеко. Там у людей своя кухня, а так – расстояние соседские шероховатости сглаживает... В общем, хочу я нанять пяток толковых ребятишек со снайперскими наклонностями и обратно вернуться.

Звучало наивно, однако в открытую демонстрировать свой сарказм постеснялся.

– Вы действительно верите, что вам вернут ваши накопления?

– Конечно, – даже удивился спутник. – Речь идёт не о той сумме, за которую под нож пускают. Да и я её не увижу. Нужных мне людей мой же партнёр предоставит, рассчитается с ними сам. Ему – прямая выгода и рациональное капиталовложение. После моего возвращения наверняка и скидку требовать начнёт, и прочие удовольствия... От Серёжи он хрен что получит. Им в городе к осени самим жрать нечего станет, с таким военным коммунизмом...

При растолковывании выходило поубедительнее. Фоменко – тёртый калач и прекрасно понимает, что делает. Оставив в покое тонкости взаимоотношений сильных мира сего, спросил:

– Ну, дадут вам пятерых стрелков. Дальше что? У Фролова – гарнизон опытных вояк. Выследят, обложат, задушат. Стрельнуть в него из засады – опять же, он не сам по себе. Обратка будет.

– Если в лоб идти – то да. Пережуют и выплюнут. Узко мыслишь... Попробуй так: сгорела одна скирда с сеном для коровок, потом – поубивали несколько «диких гусей» на каких-нибудь выселках, через время – атаковали машину, железнодорожное полотно взорвалось, с дальних полей начнут пропадать люди... Посидят в укромном месте, ничего с ними не случится.

– Партизанщина?

– Она, родимая.

Я в изумлении покрутил головой, машинально отметив, что разговоры о мести приободряют старика: речь твёрдая, плечи расправились, в каждом слове – непоколебимая уверенность в себе и своих силах.

– А потом?

– Рано или поздно начнётся карательная-поисковая операция. Возможно не одна.

Придётся затаиться на месячишко. Отсидимся – снова начнём. Я знаю, куда бить... До конца июля должны управиться.

Озвучиваемый план в моей голове начинал понемногу обрастать додуманными подробностями.

Решил, значит, дедушка экономику парализовать... Поселение большое, долго на прошлогодних запасах не продержатся, да и подъели они всё за зиму. До нового урожая далеко. Голод при их внутренней организации не наступит, но пояса потуже затянуть придётся всем.

Старик надеется на бунт доведённого до ручки населения со всеми вытекающими? Подавят. Однозначно подавят. На врагов жертвы спишут, создадут ополчение для охраны оставшихся ценностей, пайковую или карточную систему придумают. Выкрутятся... Тогда в чём изюминка?

– Моя основная цель – вынудить Серёженьку Фролова к переговорам, – отвечая на невысказанные вопросы, говорил Андрей Петрович. – Довести до понимания того, что силой конфликт не решить. Ну а там, – блёклые губы раздвинулись, обнажая в нехорошей улыбке редкие зубы, – там... В тупую. Пулю в затылок или по-другому точку поставить... Не знаю. Пока не решил.

– Думаете, он поведётся?

– Не сразу. Потому и выдумал всю эту канитель. Я же не собираюсь кричать на всех углах о своей истинной цели. Для начала потребую вернуть своё место, через верных людей слухи пушу про узурпацию власти, про старые добрые времена. Начну торговаться через парламентёров... Запудрю мозги. Никуда он не денется. Придёт, как миленький.

– Без охраны? Без гарантий безопасности? Андрей Петрович, вы дурак?

На такое обозначение уровня своих умственных способностей Фоменко не обиделся.

– Ты меня не понял, Витенька. Моя задача не вернуть престол, а уйти красиво. Рассчитаться по долгам. Уйти Андреем Петровичем Фоменко, а не обдристанным изгнанником или пускающей слюни развалиной в почёте и уходе. Что случится потом – мне без разницы. Захотят люди жить как скоты, под пятой вояк – на здоровье. Не захотят – флаг им в руки.

Старик говорил о собственной судьбе как о давно решённом, взвешенном выборе. Без паники, страха, с непоказным равнодушием в голосе. Сильный человек.

Пусть. Имеет право. При всех моих не самых лучших воспоминаниях, связанных с этой неординарной личностью, он вызывал у меня восхищение. Глубокое, настоящее, из тех, когда понимаешь, что таких вот высот духа тебе не достичь никогда.

Я попроще, поговорчивей, попокладистой. Фоменко – нет. Так и чудился под дряхлым телом мощный танк, прущий напролом через любые преграды. Где не проедет – долбит из пушки, расчищая дорогу. Маневрирует изредка, да и то, исключительно по личному желанию.

С трудом разложив чужой замысел по полочкам, неожиданно поймал себя на мысли, что верю этому человеку. Горячусь... Не в моих правилах доверять одним лишь словам.

– Не боитесь, что я вас сдам с потрохами? Делитесь, злоумышляете... посреди дороги.

– У меня выбора нет, – скучно ответил мой временный спутник. – Самому не дойти. Нужен помощник. Приходится рисковать.

– И не пугает, что ваш бывший зам может знать о доверенном человеке? Направит туда своих орлов – и конец.

– Пугает. Очень. И здесь риск. А у тебя есть предложение поумнее?

Вот что значит опытный политик! Сходу пытается детализацию своих планов спихнуть на меня, а себе оставить лишь роль контролёра-наблюдателя с правом внесения изменений! Уважаю...

– Нет. Я просто понять хочу, куда вы меня затащить пытаетесь. К тому же, до сих пор остаётся непонятной моя роль. Каким способом предлагаете отомстить? По людям вашего преемника работать будут наёмники, финал вы приберегли для себя. А я – в каком месте? В сторонке постоять?

Петрович хмыкнул.

– А тебе не один хрен, с какой стороны кладбища прийти и помочиться на могилу своего врага? Хочется своими ручками Серёженьке кровь пустить? Или в войнушку поиграть? Так я не мешаю. Действуй. Или иди с нами, по уму отведёшь душеньку. Да, так тоже можно. Кто против? Про это изначально речь планировалась. Лишним или помехой не будешь, дисциплине обучим... Витя! Тебе результат важен или процесс?

– Результат.

– Вот и не морочь мне голову книжными закидонами! Герои-одиночки – сырьё одноразовое. Сделал подвиг – получил памятник посмертно и орден для семьи – хорошо! Следующий на выход... Но учти, тех, кто хотел сделать, но не смог – в тысячи раз больше чем тех, у кого получилось. А выживших среди них – кот наплакал... Войны выигрывают армии, а не одиночки. Ты же не из дурки сбежал, понимать должен.

Прокашлявшись, старик закончил:

– Слушай, давай завязывать с демагогией. Ты боишься вляпаться в очередное говно и не веришь ни единому моему слову. Я боюсь получить от тебя прикладом по затылку да сдохнуть под кустом. Мы ОБА, – он выделил это слово, – конкретно бздим. И можем этим заниматься до бесконечности. Пора определиться! Да или нет?!

Упоминание припасов никак не хотело уходить из головы. В этом он вряд ли соврал. Слишком просто и быстро проверяется. Что дед может мне предложить? Без понятия...

Надо перенять опыт Фоменко отстаивать собственные интересы всегда и везде, при любых обстоятельствах. Тебе выдвинули условия – в ответ стоит выдвинуть свои и торговаться по максимуму.

Да и прежде чем дать ответ предстоит серьёзно подумать о многом. Например, о том, что он может меня слить при малейшем намёке на выгоду. Или о своих перспективах после того, как Петрович доберётся до так нужного ему знакомого. Их я примерно представляю – вполне могу пойти в качестве бонуса к оплате за стрелков. А может, обменяет дедушка своего недалёкого провожатого на пару гранат или на приличный обед. С него станется.

Мы подходили к месту, где дорога делала поворот и прямая её часть оставалась позади. Захотелось побежать, чтобы поскорее почувствовать за собой защитную листву, скрывающую тело от посторонних глаз – устал оглядываться. Но мерное туканье тросточки попутчика словно сдерживало, требуя принять решение здесь и сейчас.

И я принял.

– Наверное, нет.

Отказ старик выдержал спокойно. Не сбавляя хода, он еле заметно пожал плечами, ничем не проявляя расстройств или негодования по поводу разрушающихся, как карточный домик, планов и бросил:

– Нет так нет. Иди. Не держу. Благодарю за честность.

Ни требований объясниться, ни сладких посулов. Сказал – как отрезал.

Замолчали оба, просчитывая продолжение разговора. Кто первый пойдёт на уступки?

Решил ему подыграть.

– Андрей Петрович! Я был бы рад работе, но попроще, без глобальных целей. Если есть что – говорите. За труды возьму припасами.

Пенсионер улыбнулся уголками рта, приписывая победу в этом маленьком поединке себе и довольный, продолжая движение, умело симитировал задумчивость.

Я подлил масла в огонь, прекрасно понимая, что он набивает себе цену, молчанием соглашаясь на торги. Есть у него предложения, есть. При таком изворотливом уме не может не быть.

– Вы же меня знаете. Кидать не имею привычки.

Подействовало.

– Х-хех... Можно и так. Помоги пока дойти до одного места. Там охотничий схрон. Мы таких много сделали по окраинам. Продукты, оружие, медикаменты... Излишки, в общем. Давно лежат без дела.

– Зачем?

– Для поисковых групп. В пути всякое случается. Патроны закончатся или ранят кого... Придём – сам увидишь. Потом расходимся, если не передумаешь.

– Далеко?

– Достань карту.

Не останавливаясь, скинул заплечник, извлёк сложенный в несколько раз лист бумаги и протянул его старику.

Тот, бегом глянув, уверенно ткнул пальцем.

– Здесь. Километров двадцать ещё.

– Вы уверены? – в указанном на бумаге месте отсутствовали какие-либо пометки. Ни деревни, ни прочих контурных знаков. Только обозначение некоего некрупного водоёма.

– Я не уверен. Я – знаю. Сам придумывал точки для закладок. По старой памяти. За погоню не бойся. Другой дороги туда нет. Они следом идут...

Мельком брошенный на небо взгляд сообщил о скором наступлении вечера.

– Останавливаться нельзя. Придётся ночью идти, – озвучил я свои соображения. –

Справитесь?

– Ты за мной ещё гнаться будешь. Только давай поболтаем. За трепотнёй путь короче...

...Собеседником Фоменко оказался великолепным. Спрашивал по делу, в душу не лез, рассказывал много такого, о чём я и не подозревал. Как-то само собой получилось, что основная инициатива перешла к нему и разговор незаметно свернул на его биографию. Занимательные вышли истории. Андрей Петрович, время от времени забрасывая под язык таблетки, чрезвычайно увлекательно, в простой и доступной форме поведал мне о становлении своего бизнеса, о разборках с такими же «дельцами» в «святых девяностых», о том, как все всех жрали и сами же давились свинцом.

С весёлым смехом он вспоминал свой первый малиновый пиджак, шестисотый мерс, золотую цепь толщиной в указательный палец. «Тяжёлая была, зараза! – уточнял старик. – Только на стрелки и одевал. Для авторитета».

Когда подобрался к двухтысячным – рассказы, перекочевав из плоскости разудалой махновщины в период восстановления порядка в государстве, стали более жёсткие, злые. Выходило, окрепшие после безвластия силовики занялись новым переделом разворованной собственности. В газетах тонкости освещались мало, однако бывшим «реальным пацанам», привыкшим брать исключительно нахрапом, пришлось несладко. На распальцовке договариваться уже не получалось, взяток с них особо никто не вымогал.

По результату многие отправились смотреть, как цветочки снизу растут, некоторым удалось откупиться и свалить из страны; совсем уж немногие, как Фоменко, правильно сообразили, откуда ветер дует, и рванули во власть, быстренько очищая по всем инстанциям заметки о собственных биографиях и привыкая к пониманию царственной вертикали.

Освоились быстро. Научились носить правильные костюмы, говорить в узких рамках действующего политического курса, делиться с верхами скромными доходами от распила бюджета.

Понравилось. Почувствовали себя хозяевами отдельно взятых финансовых направлений. Иногда, конечно, грызлись в открытую, держали камень за пазухой – не без того, но в большинстве своём грань допустимого знали и старались её не переступать.

Постепенно добрались до Мора. И вот тут он заткнулся. Почему – не понял. Потом дошло. Вся его семья умерла, кроме внучки. Да и она не зажила... Кому такое вспоминать понравится?

Хотел было сменить тему – и ничего не придумал. Так и шли молча, до глубоких сумерек по дороге, пока Петрович вдруг не ткнул пальцем в плохо заметный поворот.

– Сюда. Здесь грунтовка. По ней ещё столько же. Предлагаю привал. Ты поспи пару часиков, тебе надо. Вон, – палец ткнул в темноту. – Там будка газораспределительная стоит. Я её хорошо помню. Как ориентир использовал, чтобы нужный поворот не пролететь... На крышу лезь. Не переживай – разбужу.

Возражать не стал. Устали оба до чёртиков. Целый день в движении.

– А вы?

– Тут посижу. Годы мои не те – верхолазаньем увлекаться.

– Но твари...

– Разберусь, – ответил старик и в его руке появилось нечто, обозначенное лунным

светом как пистолет.

У меня отвисла челюсть.

– Пацан ты ещё, – пренебрежительно прокомментировал мой обескураженный вид Фоменко.
– Сопляк. Спать иди.

Выспаться толком не получилось. Несмотря на дикую усталость – мешало всё. И плоская твёрдая крыша будки, на которую я забрался по совету Петровича, и всякие жучки, с завидной регулярностью сновавшие туда-сюда по своим делам, и ночная прохлада, безжалостно забиравшаяся под одежду и заставляющая ворочаться. Потому вместо планируемого сна получилось чёрт знает что, перемежаемое короткими провалами в пограничное между сном и явью состояние.

Окончательно встал с первыми лучами солнца. Невыспавшийся, усталый, самоощущение – будто палками побили. Мокрый от утренней росы.

– Петрович! – позвал я старика, злой на весь мир.

Какие два часа на отдых – не менее пяти прошло! Совсем дедушка сбрендил – во времени путается?

Вряд ли. Не тот случай. Петровичу до старческого слабоумия ой как далеко... Странно. Сам же предлагал тут не расслаживаться, разбудить обещал.

Или свалил?

Не велика потеря, конечно, но неприятно. Зачем? Со мной ему спокойнее. Он ведь даже не жавши – вчера вечером от еды отказался, ограничился водой. Далёко не уйдёт, ослабнет.

Спустился на землю. Здесь невысоко – метра два, от силы. При небольшом навыке – вообще не высота. Пару раз присел, разминая ноги, покрутил туловищем, помахал руками. Вроде разогнал кровь, взбодрился.

И заметил сандалию. Сначала её, потом ногу в спортивных брюках. За углом. Присел у стенки и спит, что ли?

Внутренне посмеиваясь, я пошёл к старику, готовя на языке довольно солёную шутку. Только свернул – и остановился, не дыша.

Фоменко лежал на боку. Мёртвый. Глаза полуприкрыты, тело в какой-то несуразной позе, изо рта торчит кончик языка. Возле безвольно лежащей на земле руки – уже знакомый мне цилиндр с лекарством. Крышки нет – мелкие, беленькие таблетки рассыпались по траве.

Вспомнилось – он вчера регулярно нитроглицерин глотал. Не выдержало, значит, вчерашних нагрузок сердечко. Подвело железную волю владельца. Бывает...

Присел рядом, на корточки, дотронулся тыльной стороной ладони до щеки покойника. Прохладная. Успел поостыть.

А я и не слышал ничего.

Жалости, как таковой, к этому человеку у меня не было. Он мне никто. Люди всегда умирали и будут умирать – этот постулат надо принять как данность и перестать обращать внимание на уход окружающих за край. О каждом не наплачешься. Исключение –

родные и близкие. Те, кто стал частью тебя и с ними исчезало что-то этакое... невосполнимое. Тогда да, тогда и поплакать не грех, и помянуть.

Гораздо жальче было его планов. Больших, мощных, продуманных – на другие Петрович не разменивался. В них я понемногу начинал видеть и себя. Пока ещё невнятно, смутно, исключительно в общем и непременно независимой стороной будущего конфликта... Да без разницы уже, что напридумывалось за эту ночь!

По сути, новый городской глава Фролов, сам того не зная, этим утром выиграл войну и спас свою жизнь. Не сделав ни единого выстрела, не выходя за пределы Фоминска, не отдав ни одного приказа. Везунчик. Прямо хоть продавай ему эту новость. Задорого. Не торгуясь заплатит.

Без брезгливости обыскал труп уже бывшего попутчика. В карманах – ничего особенного. Ещё одна коробочка с лекарством, футляр с очками, запасной магазин к пистолету.

И он, получается, налегке уходил, без всего...

Сам пистолет обнаружился в кобуре-оперативке под мастеркой. Glock 19. Угловатый, с удобной рукоятью, весь из себя такой надёжный, основательный.

Наскоро разобрался с устройством нового для меня оружия. Никогда раньше в руках подобный не держал. Единственное, что удалось вспомнить о производителе – фирма серьёзная, дрянь не делала, постоянно на слуху была.

Выщелкнул магазин – полный. Посмотрел на патроны – нет, не попадались мне такие. А жаль. Пистолет в наши дни – вещь относительно редкая. С ним, конечно, не поохотишься и издалека никого не подстрелишь, ну так он и не создан для этого! Такому красавцу короткие дистанции подавай, там он развернётся...

Вернув магазин на место, принялся стаскивать кобуру с покойника. Неудобно оказалось, однако справился – вместо того, чтобы ворочать тело, ремни расстегнул. Едва добыл – сходу напялил сбрую на себя. Под куртку. Убрал в неё Glock. Левую руку слегка оттянуло. Нормально, привыкну. Не такой уж он и тяжёлый.

Больше тут делать нечего. Пора прощаться.

Поднялся, в последний раз окинул взглядом тело покойного.

– Ладно, бывай, Петрович! Хоронить, извини, не буду. Ты мне можешь последнюю службу сослужить. Бесплатно, хотя это и не в твоих правилах, – против воли из груди вырвался горький смешок. – Тебя найдут – авось и от меня отстанут. Такая вот фигня...

Посчитав погребальную речь законченной, я решительно повернулся в сторону дороги.

Над головой запел, затирлинькал соловей. Поднял голову, силясь разглядеть в листве серенькую, неказистую с виду птичку. Не смог. Пусть поёт. Может, это он погребальную песнь выводит. Глупость, конечно, но отчего-то думалось именно так.

Открыл сидор, осмотрел припасы – дня на два. При экономном расходе – на три. Потом – голодуха, неизбежная мародёрка по пустым домам и опять же, промедление в пути.

С сожалением глянул на свой «огрызок» – я из него со ста метров и в старый дуб не попаду, куда уж о более мелкой дичи задумываться.

Выбрался на обочину. Потоптался в нерешительности. Куда идти? Если на север – увеличиваю расстояние между собой и некими преследователями, но не попадаю в схрон

с припасами. По грунтовке, у которой ночевали? Вон она, вбок уходит, почти незаметная – теряю время. Пока дотопаю, пока (и если) найду нечто, припрятанное по указке Фоменко, пока выберусь оттуда... – долго.

– Витя!

Откуда позвали – не понял. Прыгнул назад, на дорожный откос, прямо на пузо; перекатился, выставил калаш перед собой. В животе похолодело.

– Гав! – басовито, грозно раздалось почти рядом.

– Тяф! – вторил более тонкий голос.

Обалдеть... Такого быть не может!

– Зюзя?! Роська?!

Первой показалась собачка. Из кустов, с другой стороны дороги. Осторожно высунула свою ушастую головку, убедилась, что я её вижу и узнал, после чего бросилась прямо ко мне.

За ней молнией вылетела доберман.

Через пару мгновений я был зализан, обпрыган, обтопан непомнящими себя от радости разумными. Рося вертелась вьюном, не останавливаясь ни на секунду и норовя угадать в своих пируэтах так, чтобы моя ладонь прошла по её спине. Зюзя без затей бухнулась прямо на меня и принялась тихо скулить, положив морду мне на грудь и не сводя глаз с моего лица. Отпустил автомат, переместил освободившуюся руку ей на холку, провёл пару раз по шерсти.

– Привет, мои хорошие...

Меня снова яростно, щекотно облизали. Собаки такие собаки...

– Дайте подняться, – прерывая нескончаемый поток нежности, попросил я разумных. – Вы же во мне дырки протрёте.

С отчётливо читаемым сожалением доберман сползла на землю, устроилась рядом, стараясь как можно большей площадью своего тела прижаться к моему боку.

Уселся, и тут Рося забралась ко мне на колени, брякнулась на спину, смешно растопырив лапки и подставляя мне для поглаживания живот. Она любит, знаю...

...Когда первые эмоции улеглись, спросил:

– Вы как здесь оказались?

Наверное, в первый раз за всё время нашего знакомства ответила не Зюзя, а её подруга.

– Еда, – прозвенело в голове. – Кушать.

Говорила собачка, похоже, «для всех». Доберман недовольно рыкнула, бросив на неё полный осуждения взгляд. Та мигом перевернулась в нормальное положение и потупилась, виновато прижав уши.

Я присмотрелся – мои подопечные выглядели, мягко говоря, не очень. Грязные, худые,

когти стёрты почти до основания. Где же вас носило?

Отложив расспросы «на потом», без сожалений извлёк остатки сушёного мяса.

– Держите.

Дал по пластинке обеим. Разумные жадно зачавкали. Стараясь не думать о том, что отдаю последнее, скормил весь запас. После неуклюже поил из ладони.

Покончив с трапезой, скомандовал:

– Пойдёмте. По дороге расскажете о своих приключениях. И особенно о том, – я строго посмотрел на добермана, – почему вы меня не ждёте там, где договаривались.

Моя показная суровость Зюзя абсолютно не смутила. Она с удовольствием потянулась, зевнула, демонстрируя внушительные клыки и выскочила на асфальт, всем своим видом демонстрируя готовность к движению. Её подруга вертелась неподалёку, задирая нос и пригнувшись. Встал и я, только сейчас заметив, что все наши обнимашки происходили в каких-то пяти метрах от трупа Петровича.

Ну и что? Живым – живое. Он бы понял.

Вот только нацелились мои ушастые не туда, куда следовало...

– А куда вы, собственно, собрались? Нам сюда надо, – и быстро пошёл к грунтовке.

Появление разумных скорректировало мои планы. Зная их природные возможности по выживанию в незнакомой местности, я решился попробовать найти схрон.

Причин для такого выбора оказалось неожиданно много: еды нет; надеяться на охоту – бессмысленно, умеющей ловить всякую мелочь Росе нас не прокормить, а стрелять, по сути, не из чего; близко ко мне теперь не подобраться – ушастые не дадут, предупредят. Добавилось и то, что с дороги в любом случае надо сходить – слишком далеко меня видно. Это я с Фоменко по асфальту гулял, понимая, что для него на старых ногах так быстрее получается, а сам – не хочу...

Может быть, потом и разрешу себе некие вольности в комфорте передвижения, когда свалю подальше. Но не сейчас.

История столь внезапной встречи оказалась проста и незамысловата. После того, как меня засунули в УАЗик и увезли, ушастые, не став дожидаться какого-либо сигнала, сопоставили 2+2, быстренько разобрались в ситуации и рванули следом.

На простой вопрос: «А если бы я вернулся? Откуда вы знали, куда и как надолго я уехал?», Зюзя поведала, что нашла кабанов – Пряника и Калача, которых убедила ежедневно патрулировать местность и, в случае обнаружения меня, сообщить им.

– Как?! – не выдержав, вскричал я.

– Они бы попросили других передать нам, – уверенно, будто речь шла об обычном звонке по несуществующей нынче сотовой связи, заявила доберман. – Разумные быстро находят друг друга, если нужно. Запах помогает.

Лукавила она, чтобы я не возмущался их своеволием и не нудел правильными речами или сама верила в то, что говорит – не знаю. Почти двести километров расстояния! Это не комар чихнул!

Меня терзали сомнения...

Зато гораздо правдоподобнее выглядела другая версия, родившаяся походя: Зюзя с Росей отправились вдогонку, не особо задумываясь о варианте моего досрочного возвращения. Надеялись не разминуться в пути и наверняка попросту не смогли усидеть на месте, дожидаясь неизвестно чего.

Да, очень похоже на правду. Мои подопечные всегда отличались тем, что уж если они приняли решение, то остановить их в реализации задуманного было крайне проблематично.

Выпытывать правду и настаивать на дотошном разбирательстве не стал. Зачем? Обесценить собачий подвиг? А в том, что это именно подвиг – я ни капельки не сомневался. Прodelать своим ходом столь длинный путь, найти меня – по-другому обозначить их поступок и язык не поворачивается. Потому сделал вид, что поверил и продолжил слушать дальше.

...Разумные бежали по запаху автомобиля. В их понимании он вонял настолько отвратительно, что я невольно порадовался своему пустому желудку. Продемонстрированные через мыслеобраз ощущения более всего походили в нашем, человеческом восприятии на аромат недельного трупа, хорошенько прогретого на солнышке. Только более едкий и резкий.

Двигались ушастые уверенно – след держался долго, а когда поняли, что сильно отстали и даже препротивный запах стал рассеиваться – пошли по «маленьким тёмным пятнам».

Догадался сразу – капельки масла из двигателя или коробки. Сальник прохудился или иная напасть с машиной случилась – она ведь тоже не молодеет, старенькая совсем.

По ним и добрались до знакомого Зюзе по цирковому прошлому и прочим событиям Фоминска.

Первым делом разумные нашли коровье стадо. Пообщавшись, узнали много интересного, однако про меня – ничего. Не расстроились. Взяли под наблюдение два основных выхода из города и принялись терпеливо ждать, каждый вечер и под утро целенаправленно обходя защитную стену по периметру и выискивая мой запах.

Так и жили – днём выглядывали из укрытий, ночью вынюхивали. Кушали мало – охотится в светлое время суток боялись из-за спящих по всей округе людей, разыскивая пропитание исключительно при лунном свете. Получалось плохо. Если бы не опытная Рося, ухитрявшаяся находить в темноте какую-никакую дичь – совсем было бы худо.

– И сколько вы так прятаться собирались? – поинтересовался я для более полного понимания планов разумных по своему освобождению. – Мог ведь долго из города не выходить. Я клетке сидел. Или вообще, уехать ещё дальше.

При упоминании о таком знакомом доберману обиталище она зарычала, вздыбив на холке шерсть.

И я помню...

– Машина больше никуда не ездилa. Значит, ты за большой стеной... Мы хотели поймать человека оттуда и спросить... Я знаю, как спрашивать. Видела.

– Где?!

– Давно. Ты и худой высокий человек по имени Коля спрашивали. Там, где злые убили людей.

– Пытать, Зюзя. Это называется пытать... – невольно вырвалось у меня уточнение.

Был такой эпизод в нашей совместной биографии. Довелось нам обоим присутствовать при экспресс-допросе одной мрази, причастной к убийству целого поселения. Незабываемое зрелище со спорной моралью. Из здорового человека без анестезии фарш делали. Вроде и надо так было в тот момент, но... До сих пор себе простить не могу того, что участвовал.

– Пусть, – недовольно согласилась Зюзя. – Я запомнила. Убивать нужно не быстро. По кусочку. И много спрашивать.

Ужас какой...

– И ты бы смогла?

– Да. Ты моя семья. Он – нет. Я знаю, ты не хотел уезжать. Тебя заставили. Значит, он плохой. Нельзя никого заставлять делать то, что он не хочет. И мы хотели сначала не обижать. Только узнать. Напугать, если нужно. Люди нас боятся. Нам не нужна чужая боль просто так, мы не злые... Это, – она замаялась, подбирая правильное определение для своих намерений. – Это... если совсем говорить не захочет.

– А если бы человек не знал ничего?

Разумная в два прыжка оказалась впереди, резко развернулась и уставилась на меня.

– Нет! Мы хотели ловить человека из города! Тебя привезли туда! Значит – знает! Я знаю всех, кто живёт вокруг нашего дома. Она, – мордочка Роськи вспыхнула в голове и тут же пропала. – Всех знает. Ты говоришь не умно.

Святая простота... Доберман действительно не понимает, как жить среди себе подобных и чего-то не знать. Она и фоминских по своему, собачьему разумению воспринимает как одну большую семью. Пришлось растолковать тонкости человеческих взаимоотношений и то, почему у нас так всё сложно. Сумбурно получилось. Действительно, вот умом вроде и понимаешь все эти режимы секретности, иерархию власти, социальные статусы, разделения ответственности... А при попытке разобраться поподробнее неожиданно осознаешь, сколько в этой запутанной мишуре наносного и ненужного. Точнее, нужного лишь избранным, а основной массе – и даром все эти секреты не сдались.

Со скрипом довёл свою мысль до разумной. Для неё это был шок.

Медленно, глядя перед собой в известную только ей точку, Зюзя легла на землю, положила морду на лапы. Острые уши повисли безвольными лопухами, обычно подвижный чёрный нос замер.

К ней подошла Рося, легла рядом. Заскулила. Я остановился.

– Мы могли обидеть того, кто ничего не знал? – грустно спросила моя спутница, переварив услышанное.

– Могли.

– Хорошо, что мы это не сделали. Иначе плохо. Нельзя...

Присел рядом с разумными, потрепал их по головам.

– Ты права. Я тоже рад, что всё обошлось.

– И я.

– И я! – колокольчиком высказала своё мнение собачка.

Говорливой становится. Учится у подружки понемногу общаться с людьми. Ну и отлично.

...Мой побег из города подружки прошляпили. Ночная суета с поджогами, погоней и прочей суетой конечно привлекли их внимание, однако выйти на дорогу и поискать мои следы разумные побоялись. Слишком шумно было вокруг. Разобрались только под утро, еле вычленив нужный запах среди остальных. Не задумываясь, рванули следом за машинами преследователей и за ГАЗелькой, на которой я уехал.

До фортика Фоменко добрались утром – когда уже вся возня с обстрелом и переговорами закончилась. Зюзя мне продемонстрировала, как перед шеренгой понурых, свесивших голову людей прохаживаются неизвестные с автоматами. Неподалёку лежало несколько тел.

Не найдя среди оставшихся обожаемого Витю, ушастые принялись вновь искать мои следы. И снова им улыбнулась удача. В саду.

Приободрившись, Рося с Зюзей предпочли поскорее убраться подальше от людей и что там было дальше – я так и не узнал.

Пока догоняли – несколько раз останавливались на отдых. Собачьи возможности тоже имеют свои пределы, однако след не теряли.

Сюда они добрались глубокой ночью. Услышали мой храп, посмотрели на ещё тёплого Петровича. Попытались позвать. Я не проснулся, а громким лаем сообщать о своём присутствии собаки сами не осмелились. Отложили радость встречи до утра. Нашли местечко поуютнее и завалились спать.

Проснулись лишь единожды. К ним заходили разумные, обитающие в этих краях. К какому виду относились ночные гости, Зюзя пояснить не смогла. Показала картинку: две пары глаз с вертикальными зрачками, силуэты размером со среднюю собаку и уши с кисточками. Рыси!

Я икнул от страха. Этим тварям мои ухищрения по безопасности до одного места. Прыжок – и мне конец.

Доберман подтвердила мои опасения:

– Они хотели нападать и думали, что мы тоже на тебя охотимся. Предлагали кушать всем вместе. Я сказала – ты наш друг и нам нужен. Пусть берут мёртвого человека, когда мы все уйдём, – и тут же добавила, отведя взгляд в сторону. – Еда нужна всем. Они сказали: «Нет». Они не кушают тех, кто умер сам. Тогда я сказала, что буду сражаться за тебя и ты мой друг. Им стало интересно. Они ходили посмотреть на тебя, обещали не трогать.

Снова икнулось. Едва представил, как спящего меня разглядывают, точно ослика в контактном зоопарке для самых маленьких, два опаснейших хищника – стало нехорошо. Были бы волосы на остриженной голове – однозначно встали бы дыбом.

– Зачем? – сознание находилось на грани паники. – А если бы они меня сожрали?

– Нет. Они, – уже знакомые две пары глаз из темноты, – говорили честно. Не обманывали. Они хотели знать, чем ты отличаешься от других людей.

– Конне-е-ечно, – нервное хихиканье сдержать не удалось. – Я – особенный. Или

избранный.

Сарказма, заложенного в мою реплику, доберман не поняла, совершенно серьёзно опровергая:

– Нет. Ты – обычный. Как другие люди. Но ты – семья, друг. Это важно. Это главное. Те, кто приходил, меня спросили потом: «Зачем ты мне?» Я сказала: «Он моя семья. Когда плохо – он помогает. Когда плохо ему – мы помогаем. Всегда». Тогда они ушли. Все разумные понимают, что такое семья и насколько важно её иметь.

– Куда?! – перспектива получить на собственный задривок голодную рысь никак не отпускала.

– Не знаю. Далеко. Мы их не слышим.

Немного отпустило...

С рассветом Рося с Зюзей деликатно решили не мешать мне проститься с, как они считали, другом (в понимании разумных – вполне логично. Шли же вместе, а с врагами бок о бок не путешествуют) и терпеливо ждали, пока мне надоест горевать и можно будет показаться...

Выслушав столь занимательную повесть о мытарствах двух собак со счастливым, по их мнению, концом, первым делом спросил о возможных преследователях.

– Нет. Никого не видели, – честно ответила доберман и клятвенно пообещала. – Будем смотреть, стараться.

Рассказал ей о своих приключениях. Без подробностей, сознательно опуская ночную беседу с Фоменко. Потом как-нибудь поделюсь... Зюзе идея о том, что за нами могут идти неизвестные с ружьями, пришлась не по вкусу. Недолго думая, разумная побежала обратно, в сторону асфальта, на ходу уведолив:

– Я проверю. Не бойся, я осторожная.

Вернулась разведчица быстро, никого не увидев и ничего не заметив. Подобрала где-то палку, и мы пошли веселее, развлекаясь простой, древней как мир, игрой человека с собаками. Да, палок у меня быстро стало целых две.

Глава 11

Забор показался часа через полтора, прямо посреди приятной глазу берёзовой рощи. Не самый высокий, метра в два высотой и около семидесяти в ширину, из добротного подогнанных листов коричневого профнастила. По верху – егоза в один ряд. Дрянь, а не защита. И лопатой вскроешь.

В глубине огороженной территории виднелся дом. Из белого, в тон пасторальному пейзажу, кирпича, с цельными окнами, с мансардным этажом. Красивенький такой. На крыше – солнечные панели. Богато люди жили!

Перед нами же были глухие, изготовленные из того же профнастила, ворота с кнопкой звонка на стойке.

Не дожидаясь просьб или предложений, Зюзя внимательно обнюхала поросший травой

въезд, Рося растворилась в кустах.

– Людей нет, – вынесла вердикт ушастая.

Подошёл к воротам, подёргал. Закрыто на замок или засов. Огляделся – нет ни камня, ни иной приметной штуковины, куда ключ или какую другую отмычку удобно прятать. Заглянул в небольшую щель между створками: дом, нескошенная трава, панорамные окна на первом этаже, зашторены. В отдалении – не поймёшь – то ли гостевой домик, то ли банька. Дымом не пахнет, голосов не слышно. Очередная заброшка?

Достал карту, припомнил, куда именно тыкал палец старика. По всему, получается – пришёл правильно.

– Пойдём. Она зовёт. Вода, – напомнила о себе доберман.

Последнее замечание победило рассуждения о том, стоит ли пытаться найти способ перемахнуть через забор здесь и сейчас или всё же для начала тщательнее поискать ключ?

С водой у нас беда. Вчера пили и я, и Фоменко, сегодня с разумными делился. Пара глотков осталась. На троих никак не хватит.

Недолго думая, пошёл вдоль забора, вслед за мелькающей в кустах Росей. Метров через сто пятьдесят, петляя между берёзками, вышли к упомянутой воде. Оказалось – небольшой пруд, примыкающий прямо к огороженной территории – запущенный, по краю сплошь поросший камышом и мелким кустарником.

На берегу профнастил заканчивался, уступая место уходящей прямо в воду толстой металлической решётке, за которой хорошо просматривалась узкая полоса пляжа, тянущаяся от забора до забора, с явно нездешним, почти белоснежным песком; небольшим эллингом с рельсовым спуском и узкой рыбацкой пристанью. На противоположной стороне виднелась примыкающая к пруду банька. Зазоры между прутьями были относительно широкие, но нам с Зюзей всё равно было не протиснуться, а вертлявой, некрупной Росе – в самый раз.

Пока разумные с наслаждением пили, пополнил и свои запасы. Сунул пустую бутылку в воду, полюбовался, как булькает выходящий на поверхность воздух. Холодная... Зато рвать штаны о заграждение, перебираясь внутрь, не нужно. Вот и вход... Быстро разделся, оставив на себе из одежды одни трусы, связал вещи в узел и перебросил его на пляж, следом отправился сидор. Ну а с автоматом я и не подумал расставаться.

Вошёл по колено в пруд. Кожа тотчас покрылась крупными пупырышками, по телу пробежал озноб.

Вперёд, Витя! Вперёд!

Здрав «огрызок» над головой, неуклюже, бочком принялся огибать заграждение. Разумные смотрели на меня с интересом, потом за мной отправилась Рося, решившая быть как все и не шнырять между прутьями, следом – Зюзя. Последняя плыла шумно, с брызгами, высоко задирая передние лапы и с чрезвычайно сосредоточенным выражением на чёрно-коричневой физиономии. Невольно захотелось рассмеяться от такой серьёзности.

Выбравшись на пляж, с наслаждением принялся впитывать, согреваясь, солнечные лучи. Собаки же, следуя врождённым инстинктам, оказавшись на берегу первым делом начали отряхиваться, орошая окрестность мелкими каплями воды, словно два дождевателя для полива лужаек. Одна справа от меня, другая – слева. Вымок ещё раз.

Душевно здесь. Песочек прямо манит найти полотенце, устроить из него подстилку и

улечься, ни о чём не думая и изредка переворачиваясь, чтобы не сгореть.

С сожалением собрав своё имущество, оделся прямо на мокрое тело. Пока возился, разумные скрылись в глубине столь замечательного места.

Дом, небольшую часть которого я видел через щель, предстал предо мной во всём своём величии. Крепкий, без единой трещинки, чистенький – прошедшее безлюдье словно обошло его стороной. Почти особняк.

Рядом – детская горка, качели, поросшая редким сорняком песочница. За ним – пустая площадка, вероятно для машин. Сбоку -- беседка с мангалом.

Строений поменьше оказалось не одно, а три. Два жилых и одно хозяйственное – с маленькими окнами, простой дверью и торчащей на крыше трубой миникотельной. Рядом с ним – внушительный навес, под которым с неизвестно каких времён лежало несколько кубометров дров в аккуратной, правильной поленнице.

– Никого нет, – подтвердила своё первоначальное мнение доберман, успевшая уйти куда-то в глубь двора.

Осмотр начал с эллинга, стоявшего метрах в трёх от забора, глухой стеной к нему. Сооружение выглядело смешно: половина на песке, половина – в окаёме буйной поросли. Начал с него. Дёрнул боковую дверь – оказалось, не заперто. Посмотрел на внушительных размеров катер, покоившийся на специальной тележке и занимавший три четверти всего свободного пространства, провёл рукой по его белому пластиковому боку. Вот бы на таком покататься... Прошёлся вдоль стоек с удочками, вёслами, поглазлел на подвешенные под самый потолок небольшие одноместные лодочки из стекловолокна. В углу обнаружился бензогенератор с парой пустых канистр, японский мотор и сундук со всякой рыбацкой снастью. Чистенько, светленько, упорядоченно – как и должно быть у хорошего хозяина.

Перешёл к баньке. Добротной, ухоженной, с до сих пор пахнущей липой парной. Помечтал о горячем, обжигающем воздухе, ушату с ледяной водичкой, шутивным разговором с приятелями в предбаннике. Посочувствовал неосуществимым в обозримом будущем мечтам и потопал к ближнему домику. Первым делом по приставленной сбоку удобной, алюминиевой лестнице взобрался на чердак, посмотрел на осыпавшиеся до стебельков пучки непонятной травы, подвешенные к балкам, на паутину по углам. Спустившись, направился к дверям. Тоже оказалось не заперто.

Подивившись такой безалаберности, вошёл внутрь. Коридорчик, две комнатки с мебелью, дровяная печь в центре, санузел. Такое чувство, будто хозяева недавно куда-то вышли и вот-вот придут. В домике отсутствовало ощущение забытости, сырости, затхлости – одним словом, не было всех тех запахов, присущих покинутому жилью.

А его никто, похоже, навсегда и не покидал. У печки немного дров сложено, в душевой, как дань сегодняшним реалиям – несколько пустых вёдер, не объединенное мышами мыло, на совершенно неуместной верёвке, протянутой наискосок – полотенца. Попробовал – влага не ощущается, жёсткие. Давно висят. Пара рулонов сухой, не видевшей сырости туалетной бумаги. Кровати застелены, причём бельё – не самое свежее.

Получается, бывают здесь люди.

Пошарил по шкафам, по тумбочкам – ничего ценного, разве что крохотную коробочку с дорожным набором разноцветных ниток и несколькими иголками взял. Пригодится.

Пока рыскал по чужим пожиткам – сообразил, почему двери никто не потрудился запереть. Из-за окон. Они тут большие, решёток нет. Кинул камень, оббил осколками прикладом – и вот тебе вход, пожалуйста.

В следующем домике, как две капли воды похожем на своего собрата, тоже ничего ценного найти не удалось.

Не теряя оптимизма, заглянул в хозблок или сарай, как я его окрестил для удобства. Твёрдотопливный котёл, хитрая обвязка, бак косвенного нагрева с электронным управлением. Жаль, всё мёртвое... Вдоль стены – подобие верстака с развешанным на специальных крепежах мелким инструментом. Отдельно – угол с садовым инвентарём, несколько ломов, топоры. И никакого намёка на тайник или подпол. Везде полы цельные, специально проверил.

Оставался дом.

Внутрь попал не с главного входа, а через гараж в цокольном этаже, спуск в который по неизвестной мне причине располагался не со стороны ворот, а сбоку. Скорее всего, хозяин изначально планировал использовать данное помещение не по прямому назначению, а как подсобку или кладовую. Въезд для автомобиля сделал просто на всякий случай, потому что мог себе это позволить. Ну и чтобы вид не портил, когда на отдых приезжаешь.

Входные двери оказались заперты, пришлось-таки расколошматить стеклопакет, удачно расположившийся на уровне груди. Попав в тёмный полуподвал, первое, на что обратил внимание, были велосипеды. Пять штук. Три горных, дорогих, с алюминиевыми рамами и скоростями да два дамских, с корзинами перед рулём и мягкими, удобными сиденьями. Вся техника выглядела как новенькая. Смазанная, ухоженная, ни пятнышка грязи на рамах. Имелись и прочие удовольствия – несколько детских великов, самокат, вертикально собранный теннисный стол, стоящий самых ворот, пластиковый контейнер с различными полуспущенными мячами. На стеллажах по обе стороны – всякий инструмент, левее к стене прислонена стремянка.

Проход в жилые комнаты нашёл в углу, однако прежде чем идти дальше – не поленился, открыл гаражную дверь изнутри, без труда сдвинув вполне разработанный железный засов, выволок самую тёмную двухколёсную ехалку и выкатил её на пирс, где без сожаления сбросил в мутноватую, с поднимающимися со дна водорослями, воду.

Пусть думают, что я один украл и теперь быстро сваливаю куда подальше. А мы пешочком пойдём. По полям и лугам с лесами, чтобы обратно к дороге и трупу Петровича не возвращаться. Хитрость невеликая, но что я теряю? Вдруг повезёт?

Проводив велосипед взглядом, вернулся в гараж. Разумные были уже здесь и с любопытством изучали окружающую обстановку. Прошёл в угол, к небольшой двери, ведущей вглубь дома. Потянул на себя – не заперто. За ней темнело несколько ступенек, ведущих наверх.

...Первый этаж поражал. Огромная, торжественная комната с великолепной отделкой, резной мебелью и внушительным, бережно закрытым кованой заслонкой, камином более всего походила на охотничью залу средневекового замка именно в том виде, в каком её себе представляют по романам Дюма.

На стенах – головы волков, кабанов, лосей, оленей. Хорошо сохранились. В неярких лучах, пробивающихся сквозь тяжёлые портьеры, шерсть даже поблёскивает. С потолка свисает кованая, мрачная люстра в несколько ярусов. Две винтовые, широкие лестницы на второй этаж. Кругом солидность, преобладают тёмные цвета. Только дворцового не хватает. Такого... важного, в ливрее... чтобы как гаркнул зычно: «Господин Виктор со спутниками!»

– За что их убили?

От неожиданности я вздрогнул. Разумная стояла рядом со мной и неотрывно смотрела на чучела.

– Охотились... Я тебе рассказывал.

Помолчала...

– Я помню. Зачем сохранили их головы?

– Трофеи. Хвастаться перед другими людьми своей меткостью.

– Зачем? Вы гордитесь убитыми?

– Нет... Да... Не все... Понимаешь, люди раньше не считали вас равными себе и думали, что в этом, – указал на стену, – нет ничего плохого.

Опустив голову, доберман отвернулась и молча пошла вверх по лестнице, а я стоял словно оплётанный. Всё она поняла, и правильно поняла. А моё бляение, попытки придать очевидному некое гибкое, нейтральное объяснение – сплошной самообман.

Вслед за подругой поспешила и Рося. Печальная, старающаяся смотреть исключительно в пол.

Невесть на что разозлившись, направился в одну из боковых дверей. Попал в кухню. Большую, с профессиональной плитой, всякими поварскими примочками. Поискал съестное. Ничего. Пусто. Кроме ложек-поварёшек и техники – одни занавески.

Прогулялся в санузел, в бильярдную, в комнату прислуги.

– Что ты ищешь? – наконец поинтересовалась Зюзя, увидев меня в коридоре.

Продемонстрировал ей автомат.

– Оружие, еду, патроны.

– Зачем оружие? У тебя же есть?

– Оно неудобное. С ним плохо охотиться.

– Мы ничего не слышали.

Зная, что у разумных глагол «слышать» обозначает как непосредственно сам слух, так и нюх, расстроился.

– Я ещё раз посмотрю.

– Хорошо. Мы будем ждать у воды. Нам здесь не нравится.

– Тяф! – обличительно, точно я должен был ответить за все прошлые грехи человечества, выдала собачка и первой скрылась в цокольном этаже.

Ну и чёрт с вами! Ты глянь, какие обидчивые!..

С лестницы попал в коридор. На стенах – фотографии в несколько рядов. Не рискнув приоткрывать шторы на окне в торце, почти носом упёрся в ближайшее фото. Мужчина. Холёный, надменный. Одет в камуфляж. Нога стоит на медвежьей туше, ружьё упёрто

прикладом в бедро.

Следующая фотография. Тот же самый человек, только теперь не один – с Петровичем. Здесь мой покойный знакомец выглядел гораздо моложе, упитаннее, чем при нашей первой встрече. Тоже с оружием. Перед ними – горка из убитых уток.

И подобных снимков – великое множество. Один и тот же «некто» позировал у трупов самых разных животных, даже жираф ему попался на свою беду, судя по фону, где-то в саванне.

Выходит, здесь обитал друг Фоменко по старым временам, и это его дача. Или охотничий домик. Что же, выбор места для закладки очевиден – по старой памяти. Люди из Фоминска, похоже, навещают сюда – в сохранности местное хозяйство поддерживают. Им не сложно, а вот такая вот база на окраине своих земель, укрытая от посторонних глаз – великая вещь!

Прошёл по комнатам: кабинет, спальня, снова спальня, хозяйская спальня – наиболее богатая из всех виденных. Отдельно – комната с оружейными сейфами. В каждом из замочной скважины торчал ключ. Все пустые.

Задрал голову вверх – уходящий под углом потолок сообщал, что чердака здесь нет.

Так... Что получается? Где-то тут, на огороженной территории, должна быть закладка. Не тайник – когда прячут всерьёз и надолго, учитывая всевозможные факторы, а именно закладка, которая всегда должна быть под рукой. Допустим, пришёл раненый... Ему и яму не вырыть, и к трубе на крыше не залезть. Ему срочно нужно. Значит, доступ просто обязан быть несложный, быстрый... Где?

Перебрал в уме все домики, которые сегодня посетил. Нет, ничего такого – полы без люков, подвалов нет. Чердаки? Два посетил. Здесь его попросту не имеется. Что под крышами в эллинге, бане и в сарайчике – без понятия. В первом не заметил, а потом... тоже внимания не обратил. Зато помню, что у жилых домиков имеются приставные лестницы. Надо проверить.

Вышел на улицу. Разумные преспокойно лежали на песочке, поглядывая на мелкую рябь пруда.

Начал с чердака сарая – ничего интересного. Всё те же пауки и паутина.

Перешёл к эллингу. А чердачной дверцы и нет. Обошёл с другой стороны – и тут глухой фронтон.

Заглянул внутрь. Ого! А потолок-то плоский!

А вон и люк в углу. Деревянный, из плотно подогнанных досок.

Принёс лестницу, попробовал открыть. Не получилось. Заперто. Надавил посильнее, надеясь вырвать замок из пазов. Люк и не подумал слушаться. Не сдвинулся ни на миллиметр. Разозлившись, метнулся в сарай за топором. Выбрал поухватистой, вернулся, вставил лезвие в едва заметную щель. Надавил.

Ничего.

Рассвирепев, вытащил плотницкий инструмент и со всей дури всадил его в зазор между потолком и люком. Снова надавил, повиснув всем телом и дёргаясь. Пошло.

Дерево нехотя затрещало. Сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее поддаваясь моим усилиям.

Новый удар. И ещё!

Через пару минут люк сдался, напоследок скрипнув своим деревянным остовом. Тяжело дыша от проявленного усердия, откинул крышку вверх.

Блин... как просто! Судя по конструкции запора, открывался проход на чердак проще пареной репы. Просовываешь согнутую буквой «Г» проволочку в определённом месте, цепляешь кончиком за ушко засова и пожалуйста – путь свободен! Без всякого варварства!

Наверняка и проволочка где-то поблизости валяется.

Едва взобрался – обалдел, восхищенно ругнувшись в избытке чувств.

Я угадал. Передо мной разверзлась пещера Али-Бабы.

Водка в бутылках, картонный ящик с наборами армейского ИРП, упаковки галет; мешок с вещами, плотно закрытая трёхлитровая банка с медикаментами, отдельно – с перевязочным материалом. Патроны охотничьи, патроны неохотничьи; несколько ножей, покрытых солидолом для сохранности, рядом с ними – самодельные ножны; патронташ; снова банка – судя по виду содержимого – с сахаром.

Под стропилами два свёртка. Развернул – винтовки. С оптикой, промасленные, незнакомые. На радостях, позабыв про остальное богатство, спустился вниз и вытащил их на улицу. Поближе к свету. Одна явно пользованная – мелкие царапины на ложе, еле заметные следы на винтах оптики. Вторая – новенькая. Муха не садилась. Поискал маркировку: «ORSIS». Никогда про такие не слышал. Из редких, похоже. Но выглядят серьёзно.

У обеих магазин. Разобрался, как вынимается, вместимость – три патрона. Мало. Но лучше моего «огрызка» в любом случае. Преимущества и перечислять не хочу. Подумав, оставил ту, что более бывалая. Наверняка она и пристреляна, и, если что, подлечена как следует. Ну не идиоты же фоминские без должной подготовки стволы на консервирование отправлять?

В обиходе, конечно, такое вот чудо оружейной техники не самый лучший вариант (скорее всего, именно потому и ушло в закладку. Обычное ружьишко привычнее), но на безрыбье – самое то.

Определившись, первым делом снарядил магазин. Не терплю пустоты в оружии, если это не пустота ствола. Пару раз вскинул к плечу – удобно, не отнять. Довольный, полез обратно на чердак и выволок все находки, кроме ненужной мне сорокоградусной, на свежий воздух, разложил на песочке. Первым делом пересмотрел патроны. 308 калибр – однозначно к Орсису этому самому. Другие даже визуально не подходят. Забрал все. Навскидку – штук шестьдесят, не меньше. Потом точно пересчитаю.

Покопался в мешке. И тут удача! Как по заказу, первой вывалилась камуфляжная куртка. Мне она оказалась великовата, но бросать не стал. Уж очень добротная оказалась вещь. Как гласили крупные буквы на подкладке: Made in USA. Много карманов, на внутренней стороне рукавов, от подмышек до локтя – застёжки-молнии, чтобы в жару не слишком потеть. Сразу и подогнал под себя продуманными производителем липучками на манжетах и шнурком в области пояса.

Остальные тряпки не заинтересовали: тёплые свитера, плотные спецовочные брюки. Нижнее бельё, к огромному сожалению, отсутствовало.

Перешёл к лекарствам. Мудрить не стал – ссыпал всё в свой сидор, особенно порадовавшись активированному углю. Полезные таблетки. Ими можно и протекающий снизу живот починить, или несложный фильтр для воды сделать. Кипятить питьё перед

употреблением, кто бы спорил, конечно надёжнее, только не всегда получается.

Выбрал себе нож по руке. Оттёр его от смазки, не пожалев самого большого свитера, вставил в ножны и сунул за голенище. Пошевелил стопой. Неудобно, форма немного не та, к которой привык. Но и без серьёзного дискомфорта.

Наконец, добрался до банки с сахаром. Долго думал, прежде чем пробовать. Не решился. Вдруг там сахарок с чем-то ещё намешан, как раз для таких охотников до чужого добра? Скушаешь и останешься здесь навсегда. Уж больно велик соблазн сыпануть себе в ладонь горсть побольше и со вкусом слопать...

Отставил в сторону, подальше.

Принялся за продукты. ИРП и галеты – в заводской упаковке. Забираем. Позже, в дороге поем. А слюны полон рот...

После сортировки заплечник ободряюще потолстел. Убирать обратно ненужное не стал. К чему такая вежливость? Хозяева схрона и так поймут, что их обокрали. Тут другая проблемка нарисовалась. Пистолет, «огрызок», Орсис – многовато стволов для пешего путника. И дело не в тяжести оружия – в удобстве. Делать выбор в пользу чего-то одного не хотелось. Всё очень нужное и полезное.

Ослабив ремень почти до максимума, закинул винтовку за спину, с трудом устроив её рядом с сидором. Автомат повесил на грудь. Попытался представить себя со стороны – командос, не иначе! Опасный, страшный, весь такой навороченный... И одновременно смешной до коликов для любого понимающего толк в пеших прогулках. Ни до чего быстро не дотянись.

Обозвав себя идиотом, взял калаш в руки. Так получше будет. Посмотрел на своих ушастых. Разморило их на тёплом песочке. Отдыхать изволят. Дремлют. Даже жалко стало отрывать разумных от столь приятного занятия.

И в этот момент прямо за прибрежной решёткой показался человек. Моего возраста, одетый в неприметные, серо-зелёные штаны и куртку. Обувь из-за травы не рассмотрел, да и не в ней дело было. Больше всего интересовали руки, сжимавшие ружьё.

Проморгали...

Я для неизвестного стал такой же неожиданностью, как и он для меня. Но сориентировался мужчина быстрее. Попытался вскинуть свою пукалку, однако не учёл близости заграждения, вдоль которого крался. Железо ствола со стуком ударило об один из прутьев, не давая ему взять оружие наизготовку.

Разумные вскочили, не понимая спросонья, что происходит.

Недолго думая, вскинул автомат и нажал на спусковой крючок. И ничего...

...Незнакомец уже отскочил назад и поднимал ствол в мою сторону...

Грёбанный глаз!

В чём причина – додумался сразу. Предохранитель, он же переводчик огня. Ещё утром поднял вверх, в целях безопасности. Боялся спонтанного выстрела, когда шёл с вертлявыми разумными. Теперь расплачиваюсь. Но и это ещё не всё! Из-за единственного уцелевшего глаза я переучился стрелять с левого плеча. С ружьями особых сложностей не возникло, а вот сейчас пришлось отпускать правой рукой цевьё, немного поворачивать оружие против часовой стрелки, чтобы железячка, отвечающая за огонь, попала в поле видимости, лихорадочно сдвигать её вниз, переносить руку обратно. Слишком много ненужных действий. И потренироваться возможности не было, и

навыков обращения с таким оружием не имею – в армии я не служил.

Потому пришлось принимать единственно верное решение – падать физиономией вперёд на песок, попутно выполняя все жизненно важные манёвры.

Неизвестный стрелять не стал, переводя ствол ружья пониже, вслед за мной. Только я оказался быстрее. Ещё не приземлившись, не устроив приклад на плече, просто направил автомат в нужную сторону и нажал на спуск. «Огрызок» непривычно задёргался, норовя выскочить из рук.

Очередь получилась длинная – до одиночного огня переводчик не довёл. Однако в цель попало лишь несколько пуль. Одна в грудь, остальные пониже, о чём свидетельствовали рваные отверстия на куртке незнакомца. Он и крикнуть не успел – рухнул, как подкошенный, на спину.

Сбоку грохнул выстрел. Прямо через тоненький профнастил забора, в котором образовалась изрядная дыра. Бумкнуло слева, там, где красовался частично прикрывавший меня эллинг. В самый угол угодила. Вон, кирпич сколот. На звук бил, гад... Чем-то крупным. Дроби такое отверстие сделать не под силу, разве что в упор. Похоже, догнали меня те самые охотники, о которых упоминал старик.

Мало что соображая, ответил. Очередью. Параллельно земле, на уровне колен. Попал или нет – не понял. Валишь пора.

– Уходим! – заорал я, вскочил и первым помчался к домику для лодок. Благо, недалеко.

Перепуганные разумные, только сейчас осознавшие, что происходит, бросились за мной.

Птицами влетели внутрь. Закрыв дверь, бегло глянул по сторонам, просчитывая плюсы и минусы нашего укрытия: ворота закрыты, вход один, правая стена наполовину стеклянная – хозяева не поскупились на стеклопакеты. Не крепость... нам тут не отсидеться.

Прислушался – обманчиво тихо. Не верю. Парами в погони не ходят. Без сомнения, дружки подстреленного времени зря не теряют – рассредоточиваются по округе. Перекрывают мне отход. С сожалением взглянул на лодки, на пруд. Не уйти. В воде как утку подстрелят.

– Кто это?! – напомнила о себе Зюзя, испуганно прижавшаяся к моей ноге. Рося вообще спряталась под катером, прижав уши и постоянно озираясь.

– Не знаю. Наверное, люди, которые гнались за мной.

– Они могут нас обойти там? – противоположная сторона пляжа с таким же ненадёжным забором и уходящими в воду прутьями.

– Да. Бегите! Рося пусть напрямую чешет, в кусты, а ты... – я замаялся. – По лестнице взобраться сможешь?!

– Не знаю. Я никогда не пробовала.

В упомянутом Зюзей направлении, левее баньки, я краем глаза заметил движение. Отскочил в глухой промежуток между окнами, осторожно высунулся. Никто не показался. Вышли на позицию и ждут меня, хитрецы. На малейший шум пальнут.

Сколько их? Где остальные? Ворота под прицелом держат? Или ищут, чем проход в заборе сделать? Или и то, и другое? И пока неведомое мне третье?

Тянуть нельзя. С каждым мгновением петля на наших шеях затягивается всё сильнее.

– Придётся научиться!

Пригибаясь, на полусогнутых перебрался в угол. Туда, где стояла прислонённая ко входу на чердак лестница. Стараясь не шуметь, повалил её на бок. Не вставая, перетащил верхолазную конструкцию вдоль катера в сторону ворот. Примерился.

Выбегать придётся быстро, потому надо угадать, как ни за что не зацепиться своей ношей. Лучше всего двигаться по диагонали к дверному проёму. Немного развернулся. Вроде нормально.

Доберман, дабы не путаться под ногами, тоже залезла под катер, к своей испуганной подруге.

– Зюзя! Запоминай! Я сейчас выношу лестницу на улицу, приставляю её к дому. Твоя задача – взобраться по ней на крышу и оттуда перемахнуть через забор. С земли не получится – по верху натянута проволока... Знаю – опасно. Знаю – высоко и страшно. Знаю – крыша из металлочерепицы, скользкая и довольно крутая. Но ты сможешь! Потом беги со всех ног. Зигзагами, – и тут же перевёл на понятный ей язык. – Не прямо, а вправо-влево, – для доходчивости ещё и рукой показал требуемую траекторию, изобразив «волну».

Разумная не ответила.

В порыве чувств я схватил подругу за холку и встряхнул. Зло, по праву старшего.

– Ты меня понимаешь?!

– Да. А ты потом?

– За меня не бойся. В одиночку мне проще. Я умею стрелять и у меня есть оружие. Уйду за тобой.

В последнем я крепко сомневался, но вслух ничего не сказал. Переключился на собачку.

– Роська! Ты выбегаешь первой. Из двери сразу поворачивай за дом и к забору! Когда промчишься сквозь прутья, беги вдоль воды – там кусты... Потом, если сможешь, постарайся пошуметь травой и ветками, только голос не подавай. Отвлечёшь этих... – кого этих – я толком и сам не знал. – И сразу убегай! Не вздумай вернуться!

Не подействовало. Впервые попавшая в такой переплёт разумная на все мои мудрые мысли лишь мелко тряслась от страха. Пришлось менять тактику.

С усилием подавив в себе зарождающееся на такое нецелесообразное использование драгоценных секунд раздражение, пару раз глубоко вздохнул, положил руку на маленькую, ушастую головку и повторил то же самое, но уже более мягко, успокаивающе.

– Да, – не переставая дрожать, согласилась собачка, сняв у меня гору с плеч.

– Тогда по моей команде. Повторяю, Рося – первая, я – за ней, Зюзя – когда позову! Готовы?!

Ответила за обеих доберман. Уже не та добрая и игривая Зюзя – ответил боец. Оскаленные клыки, холодный прищур антрацитовых глаз, чётко очерченные под короткой шерстью мускулы. На какой-то миг показалось, что сейчас я вижу не её, а сурового, готового всегда и ко всему Адольфа – отца моей верной спутницы, знакомого мне лишь

по мыслиобразам да рассказам. Настолько же она походила на него...

– Готовы.

Перебрался к двери, положил руку на ручку.

– Три, два, один...

Маленькая разумная промелькнула в небольшую щель с такой скоростью, что не знай я, куда смотреть – и не заметил бы. Задержал дыхание, вслушиваясь и с ужасом ожидая выстрела.

Тихо...

– Она справится, – неожиданно подбодрила меня доберман. – Я верю.

Рося будто услышала разумную. Неподалёку что-то захрустело, сопровождаемое громким шелестом. Потом стихло...

– Б-бах! Б-бах! Ба-бах! – грянуло за забором с моей стороны.

В груди ёкнуло...

Новый треск, менее слышный... Выстрел, теперь уже один. Шелест травы... Ни заполошного визга раненой разумной, ни довольных возгласов после удачного выстрела...

Жива! Уводит! Ах ты ж моя умница! Захотелось расцеловать Роську в её плутоватую мордочку.

Моя очередь.

Пристроив «огрызок» на груди и обеими руками подхватив лестницу, я по заранее намеченной траектории вылетел из эллинга и бросился вправо, стараясь как можно быстрее оказаться в мёртвой зоне со стороны просматриваемого с дальнего конца пляжа участка, прикрыться баней. Моя цель – торцевая стена со стороны большого дома, поближе к забору. Там хорошо. Там травы по колено...

Предчувствие и единственный глаз не подвели. По мне выстрелили именно с той, пустынной стороны. Не попали. Снова досталось стене и, вдобавок, стеклопакету за моей спиной, сообщившем о своей кончине стеклянным звоном.

...С лестницей наперевес, даже лёгкой, бегать плохо – на поворотах заносит. Занесло и меня. Сделав незапланированный кульбит, я как-то боком перекатился по траве, не выпуская ноши, и влетел за угол, едва не вывернув себе руки локтями вперёд.

Вдалеке кто-то громко свистнул. Ему ответили в тон. Переговорщики хреновы...

– С вашей стороны смотрите! К дому с лестницей побежал! – плюнув на скрытность, проорал некто с дальнего конца пляжа.

– Поняли! – раздалось за забором где-то левее, ближе к центральному въезду.

Не слушать... Не слушать!

Быстро приставил лестницу к краю крыши. Почти хватило. И выругался про себя. Ступеньки оказались округлые, гладкие, именно для удобства человеческой стопы.

Доберману на них лапу никак не поставить – соскользнёт.

Ладно... Будем пользоваться подручными средствами. Сорвал с шеи автомат, швырнул его на землю. Снова глянул вверх. Метра три с копейками, не выше. Могло быть и хуже.

– Зюзя! – негромко позвал я.

Через два удара сердца разумная стояла рядом. В неё не стреляли. Помогла нескошенная трава. Думаю, стрелки и сообразить не успели – кто перед ними промелькнул.

– Слушай! – говорил шёпотом, надеясь, что с ближней стороны преследователи сейчас не сразу за забором. – Тебе самой не взобраться. Я подниму. Только веди себя спокойно, иначе не удержу.

Свист донёлся с третьей стороны, от ворот. Вздогнули оба.

Чувствуя, как от переизбытка адреналина начинает дёргаться веко, продолжил инструктаж:

– Наверху не тупи. Сразу прыгай, иначе подстрелят. И... дальше знаешь. Давай!

Не давая ушастой опомниться, я подхватил её увесистое тело на руки, прижал к себе. Повернулся спиной к лестнице, нащупал пяткой первую ступеньку. Поднялся, упёршись задницей в её товарку повыше. Крутоватенько получается... Новая ступенька... Орсис, зараза, мешает, за всё цепляется.

На третьей сорвался. Именно из-за свежеприобретённой винтовки. Когда пытался перенести вес – эта распонтованная хреновина не пожелала двигаться дальше и намертво зацепилась чем-то обо что-то. Хорошо, успел разжать руки и разумная с трудом, но смогла приземлиться на лапы. Лестница съехала набок, к самому краю стены.

Поправил.

– Ещё раз!

На землю полетели и Орсис, и сидор.

Без них стало легче.

Доберман послушно позволила себя взять, стараясь не шевелиться. Она мне верила...

И... начали!

Через четыре ступеньки моя голова оказалась на уровне верхней кромки ограды. Значит, нужно спешить. Если буду телиться – подстрелят. Доберман тяжёленькая... быстро поднять её под самую кровлю не получится.

– Зюзя! – зашептал я в ухо своей подруге. – Упирайся в меня лапами и запрыгивай на крышу. Быстро!

Для удобства прижался всем телом к стоящей под наклоном лестнице, стараясь держаться на ней поустойчивей. С трудом развернул разумную животом к себе, по очереди опустил руки пониже её хвоста и сцепил их в замок. По мне, инстинктивно ища опоры, больно заёрзали когти. Передние лапы легли на плечи, а сама добердама

задрала голову вверх, примериваясь к прыжку.

Кое-как вывернув шею, понял – до края крыши по вертикали ещё не менее метра. С твёрдой поверхности – вообще не высота, даже для меня, а вот с такой замысловатой позиции для старта – целый акробатический трюк.

– погоди! Сейчас! Быстрее ветра...

Выдохнув, поднялся ещё на ступеньку и что было мочи попытался толкнуть подругу вверх.

Она не подвела. Распрявилась пружиной, используя меня как трамплин. Передо мной промелькнул чёрный живот и я, потеряв равновесие от столь мощного толчка, второй раз за сегодня полетел вниз.

В падении я любовался разумной. Зюзя, оказавшись на крыше, не стала мудрить с финтами, разбегом или подготовкой. Ей всё это не потребовалось. На месте приземления, на всю округу прогрохотав ударом лап о металлочерепицу кровли, стройное чёрно-коричневое тело, не медля ни секунды, развернулось прямо на месте и прыгнуло, растягиваясь в расплывчатую линию и оставляя под собой и забор, и натянутую поперёк егозу. Красиво...

– Тварь!!! – истошно заорали совсем уж неподалёку.

Я шмякнулся на бок...

– Б-бах! Б-бах!

– Гав! – нарушила все наши договорённости доберман, давая понять, что с ней всё в порядке.

Настроение подскочило вверх насколько это возможно в данной ситуации. Ага, как же! Куда вам – в ушастую попасть!.. Разбежались... В траве, да между стволов её ещё разглядеть надо!

– Гав! – донеслось уже гораздо глуше. В отрыв уходит...

Вслед беглянке раздался ещё один выстрел.

– Не трать патроны! – недовольно рявкнул кто-то почти рядом. – Башкой думай, дурень...

– Так шо? – ответил такой знакомый по прошлой жизни говорок. – Нехай бежит? А если она со спины?..

– Тогда и выстрелишь. Потом облаву устроим... Видал, как порскнула? Хрен догонишь. А если она тут не одна?! Ты о деле думай...

Слушая переговоры, я перекатился на живот и уткнулся носом в Орсис. Хоть тут повезло! Не поднимая головы, схватил оружие, упёр приклад в плечо и уставился в сторону бани.

Вовремя! Из-за глухой стены ограждения медленно, в полуприсяди, прикрываясь растительностью выглядывал человек. Ствол его ружья смотрел в мою сторону.

Через оптику преследователь выглядел так, будто стоял метрах в пяти от меня. Собранный, чуткий, ноздри широко раздуваются, глаза в постоянном движении – обшаривают видимый участок усадьбы. Меня выглядывает, больше некого.

А стоящая почти за спиной парочка не подавала признаков жизни, заставляя изрядно нервничать...

Ну, держись... Патрон у меня в патроннике, дружки твои лязг затвора не услышат.

Задержав дыхание, по всей науке нажал на спуск. Отдача у Орсиса оказалась мягкой, после привычного двенадцатого калибра вообще никакая. Звук тоже ничем не напоминал охотничий пороховой грохот.

Попал! Не ошибся я в фоминских создателях схронов. Всё настроено, всё пристреляно. Пуля легла именно туда, куда смотрело перекрестье в прицеле.

Пока не высунулся следующий – меняем позицию. Не поднимаясь, со всей доступной скоростью покатился вглубь двора.

...И как у колобка голова не кружится?..

Уже на втором обороте сквозь забор снова жажнули вслепую. В паре метров от меня, ближе к эллингу, вырвало дёрн. Приличный такой кусочек.

Не останавливаться...

Ещё через три витка, чувствуя, как начинает подташнивать, упёрся во что-то относительно мягкое. Сунул локтем – глухо хрустнуло. Мой сидор! Вот, значит, куда ты отлетел...

Новый выстрел, теперь слева, в землю на моём пути. Если бы не заплечник, так вовремя замедливший мои покатушки – вполне мог бы и в меня попасть. Или нет. Не знаю...

Надо огрызнуться. Пули ведь в обе стороны профнастила могут летать.

Схватился за рукоятку затвора, рванул её на себя и... она осталась в моей правой руке. Отдельно от винтовки. Этаким железным, удобным шариком с приделанным к нему кусочком обломанного прутка. Бракоделы херовы...(1)

Жаль, второй раз номер с прыжком с крыши не пройдёт... И недопрыгнуть могу, и ноги переломать, и не убегу. Жаль...

1 – От автора. Охотничья винтовка ORSIS 120 действительно имела такой недочёт, как плохой металл рукоятки затвора. Насколько мне известно, производитель уже исправил данную «болезнь». Но Виктору в тот день не повезло.

Глава 12

– Слышь, человеке! – донеслось издалека, со стороны ворот. – Ты что творишь?! Завязывай! Пристрелим ведь.

За забором – тишина. Ну да, сам бы попробовал в их положении в переговоры вступить. На удачу. Вдруг огрызающийся свинцом дурачок поверит? Подаст голос, обозначит своё местоположение. Тут его и... Почему нет? Что эти люди теряют? Ровным счётом ничего, попытка не пытка. Я знаю, что я здесь, они знают. Все знают.

Не разойтись нам. На мне двое их товарищей. Не простят...

А переговорщик не успокаивался:

– Давай по-хорошему! Сдавайся! Иначе штурманём – мало не покажется! Не уйти ведь тебе отсюда, сам себя запер!

Тут он прав. С трёх сторон хода нет, с четвёртой, по воде – разве что бегом побегать, копируя одного еврея, жившего две тысячи лет назад. Только куда мне до него?

Зато можно повоевать. Этим, снаружи, тоже страшно. Никто в герои записываться и в лобовую атаку на меня переть не спешит. Время тянут, наверняка или подмогу ждут, или перегруппировываются для нового витка наших разборок. Вряд ли их там много, иначе устроили бы из забора дуршлаг, а из меня – фаршированную несъедобным дичь.

Голос от увещаний перешёл к угрозам:

– Мы же тебя на ремни порежем, если нормальную речь не понимаешь! Ты чё, сука, думаешь?..

Дальше я его уже не слушал. Не отрывая взгляда от дырок в профнастиле (не мелькнёт ли там чей-нибудь любопытный взгляд), из положения лёжа встал на четвереньки. Где-то тут калаш валяться должен. Не мог я его далеко зашвырнуть, когда к подъёму Зюзи готовился.

Повертел головой – точно! Вон он, голубчик! В паре метров, почти рукой подать, лежит, скучает. Второй Орсис, забракованный мною по причине новизны, виднелся несколько подальше – на самой границе пляжа и травы. Стволом вверх, на мешке с одеждой. Надо было его брать. Нет же, поумничать решил... а оно вон как вышло.

Всё! Нужно о чудо-винтовке забыть! Сейчас она от меня – как Луна от Земли. И далека, и заманчива, и путь к ней труден и опасен. Если попробую добраться – на открытом месте окажусь, со всеми вытекающими.

Пару раз глубоко вздохнул. Ходу!

Не помня себя вскочил, подхватив тяжёленький сидор за горловину, бросился к автомату. На бегу подцепил его за ремень и, развернувшись, со всех ног помчался к большому дому.

Два выстрела, опять вслепую, однако все рядом. Потом ещё два. С противоположной стороны кто-то заорал:

– К вам побежал!

Похоже, имелась в заборе щёлочка. Плохонькая, иначе давно бы положили меня, но имелась.

Окрик придал сил, заставляя ускориться ещё больше. «Пока бегу – живой!» – заевшей пластинкой крутилось в голове. Промелькнули домики; подошвы сапог, казалось, дымились от скорости и бухали при каждом соприкосновении с землёй турецким барабаном; дыхание спёрло.

...Дверь... Полуподвал с велосипедами и прочим инвентарём для отдыхающих... Вторая дверь... Ступеньки... Уже знакомый зал с чучелами по стенам...

Сдвинул стоящий поблизости комод и закрыл им вход из гаража. Надолго он, конечно, никого не задержит, но и крепко сомневаюсь, что преследователи вообще попробуют проникнуть сюда. Зачем? Пулю схлопотать? Если уж сильно приспичит – окон полно.

Больших, в полный рост. Разбил одно – и гуляй туда-обратно для удовольствия. Потому закрывал больше для порядка, чтобы беззвучно не подобрались.

Не поднялся -- взлетел на второй этаж и, сквозь щели в шторах, не приближаясь к ним, дабы случайно не дотронуться и шевелением ткани не выдать себя, выглянул наружу.

От дома до ворот – метров двадцать, не меньше. Между ними – пустая, поросшая травой сквозь стыки тротуарной плитки, площадка. По бокам, вдоль забора – всё те же берёзки.

Голые, белые с чёрными полосками стволы; высокие, полупрозрачные кроны, о которых всяких приличный поэт старается высказаться в рифме, причём всегда в печальной, непременно норовя приплести мягкий шум листвы и русскую душу.

Может, и правы были. Одни под берёзками душу воспевают, другие – отдают...

Пробежался по остальным комнатам. Роща, домики с виднеющимся за ними прудом – до ближайшего даже подальше, чем до ворот, снова роща – и ни одного человека в поле зрения. Прячутся, планы по моей поимке строят.

А у меня плана, к сожалению, нет. Одни эмоции, нервы и непрерывное желание двигаться, взять под контроль все входы и выходы, все окна. Только перебегу из одной комнаты в другую – так и чудится крадущаяся за спиной бородатая рожа с ружьём наперевес. Злая, страшная...

Обернусь – никого.

На месте напавших я бы и не подумал во двор соваться. Сидел бы тихонько, контролировал периметр и ждал или подкрепления, или пока я не рвану в прорыв. Другой вопрос – есть ли у них время и связь с Фоминском? Если есть – тогда мне не повезло совсем. Если нет – гонец до темноты никак не успеет с подмогой вернуться. А ночью проморгать одиночку легче лёгкого. Получается, штурма мне в любом случае не избежать. Начнут, более чем уверен, со стороны пруда. Сначала один переберётся, самый смелый, следом – остальные. Рассыпятся по удобным позициям, попрячутся под защитой домиков, отрежут мне отход. После понемногу начнут подбираться.

Ещё не до конца понимая, зачем, принялся метаться по комнатам, вслушиваясь в тишину пустого дома и срывать с кроватей простыни. Набрал охапку, свалил её прямо с лестницы вниз, на первый этаж. Поспешил за бельём по второму кругу. Теперь собирал подушки, одеяла, да любые тряпки, способные гореть, дымить и вонять. Последними сбросил два матраца, распоров их вдоль.

Не забывал и за шторы посматривать. Нет. Не показываются.

Ну и ладно.

Когда собранного в кучу барахла набралось изрядно, почти по грудь, спустился вниз. Перекатившись через неё, метнулся на кухню, притащил оттуда резной, деревянный табурет. Без жалости разломал. Мне нужны только ножки, остальное – в сторону.

Тряпки с прочими постельными причиндалами убирать от лестницы и не подумал, тут от них пользы больше. Хорошая лесенка, красивая, резная. Ступеньки деревянные, балясины деревянные, косоуры тоже не подкачали. Дуб, полированный. Когда полыхнёт – мало никому не покажется. И плевать на всевозможные пропитки с лаками. Дерево есть дерево – огня не любит.

Распустил пару простыней на полосы, сделал три корявых, топорщащихся во все стороны лохмотьями ткани, факела. Одну из полос, предварительно смочив её водой из бутылки,

намотал на физиономию, вместо респиратора. На один раз сойдёт, а больше мне и не надо. Натаскал ещё некрупной мебели, набросал сверху. Украсил сооружение несколькими головами убитых животных. Символичненько получилось.

Небольшое, плотное покрывало завязал узлом на шее. Неудобно-то как... будто щёки и подбородок вафельным полотенцем растираю. Чешется, колется, печёт. Но – надо. Руки должны быть свободными.

Покончив с подготовкой костра, побежал на кухню, где лихорадочно принялся выворачивать шкафчики со всяким бытовым скарбом.

В третьем, навесном нашлись салфетки. Много, в целлофановых упаковках. Вот и розжиг.

...Помню я, помню, как под чутким руководством полковника Коробова домик палили, прячась в подземном ходе. Тут такой номер, конечно, не прокатит, однако если устроить пожар, да ещё с дымом – мои шансы удрать сильно повышаются. Застрелиться всегда успею...

Полюбовавшись на устроенный хаос, приступил ко второй части реализации своего замысла. Да, именно замысла – планом, родившуюся в моей голове авантюру, нельзя было назвать даже с натяжкой. Определение «Бред сивой кобылы» подходило гораздо лучше. Ну и пусть. Лишь бы результат был, а выяснять уместность и правильность формулировок я с удовольствием оставляю специалистам.

Прижавшись к стене, бочком подобрался к ближайшему окну, медленно, стараясь не слишком касаться шторы, повернул ручку ближайшей створки.

Добротная фурнитура, пережившая своих хозяев, мягко поддавалась. Чуть потянул – и створка с неприятным уху похрустыванием немного отворилась, образуя щель сантиметров в десять.

– ...ядь!!! – прорвавшийся в помещение крик заставил вздрогнуть.

Прав я был – богатенький дядя здесь строился. Отличная звукоизоляция! Переговорщик, вон, слышно, охрип уже.

– Да пошёл ты! – угадав услышанное слово по последним буквам, начал я диалог. – Вы кто такие?! Нах... сюда припёрлись?!

Голос не сразу, удивлённо ответил:

– Обозвался?! Ну выходи, пообщаемся!

– Ага! Только шнурки поглажу! Чё надо?!

– Ты ох...ел? К ноге, я сказал!

– Сам иди! Один! Без оружия! – крикнул я как можно истеричнее, прекрасно понимая, что никто не придёт.

Мне сюда гостей и не надо. У всей этой пустой болтовни другая цель – запутать тех... за забором.

– Мужик, ты вообще берега попутал? – с нескрываемым удовольствием, получаемым от

перебранки, крикнул невидимый отсюда говорун.

Понимаю, сейчас его приятели с другой стороны перебираются. Я бы тоже постарался заболтать засевшего в доме врага.

Мой выход. Моё первое представление. Амплуа – паникёр.

– Да хер я вам сдамся! Лучше пуля в голову! В трудовые отряды не вернусь! Срать я на вас хотел!!! – истеричность даже имитировать не пришлось – сама наружу лезла. – Уроды! Суки! Чтоб вы сдохли!

Не дожидаясь реакции своего собеседника, бросился к куче, достал спички из кармана. Принялся чиркать серной головкой о тёрку.

На удивление, руки не дрожали, спички не подводили.

Сухая бумага салфеток вспыхнула сразу, мне лишь оставалось кинуть сверху несколько холстин. Заиграл пламенем костерок, потянуло белым, вонючим дымом. Пригодились и факелы. Подпалив их от разгорающегося костра, кинул под шторы. Огонь принялся весело лизать тяжёлую портьерную ткань.

В нос шибануло запахом палёной шерсти. Клубы гари рванули вверх, под потолок, дышать стало совершенно невозможно.

И это радовало.

Следующей моей целью было окно почти над въездом в гараж. Правильную, направленную тягу у меня создать, конечно, не получится, однако для приличного пожара приток свежего воздуха необходим. И лучше сквозняка ничего не придумать.

Хоть и спешил, но нашёл в себе силы и здесь обойтись без резких движений. Так же, сбоку, не показываясь в проёме, приоткрыл вторую створку.

Костёр заметно повеселел, дым потянулся в мою сторону.

Всё. Больше здесь делать нечего. Стараясь не дышать, поспешил к двери, ведущей в гараж. Отпихнул загораживающий её комод в сторону, оказался на лестенке, не забыв закрыть за собой проход. Запах горелого чувствовался и здесь, но не так сильно.

И наступила третья, заключительная часть моего бреда.

Торопливо подойдя к разбитому окошку, тому, через которое ещё совсем недавно влезал в дом, направил «огрызок» в небо. Выстрелил. Один раз. Хватит. Пусть теперь головы ломают, что это было – застрелился или в кого-то конкретно шмальнул?

...Своими бестолковыми, на первый, да и на второй взгляд, манипуляциями я преследовал несколько целей сразу: устроить полноценную дымовую завесу для попытки прорыва; скрыть в треске пожара шум от своих передвижений; запутать противника, создав видимость своей полной неадекватности – с дураками всегда осторожничают, не спешат к ним; вынудить неизвестных на необдуманные поступки и пожар для этого – чем не повод?

Вдруг сдадут у кого-нибудь нервишки и побежит он некие, припрятанные от товарищей ценности спасать? Или разом осмелеют, подойдут поближе посмотреть, как беглец запекается в собственном соку? А я их тут и встречу.

Последние пункты, признаю, спорные. Но уж чем богат...

Горело надо мной весело. И пары минут не прошло – дым из открытого окна уже закрыл

собой всё обозримое пространство. Да и про гараж пожар не забывал – тянуло белой вонью сюда сильно. Глаз обильно слезился, горло немилосердно першило. Долго мне здесь не протянуть.

Забросил калаш за спину, достал пистолет. С ним удобнее – можно одной рукой управляться. Подхватил заранее примеченную стремянку и выскочил наружу.

Бетонный выезд, идущий вверх; грязная, забившаяся мелким, хрустящим под сапогом мусором, ливнёвка; белые, сворачивающиеся в спирали, по удавьи изгибающиеся в непонятном танце клубы дыма над головой; такой нужный треск пламени...

Послышался свист. Сначала справа, со стороны ворот, потом слева, от пруда. Именно слева, с территории усадьбы. Обошли, значит, не побоялись. Спасибо. И не надеялся, что так опростоволоситесь. Вы во двор – я со двора.

Где буду штурмовать забор – до этого момента не знал и сам. Решение откладывал, как мог. Из-за ветра. Раньше направление недосуг проверять было, а сейчас рассуждать поздно. И о том, что меня ждёт там, за ограждением, тоже старался не думать. Может, подстрелят, может, нет... Но здесь оставаться нельзя – здесь меня в любом случае достанут, как не прячься и не отстреливайся. А так, в дыму, можно попробовать и затеряться среди деревьев.

Глянул вверх – дым сносило поперек участка, ближе к въезду. Нормально. Тут бежать – метров пятьдесят, от силы. Потом вверх, на забор. Проволока не пугала – главное лицо не поранить, иначе совсем в урод превращусь. а остальное – заживёт. Зря я, что ли, на шею по-модному покрывало повязал? Его и накину сверху, да и куртка поможет, частично защитит от неизбежных порезов. MADE in USA, как-никак. Пусть в деле подтверждает так разрекламированное суперкачество продукции этой страны-производителя.

Осторожничая, выглянул из своего укрытия в сторону ворот. Закрыты. Никого в прямой видимости нет. Наверняка с той стороны засели, возможно, в некую щёлочку подсматривают.

Тогда так: сейчас ныряю в завесу и, сколько могу, бегу под её защитой. Само собой, даже как-то ободряюще, припомнилось – когда впервые смотрел в щель между створками, с той стороны – видимое пространство было не слишком широким. Точно не вспомню, но менее половины всего двора – за это поручусь.

Потом забираю правее, оставляя дым между мной и прудом.

– Правее, – повторил я вслух, настраиваясь. – И вдоль, до забора.

Из-под ворот отчётливо вырвались беленькие струйки. Где-то лопнуло стекло. Огонь уже не трещал – выл. Быстро разгорелось, не ожидал. Думал, такой эффект минут через пятнадцать наступит, не раньше. Вот что значит деревянная отделка...

Надо отсюда уходить, становится слишком опасно – задохнуться могу или осколком чего-нибудь увесистого, не выдержавшего резкого повышения температуры, по затылку схлопотать. Да и подушки с тряпками скоро догорят – завеса пожже станет.

«А если меня засекут и успеют подстрелить раньше, чем я перелезу? Если будут ждать с другой стороны? Если надышусь дыма и упаду, корчась в приступах кашля и выплёвывая лёгкие? Если?.. Если?.. Если?!» – не шептал, вопил внутренний голос.

Ноги стали ватными. Пробегка внезапно перестала казаться последним рывком к желанной свободе, превращаясь в некий смертельный аттракцион с единственным участником.

И уже вторым экстремальным времяпровождением за два дня – первый был вчера утром, когда от Фроловских миномётчиков драпал.

Перебор у меня с развлечениями. Покоя хочу. И чайку попить. С галетами.

Сходил, называется, за хлебушком... Позарился на чужое.

Из окна сверху вырвался первый язык пламени.

Почувствовал, как начинает кружиться голова. Ждать больше нельзя – сдохну от удушья. Остался последний штрих...

Резкий порыв ветра неожиданно разметал дымовую завесу по всему двору, чем здорово сыграл мне на руку. Да, плотность упала сильно, зато можно попробовать перебраться через ближнюю стену, о которой я раньше и не задумывался, без имитации бегущей мишени. Тут метров пятнадцать всего...

Закинув стремянку на плечо, просунул левую руку между ступеньками и ладонью зажал её так, чтобы она была почти параллельно земле. Вес пистолета вообще не замечал.

Три! Два!..

– Гав!

– Что?..

– Гав! – донеслось со стороны ворот. Из-за шума пламени в горящем доме – негромко.

Этот басовитый голос нельзя спутать ни с каким другим. Зюзя! Зовёт! Но как? Хотя... На вопль отчаяния или обречённой не похоже – звучало требовательно. Опять своевольничает, моя умница? Не буду ругаться. Послушаюсь. Мозги у неё работают как надо...

Ноги сами понесли к воротам, прямо через открытую площадку. Бежал пригибаясь, зигзагами, изо всех сил давя желание обернуться и посмотреть – не гонится ли кто за мной, не целится ли в спину.

Одна надежда – плохая видимость со стороны пруда, не сразу разберутся – свой спринтом развлекается или чужой.

Лопнуло ещё одно стекло, треск пожара переходил в рёв.

Стремянка при каждом шаге подпрыгивала, бухая по плечу, лёгкие горели. Наглotalся дымка...

– Он к тебе! – заорал кто-то из дымного облака, и до меня дошло, почему мне вслед не стреляли. Не из-за плохой видимости – хорошему стрелку она, конечно, вредит, но ему и силуэта достаточно. Видать, заметили мою пробежку не сразу, а теперь боялись попасть в товарища или товарищей, прячущихся по ту сторону. Мои догадки оказались верны – меня обошли. Не знаю, через пруд перебрались или иным способом проникли, а только брали меня в клещи.

Ворота... Калитка... Засов...

Отшвырнул стремянку в сторону. Упал на колени. Чем меньше меня видно – тем тяжелее попасть. Уцепился за скобу засова, сделанного из железной полосы с самодельно пропиленными зубчиками снизу. Про себя отметил – хорошая конструкция, простая и

надёжная. Толстой провололочкой или шомполом открывается. Поддеваешь снизу и сдвигаешь понемногу. Запираешь так же. И ключа никакого не надо.

Железка отъехала как по маслу. Толкнул калитку от себя, рыбкой бросился в открывшийся проём, со всей доступной скоростью пополз в сторону.

Добермана не видно. Где она?!

И вот тут по мне жажнули. Сообразили, что что-то пошло не так и меня здесь никто не встретил, иначе бы услышали или выстрел, или победный окрик товарища. Но сплеховали. Участок имел уклон в сторону пруда, они били снизу, а потому дырки в профнастиле появились в полутора метрах над землёй. Пока в полутора метрах. Более чем уверен – неизвестные мне загонщики в эти секунды бегут вперёд, сквозь дым, и, возможно, вдоль забора снаружи. Сколько их там?

Хватит прятаться. Пора ноги делать. В рощу.

Вскочил, наскоро осмотрелся – а вот и разумная. Стоит неподалёку от угла ограды, расставив для устойчивости лапы пошире и держит кого-то за горло.

Окликать не стал. Подбежал, увидел лежащего на спине в позе морской звезды мужика с перекошенным от страха, бородатым лицом. Глаза выпучены, налиты кровью, уже вверх, за веки закатываются. Сам – синеющий от удушья, явно в полубессознательном состоянии.

Рот открыт, губы мелко трясутся, вместо дыхания – шипение, напоминающее сухую рвоту. Воздуха хочет. Не получается. Зюзя сжала глотку крепко. Рычит. Глухо и страшно.

Рядом с лежащим – двустволка. Схватил, пистолет сунул в карман, и, крепко вцепившись в ствол, словно дубиной наотмашь звезданул лежащему прикладом по голове, стараясь не зацепить Зюзю. Получилось плашмя, вскользь по морде неизвестного. Брызнула кровь из сломанного носа и рассечённого лица. Не задумываясь – повторил удар. Теперь в лоб, и тоже без особого фанатизма. Крови стало ещё больше. Глаза мужика окончательно закатились. Надеюсь, не угробил – череп цел. Вроде...

Стрелять в этого человека я и не подумал – слишком шумно, а убивать засапожником не стал сознательно. Пусть охотникам лучше раненый достанется, требующий заботы и ухода, чем весьма непритязательный в своих пожеланиях труп. Одного жмура на пляже я им уже сделал, со вторым, подстреленным из Орсиса – непонятно. Лучше бы живым остался. И тех, что уже имеются, для полноценного скандала вполне хватит.

Эх, обыскать бы его... да некогда.

– Бегом! – с силой схватив свободной от ружья рукой добермана за шиворот, рванул её на себя.

– Да! – и сам не понял, когда Зюзя оказалась впереди меня. – За мной!

Спрашивать о судьбе Роси не было времени. Потом поговорим. Надеюсь, с мелкой ничего не случилось.

Я не обольщался. Повторный залп последует сразу после того, как преследователи достигнут ворот и увидят мою спину. Раньше стрелять не имеет смысла – пустая трата боеприпасов, да и зачем??

Догнали раз – догонят и второй.

А я попробую убежать.

Скрывшись за боковой к воротам стеной, мы со всех ног, под углом в сорок пять градусов к забору, помчались вглубь берёзовой рощи. Чистенькой, без любимых кустов в человеческий рост и прочих, милых моему сердцу, укрытий. Только трава и цветочки, пасторалька хренова...

В груди по-прежнему жгло, дыхание давно сбилось. Одно радовало: тем, кто следом бежит – не легче. Они тоже гарью надышались.

Тряпку, защищавшую лицо, я давно потерял. Покрывало, завязанное на шее, содрал на бегу, бросил в сторону. Не понадобилось...

Пару раз перепрыгнул через поваленные деревья, между берёзками петлял постоянно.

...Выстрел я как-то пропустил. Заметил только, что кора на оббегаемом в этот момент бело-чёрном стволе очередной русской красавицы полетела мелкой трухой в разные стороны. Мазилы!

Отпрыгнув за дерево потолще, упал в траву. Второй залп... третий... сверху посыпались листья, веточки, прочий мусор.

Огрызнулся из трофейного ружья. На звук. Отбежал я, похоже, порядочно – забор за берёзками еле заметен, людей не видно вообще. Зато дом горит во всей красе – огонь уже добрался до крыши.

На этот раз стрелять не стали, оставив мою попытку оборониться без ответа.

Вскочил, снова побежал.

Доберман ждала неподалёку, не давая мне затеряться среди всего этого растительного великолепия.

А вслед, сквозь гул пожара, донеслось:

– Ты труп! Беги! Найдём!

Вполне может быть. Врагов я себе нажил преизрядных.

Откуда-то сбоку вынырнула Рося и пристроилась рядом с Зюзей. Где была? Что делала?

Пока размышлял о маленькой разумной, и сам не заметил, как перешёл на быстрый шаг. Силы закончились, адреналин переработался. Бак пуст.

В горле стояла мокрота, постоянно тянуло сплюнуть, во рту прочно обосновался привкус горелых перьев – тошнотный, горький. Грудь точно обручем сдавили. Дыхание получалось рваным, поверхностным. Плечо и левая рука побаливали, точно шилом исколотые. Приложился где-то, а где – и сам не вспомню. Потом посмотрю, в спокойном месте. Ничего ещё не закончилось. От меня до охотников этих – метров четыреста по прямой. Один несложный рывок для отдохнувшего человека.

Попробовал войти в привычный ритм: три шага вдох – три шага выдох. Сразу закашлялся, успев плотно закрыть ладонью рот.

Доберман, не сбавляя хода, попросила:

– Потерпи.

Да уж сам понимаю... С великим трудом перешёл на лёгкую трусцу. Разумные тоже ускорились. Через минуту Рося резко взяла влево и быстро растворилась среди

деревьев и травы.

– Она смотрит за людьми, – немедленно прилетело мне пояснение. – Они пока за нами не идут. Злые. Думают, как лучше нас догнать и убить. Спорят. Один человек говорит идти сейчас, другие не хотят. Говорят – потом. Им надо кому-то что-то рассказать. Про мёртвого человека, – дополнила разумная. – И нужен доктор.

– Сколько их? – как можно тише проперхал я.

– На ногах – три. Один ранен. Один убит. Один – я не поняла, убит или нет. Нас не боятся. Злые, – повторила ушастая.

Своих, значит, не бросают. Похвально. Прав был старый хрен Фоменко – гнались за нами. И я прав оказался, когда решился на прорыв. Группа охотничья, не военная. Потому и долго на штурм решались – и навыки не те, и численность неподходящая.

В конце концов, осмелились, оставили одного – главный вход прикрывать и мне мозги пудрить, а сами в обход. Только Зюзя не учли. А эта переменная со множеством скрытых функций. Интересно, как она того болтуна уделала?

На этом я велел себе прекратить отвлекаться на посторонние темы и сконцентрировался на движении. Лёгкие понемногу приходили в норму, голова больше не кружилась. Правое плечо и руку пекло. Изловчившись, сунул руку под куртку. Достал – пальцы в крови. Несильно, но неприятно. Дробью, значит, зацепило... А я и не заметил в запале... Ничего. Главное, не картечью, а с дробью как-нибудь разберусь. Она на излёте со мной встретилась, убойная сила на минимуме. В мягких тканях, опять же, застряла. Легко отделался. Копеечно.

Наша маленькая разведчица регулярно появлялась с докладами и снова исчезала. Судя по спокойному молчанию Зюзи – мы отрывались. Как надолго – не знаю.

Привал ушастая объявила в полдень, когда мы, по моим прикидкам, отмахали по равнинам и перелескам километров двадцать, не меньше. Хорошее место она подобрала – окраину густой лесополосы между двумя небольшими и, естественно, необработанными полями. Вздумай кто к нам приблизиться – издалека заметим.

С удовольствием уселся, стащил куртку, рубаху. Полюбовался на дырочки в одежде с пятнышками своей крови по краям. Спину пекло. Сильно, на грани терпения.

– Зюзя! Посмотри, пожалуйста, что там у меня, – и согнув левую руку в локте, отставленным большим пальцем указал на свой тыл.

Разумная немедленно выполнила мою просьбу и прислала мыслеобраз: пять дырочек, обрамлённые синими пятнами. Две в руке, три в спине. Угадал, значит – дробь. И не достать ведь без посторонней помощи никак. Придётся с ней бегать.

– Тебе больно? – участливо поинтересовалась доберман.

– Нет, – врал, конечно. Ну а что она сделает? Посочувствует и пожалеет? – Вы как? Целые?

– Да. И я, и она, – мордочка Роси, – здоровы.

– Это хорошо.

Из-за кустов вышла маленькая разведчица. Подошла к Зюзе, полюбовалась моей спиной.

– Что, некрасиво? – стараясь придать голосу бодрость, поинтересовался я у второй своей спутницы.

Вместо ответа она подошла к спине вплотную, обнюхала её и без предупреждения принялась вылизывать раненый участок. Мягко, осторожно, медленно, стараясь не причинить мне боль.

– Мы так делаем, когда получаем рану, – к ней присоединилась и доберман. – Помогает. Кровь медленнее идёт.

Спорить не стал. Мелькнула, конечно, мысль о том, что собачьи языки – не самая стерильная штука на свете. Но как мелькнула, так и пропала. Моя пропитанная потом рубашка что, лучше? Вот то-то и оно...

Распустив горловину заплечника, с удивлением отметил, что досталось и ему. Несколько дробинок застряли в пачке с галетами, пара увязла в банке с паштетом из ИРП.

Покопался в недрах сидора, нашёл вату, бинты. Дождавшись, пока мою руку со спиной оставят в покое, перевязался. Плохо получилось, неудобно.

Одевшись, принялся собирать по всему вещмешку коробочки из армейского рациона. Картонные упаковки я ведь выбросил – не влезали они, слишком громоздкие. Потому закидывал внавалку.

Себе взял паштет, разумным отдал каши с мясом. Ложки искать не стал. Выковыряв дробь, прямо галетой черпал коричневую, пахнущую печенью пасту и ел. Вкусно. Зюзя с подругой тоже оценили военные консервы – слопали их мгновенно и теперь грустно посматривали на меня и на то, с какой медлительностью я, по их мнению, кушаю. Но не просили, лишь носами жадно втягивали ароматы из моей баночки.

Не выдержал. Выдал каждой по галете с паштетом. Доберман слопала подношение с удовольствием, а непривычная ко всем хлебобулочным изделиям собачка положила свою долю на траву и принялась слизывать деликатес, довольно виляя хвостиком. Потом подумала немного, и тоже вкусно захрустела хлебцем.

Насытившись и напившись, все почувствовали в животах ту самую тяжесть, категорически требующую спокойствия и горизонтального положения организма.

– Можем отдохнуть? Или идти надо?

– Можем. Она говорит, люди пока за нами не идут, – успокоила ушастая, устраиваясь поудобнее между двумя кустами. – Говорит, люди остались с раненым. Они хотят позже идти. Догонять. И спорят – ты один был или с нами. Не верят, что мы можем дружить. Главный человек не разрешает другим идти в деревья. Боятся, что мы нападём, и он точно не знает, сколько... не людей. Говорит – их мало. Говорит, тебя искать никто не просил. И ругается много.

– Пусть не верят. Мне всё равно.

Получается, у той шестёрки, с которой я сегодня утром сцепился, умный предводитель. Не хочет рисковать. И не из-за меня – чести много. Просто не хочет. Если Рося своими некрупными размерами ещё туда-сюда, так себе опасность, то вот доберман заставит задуматься кого угодно о том, что тут неподалёку вполне может быть стая. Потому и стрелять до победы по ней не решились – некто умный понимал, чем обернётся дело, если они схлестнутся с десятком-другим разумных. Не захотел на два фронта разборки устраивать, посчитав мою поимку приоритетной. Сознательно дали Зюзе уйти. Охотники потому и охотники – знают повадки тварей, знают, что на группу вооружённых и готовых к драке людей они просто так не нападут. Во всяком случае, теперь.

Понимают, как и где себя вести. Когда убивать, а когда сделать вид, что ничего не заметили. Те выстрелы, услышанные после прыжка ушастой через забор – в горячке кто-то учинил. С перепугу.

Ну и Зюзя, больше чем уверен, неслась с такой скоростью, что попасть по ней навскидку – задача не из лёгких.

А скорее всего, одно на одно наложилось.

Другое плохо – Фролов быстро сопоставит добермана и меня. Поймёт, кто его людей пострелял. Сделает выводы, даст необходимый инструктаж, примет меры.

Ну и пошёл он!

– Расскажи, что было после того, как ты перепрыгнула забор.

– Люди были, – мелькнул смазанный мыслеобраз из двух мужских рож, замерших с раскрытыми от удивления ртами, – рядом. Они меня не ожидали увидеть, один закричал. Я побежала не в сторону, а мимо них и в деревья, – стремительно пронесаясь справа и слева берёзки, – потом стреляли. Не попали. Уже была далеко и сказала тебе, что убежала. Она, – картинки не было, но я и так понял – речь шла о Росе, – убежала раньше, когда люди ещё дальше стояли. Боялись идти после того, как ты у воды их человека убил. Потому и не попали в неё. Она хитрая, умеет прятаться.

Погладил отдыхающую рядом собачку по голове. Разумная с интересом слушала добермана, не вступая в разговор.

– Ну а дальше?

– Я убежала, она вернулась. Слушала людей. Один крикнул, что ты убежал. Куда – мы не поняли. Потом другой человек, – мрачная физиономия мужчины лет пятидесяти, – тихо, как мы, вернулся к закрытому входу у дороги и что-то сказал ждавшему там, – другая рожа. Знакомая. Та, по которой я прикладом молотил. – Говорил мало, сразу вернулся и через воду, опять как мы и ты, перешёл к домикам. За ним – второй. И один с другой стороны. А человек у входа постоянно кричал тебе. Ты молчал.

Смелые ребята. Я бы во двор через пруд заходить побоялся. Кто знает, чем встретят? Но и забор ломать – не выход. Шумно, видно, без нормального инструмента – долго. Нет, точно, трусливых там не было.

– Мы ждали, – продолжала Зюзя, забавно прядая ушами, на которые с непонятным упорством пытались спикировать из листвы и воздуха всякие мелкие букашки, – пока узнаем, где ты. Услышали дым, потом ты говорил с, – опять эта рожа переговорщика. – Он отошёл и приготовился стрелять в тебя, если ты побежишь к нему. Ты громко ходишь, не умеешь тихо, как они. Не боялся. Стоял и слушал шаги. Смотрел везде – знал о нас. Но больше на дом. Когда в доме выстрелили – мы поняли – ты сражаешься, а человек стал сильнее слушать.

Мне не стало стыдно от такого укора. Сам знаю, что временами топаю как слон. Значит, трое сзади зашли, а одного оставили мне мозги пудрить и не слишком переживали, что я сбегу. Нагнали бы. Да и тот, один, тоже явно парень не промах. Судя по рассказу добермана, он поступил максимально эффективно в ситуации, когда не имел возможности контролировать сразу три стороны забора. Выбрал себе местечко поудобнее и превратился в слух. Ждал или грохота профлиста при вскарабкивании на ограждение, или буханье сапог о землю при приземлении, или моих воплей при преодолении проволоки. Бесшумно мне никак было не выбраться, тут он прав на все сто.

Площадь для контроля ему не слишком крупная досталась – двадцать на семьдесят

метров. Остальной двор дружки под прицелом держали.

– Как ты к человеку подобралась? – не прекращая поглаживать совсем разомлевшую от удовольствия Росю, поинтересовался у разумной. – Ты тоже не маленькая и когда бежишь – тот ещё топот стоит.

– Да. Я громко бегу, – с досадой в голосе признала мою правоту Зюзя. – Она помогла. Она взяла палку и... – тут рассказчица замялась, подбирая нужное слово. Не смогла, недовольно фыркнула и показала нашу маленькую разведчицу с зажатой в зубах сухой палкой. Не длинной – от силы сантиметров сорок. Собачка бежала между деревьев и сознательно цеплялась кончиком своего орудия за стволы. Получалось тихое постукивание.

– Я понял. Привлекала внимание.

– Привлекала внимание, – старательно повторила новый для неё речевой оборот доберман. – Далеко бегала. Человек часто смотрел, туда, где был шум, а я подошла сзади и крикнула.

Не повезло мужику... Что такое мыслевопль разумной мне было прекрасно известно. По самоощущению: взрыв в мозгах, дезориентация, помутнение рассудка. Будто ухо к пароходному свистку приложил, а он ка-ак ахнет во всю свою паровую мощь! Помню, на себе довелось испытать... Такая вот особенность ментального общения. Напрямую в мозг идёт, минуя уши и прочие понижающие эффект факторы.

– Он упал, я подбежала и позвала тебя. Хотела, чтобы ты шёл на мой голос.

– У тебя получилось...

– Держала человека, чтобы он слушался. Она, – спина маленькой разведчицы, вглядывающейся вдаль, – смотрела других, плохих людей – у меня не получилось. Не могу держать и смотреть. Неудобно. Дальше ты знаешь.

– Вы умницы, спасибо, – с чувством поблагодарил я разумных. – Вы правильно догадались. Я собирался бежать в другую сторону. Опасался засады.

– Мы семья, – нравоучительно ответила доберман, вкладывая в эти два слова весь их глубочайший смысл. А Рося просто завияла хвостом в подтверждение столь умной мысли. – Нужно идти. Люди пойдут за нами. Не отстанут.

Аналогичные выводы крутились и в моей голове, однако захотелось понять ход рассуждений своей спутницы:

– Почему ты так думаешь? Может, они не посмеют?

– Я бы пошла, – зевнув, ответила разумная. – У них тоже есть семья. И между нашими семьями кровь.

Глава 13

Шли третьи сутки отхода на север. Нас никто не преследовал, и это чертовски напрягало. Рося тогда специально осталась неподалёку от места первого привала – проследить за погоней. Никого.

Я сделал поправки на все, как мне кажется, возможные допущения: оказание помощи раненому, несовершенство сегодняшних способов связи, практичность нового фоминского властителя, не пожелавшего тратить время ценных специалистов на такую мелочь, как одноглазый беглец.

Нет, не должны отвязаться... Я убил минимум одного их человека и, согласно заветов покойного старика, меня должны или живым поймать и вздёрнуть на главной площади, или без затей уничтожить, если первый вариант не срастётся. В таких вопросах принципиальность важна хотя бы для того, чтобы люди проникновенно шептались по углам: «Могут. Не уйдёшь. Из-под земли достанут» и плотнее чувствовали на своём загривке суровую десницу власти.

Накажут вместо меня кого-то постороннего? Маловероятно. Пленные из фортика, охрана тюрьмы наверняка уже допрошены вдоль и поперёк, а все ушедшие в прорыв посчитаны и рассортированы. Если кому и повезло до сих пор скрываться от преследователей, то приметы этого везунчика известны всем.

И даже если охотники, несмотря на потерю минимум одного боевого товарища, каким-то чудом ухитрятся промолчать про разборки в усадьбе – слухи про удачливого одноглазого, сумевшего сбежать от погони, поползут однозначно. Не смогут все участники недавних событий поголовно держать язык за зубами. Обязательно поделятся с наиболее близкими, а те – со своими близкими. И так в геометрической прогрессии.

Потому я и не обольщался. Спешил, как умел, двигаясь в выбранном направлении по некоей ломаной линии, и сам не зная, когда с северо-востока поверну на северо-запад или пойду строго на север. Интуитивно путал следы, не давая просчитать свой маршрут и выставить заслоны в наиболее удобных местах.

Сегодня я слегка изменил первоначальные планы – прошёл километров десять в сторону востока по бывшей федеральной трассе. Пустой, непривычно прямой и гладкой, с отлично сохранившимся асфальтом. Жутковатое впечатление. Широченный проспект со ржавыми отбойниками, облезлыми указателями, с грустно трепещущими обрывками выцветших плакатов на билбордах по обочинам. И никого.

Единственная машина, повстречавшаяся мне на пути – брошенный КАМАЗ-самосвал, навьюченный пожитками выше кабины. Кто-то донельзя хозяйственный пёр в вынужденную эмиграцию теперь уже насквозь прогнившие шкафы, диваны, мешки с одеждой. Основательно драпал, да техника подвела.

Основные могильники мёртвых машин, как мне говорили, после Курска начинаются. А здесь – пустота с ветром.

Свернул у наполовину сгоревшей деревеньки. Таких тоже много попадает на пути. Кто знает, самовозгорание здесь произошло каким-нибудь особо жарким летом или бегущие люди, совершенно не заботясь о сохранности пустого жилья, разводили костры, чтобы согреться холодной ночью...

В любом случае домики жалко.

Моих спутниц, в отличие от меня, такие пейзажи не коробили. Для них это привычная, естественная часть нового мира, как для меня в своё время – заводские трубы или перекопанная коммунальщиками улица. Ничего интересного.

Двигались мы к нашему дому... точнее базе, ставшей для нас домом. Между собой мы её именно так зовём. Эту конечную точку предложила Зюзя, на одном из привалов беспокойно поглядывая на то, как я, морщась, стаскиваю рубашку и снимаю бинты для промывки ран. По её замыслу нам следовало максимально быстро добраться до знакомых мест, некоторое время отлежаться, отдохнуть и только тогда начинать строить новые планы на будущее. Не особо задумываясь, согласился – ушастая кругом права.

Дробинки в моём организме жили, казалось, своей жизнью. Три из пяти почти не беспокоили, мирно учась сосуществовать в гармонии с новым хозяином. Дырочки от них уже взялись здоровой тёмно-бурой коркой, а вот две... по одной в руке и в спине –

заставляли волноваться.

Края вокруг входных отверстий никак не желали заживать, наружу постоянно выходила сукровица. Понемногу, по капле. Пока светлая, с красноватым оттенком, но это пока.

Хорошо, что мозгов хватило выгрести из закладки все медикаменты. Много полезного там оказалось.

Опасаясь занести инфекцию, на каждой остановке со всей основательностью протирал раны перекисью водорода, присыпал стрептоцидом, пил анальгин, вот только никаких намёков на заживление этой неприятной парочки не замечал.

Имелись у меня и несколько ампул с новокаином, и шприцы. Их не трогал, берёг, прекрасно понимая, что в случае загноения придётся вопрос решать кардинально – хирургическим путём.

Но вот с этим я как раз и не спешил.

Наибольшая сложность самооперирования заключалась в том, что если до входного отверстия на руке я ещё худо-бедно мог добраться и, вывернув до хруста шею, посмотреть на состояние раны, то вот на спине – только дотянуться пальцами и нащупать под кожей крохотный, инородный кусочек металла. В одиночку, без помощника, его крайне сложно извлечь.

Так и шёл, откладывая решение в долгий ящик и постоянно пытаюсь придумать, где мне найти доктора или ещё кого, понимающего в медицинских делах и не желающего всадить мне скальпель в шею.

Теоретически, можно было бы попросить разумных найти поселение, выйти к людям и договориться, оплатив услуги да хоть тем же «огрызком», а практически – я боялся. Места незнакомые, кто здесь обитает и какое у них отношение к путникам – без понятия. Могут помочь, могут прибить, а могут и в Фоминск стукануть.

Да, знать бы, что судьба сведёт с нормальным человеком, способным извлечь из моей кожи все подарочки от мужичков с усадьбы – я бы и трофейный ИЖ-43, доставшийся мне в идеальном состоянии, отдал! И в придачу все патроны к нему и Орсису! Не жалко! Мне и пистолета хватит! Вот только мечты всё это... ненужные.

А ещё отметил про себя интересную закономерность – правая сторона у меня невезучая. Постоянно именно по ней прилетает. Что глаз, что рука с лопаткой – всё справа. Не то чтобы я верил в приметы и суеверия, однако игнорировать такую вот особенность нельзя. Всякое бывает, иной раз и необъяснимое.

...Сколько мы прошли? Не знаю. По расстоянию – много, до намеченной цели – думаю, мало.

-- Ну, что?

– Ты сам видишь, – никак не пожелала комментировать состояние моей спины Зюзя, отделяваясь мыслеобразом.

– Вижу, – подтвердил я, выгибая через плечо руку с зажатой в ней ваткой и вытирая желтоватую жижу вокруг входного отверстия. – Допрыгался. Гной пошёл.

– Да. Это плохо.

– Знаю...

Безрадостная новость настигла меня на вечернем привале, за пару часов до сумерек. То, что с раной на спине нехорошо – почувствовал ещё в обед. Пекущий зуд сменился тупой, ноющей болью. Осмотр лишь подтвердил мои опасения – началось осложнение. Короче, сегодня же надо вскрывать, чистить, и извлекать наружу шароподобный источник неприятностей. Иначе сепсис не за горами. Жаль, зашить не получится. Не извернусь я так... Зато тут же придумалось решение половины моих проблем.

– Поможешь?

Доберман вопросительно уставилась на меня. Пояснил:

– Будешь моими глазами. Я попробую удалить дробицу.

– Помогу.

Сегодня мы остановились на окраине небольшого городка, в одной из пустых квартир третьего этажа с целыми окнами и выломанной дверью. Маленькая разведчица отправилась знакомиться с местностью, а мы с Зюзей остались готовиться к предстоящему мероприятию.

Изначально я планировал управиться засапожником, однако валяющийся на кухне небольшой, весьма узкий нож для чистки овощей и фруктов заставил подкорректировать первоначальный замысел. Он для вскрытия подойдёт лучше, чем мой полутесак. С пола подобрал керамическую чашку с отбитой ручкой. Заточил лезвие найдёныша о шероховатый край её днища. Получилось неплохо. Так, скальпель есть...

У самого выхода из квартиры, на тумбе для обуви, под ключницей обнаружился пинцет. Маленький, лёгкий, не чета хирургическому, конечно, однако вполне рабочий. Лежал себе спокойненько в женском маникюрном наборе, словно меня ждал. Не удивился. В чужой квартире чужие правила, а я здесь гость и не моё дело, где и что хозяевам хранить.

Вообще странно, почему этот наборчик уцелел – полезнейшая же вещь! Ножницы, мини-кусачки, пилка, лопаточка для ногтей... Пропустили, наверное. Вот и отлично. Некто проморгал, а я нашёл. Обязательно с собой заберу.

Ободрённый, решил перевернуть здесь всё.

Неоднократно побывавшие в квартире мародёры вынесли многое, но ещё больше они разбросали и намусорили. Повсюду ворохи тряпок, бывших когда-то одеждой и постельным бельём, поломанная мебель, грязь.

Пока копошился в чужих пожитках – чего только не попадалось! И отдельные тома Большой Советской Энциклопедии, и целая папка рукописных стихов, и кожаная маска в заклёпках с шипастым ошейником и поводком для известных игр.

Ошейник подарил Зюзе взамен давно утраченного, не раскрывая, впрочем, истинного предназначения сего предмета. Ей понравилось. Подарок вообще оказался добротным. Кожа мягкая, шипы из нержавейки, довольно острые, сделано всё аккуратно.

Надел находку на разумную – получилось эффектно и грозно. Не поленился, снял со стены чудом уцелевшее зеркало и дал новой владелице покрасоваться. А поводок с маской, не показывая, засунул под одну из самых грязных куч. Не хватало ещё объяснять разумной чужие причуды...

На том и успокоился.

Собрав немного обломков мебели, вышел на улицу и свалил их тут же, на старой детской площадке, под ржавой полукруглой лесенкой-лазом. Потом принёс небольшую, высокую кастрюльку, найденную на всё той же кухне, а затем, в довершение, отодрал кусок какого-то кабеля с медной начинкой, входящего в подъезд.

Зюзя смотрела на мои приготовления с интересом, водя головой из стороны в сторону – привыкала к обновке.

Пропустив кабель через верхнюю перекладину лесенки, привязал к нему за ручки кастрюлю так, чтобы она висела над костром. Кирпичи, конечно, подошли бы для очажка куда лучше, но искать их мне было лень. Налил немного воды, бросил в неё нож с пинцетом. Спичками и пучком сухой травы разжёг костерок.

Пока ждал, когда вода закипит – совсем стемнело. Для меня, не для добердамы. Она во тьме видит отлично, для неё обычная ночь – как для нас лёгкие сумерки. Проверено неоднократно.

За заботами о боли как-то позабылось и захотелось поболтать в ожидании неизбежного. Не знаю, почему, но именно сейчас, именно здесь я решил задать один из самых главных своих вопросов к разумной.

– Зюзя! Скажи, пожалуйста... почему ты тогда... ну, помнишь, когда я ногу подвернул, а ты привела меня к своему другу Диме... когда мы познакомились... потом решила идти со мной? Мы же не знали друг друга, я в тебя стрелял, убить хотел...

Разумная, настраиваясь на долгий разговор, решила прилечь и попыталась по привычке положить морду на передние лапы, но забыла про шипы, торчащие из ремня ошейника. Укололась, тут же подняла голову и попросила:

– Сними. Неудобно.

Внутренне трепеща в ожидании ответа, освободил шею подруги от столь неоднозначного украшения, сунул его в свой карман. Выбрасывать ведь не просили.

– Ты не ответила.

– Сложно ответить, – укладываясь поудобнее и наблюдая за пляской языков огня, начала с неглавного Зюзя. – Я точно не знаю. Много причин.

– Какие? – я понимал, что вопрос сложный, деликатный, однако вода в кастрюльке скоро закипит и тогда мне придётся отложить наш разговор. Потому... не то чтобы торопил, скорее, не давал беседе застояться. Такие темы дважды не поднимают. Один раз спрашивают – один раз получают ответ. – Должны же быть главные?

– Нет, – смогла удивить меня собеседница. – Нет главных причин. Просто я так решила. Не люблю быть одна, не люблю ждать нового скучного завтра. А ты умел читать сказки так, как это делал Дима. Честно, интересно. В них хотелось верить. Плохой человек не сможет хорошо рассказать. Я почувствую. Я много чувствую. Страх, обман, боль. Не могу объяснить, как это получается. В тебе я почувствовала друга. Сначала думала, ты неумелый человек. Ходишь шумно, прячешься, плохо слышишь и громко спишь. Потом стала думать по-другому. И я рада, что не ошиблась. А ты зачем меня позвал?

– Устал от одиночества, – честно, как на исповеди, признался я. – Решил, вдвоём веселее.

– Правильно решил. Хорошие слова. Мне они нравятся. Вдвоём веселее.

Посмотрел в кастрюльку – со дна начинали подниматься пузырьки. Минут пять-десять

ещё есть. Можно поболтать... И тогда я не выдержал, рассказал разумной всё: про истинную причину смерти Ольги, Бублика и людей в форте, о том, кто во всём этом виноват, о несбывшихся планах Фоменко. Получилось на удивление коротко. Вот бывает так – случившихся событий масса, в умелых руках на три романа можно растянуть, а возьмёшься рассказать о них, не растекаясь в малозначимых подробностях, и пары десятков фраз хватит.

По-моему, сухо получилось, словно инструкцию к лекарству прочёл. Не от равнодушия – каждое слово отзывалось эхом, эмоциями, памятью в моём сердце – я не хотел отягощать ушастую излишними деталями. Для чего? Заставить страдать ещё больше? Нет, это без меня, и так наболтал сверх всякой меры... Захочет узнать больше – сама спросит.

Доберман долго не отвечала. Я тоже помалкивал, с ужасом ощущая, что мне стало немного легче. Поделился, называется. Выговорился, вылив душевные помои на собаку...

Пришла Рося, устало улеглась рядом.

– Она говорит, что мы не интересны тем, кто считает эти дома своим домом, – совершенно не о том заговорила моя спутница.

– Это кто же? – в голове отобразились морды неизвестных дворняг. Их мало, всего четверо. Судя по визуальному восприятию нашей разведчицы – мелковатые. Размером с неё, не больше. – А они никого посильнее не позовут?

– Могут... Но не быстро. Других мы не слышим. Дай им еды – никого не позовут.

Неожиданно...

– Это тебе Рося сказала?

– Да. Говорит, они голодные, слабые. Плохая охота. Много не надо. Попросили.

Из еды в изобилии у меня оставались лишь галеты. Достал одну, показал.

– Подойдёт?

– Подойдёт. Положи на землю. Она, – мордочка Роси, – скажет, что такое можно кушать. Не опасно. Они не знают такую еду.

Я выложил пару десятков галет, как было сказано, на землю, немного в сторону от нашего костра. Собачка одобрительно ткнулась лбом в мою руку. Надо же, у нас так не принято – помогать незнакомым. Раньше, вроде бы, были традиции не отказывать нуждающемуся в крове и куске хлеба, только позабыты они. Не застал. В лучшие времена – и то, подать, может, и подали бы, если долго и униженно просить, а вот помочь по собственной инициативе – на такое решались лишь единицы из всей человеческой биомассы.

Вода в кастрюльке совсем закипела и я, отчаявшись узнать мнение Зюзи о новой интерпретации недавних событий, переключился на подготовку к удалению дробинок. Разделся, протёр перекисью дыру на лопатке и её окрестностях. Набрал в шпиг новокаин, развернулся спиной к доберману.

– Приступим. Сядь, пожалуйста, поближе и не отводи глаза от раны. Я должен видеть происходящее как можно лучше.

После некоторого шевеления, обозначавшего выбор разумной наиболее удачной перспективы, в моей голове возникло весьма детальное изображение собственной спины.

Медленно, привыкая к управлению левой рукой с совершенно нового для себя ракурса, вколол обезболивающее, втайне радуясь, что не оброс лишним жирком и завести руку за спину для меня не проблема.

Не особо заботясь об экономии такого ценного обезболивающего, повторил процедуру, введя препарат с другой стороны раны.

Подождём, пока подействует.

Чтобы чем-то себя занять, уставился на кипящую воду. Говорить не хотелось. Я уже сказал всё, что считал нужным.

Разумные тоже помалкивали.

Просчитав в уме до тысячи, снял свой примитивный стерилизатор с огня, слил воду. Протёр руки перекисью (спирта в моём рюкзаке не оказалось – дважды перетряхивал. Думаю, кто-то из охотничков использовал его внутрь себя, любимого, а объявить об этом товарищам с последующим восполнением через официальные источники или по-тихому компенсировать недостачу новым флакончиком – постеснялся), взял прокипячённый нож, снова повернулся спиной к доберману. Её и просить не потребовалось – в голове сразу зажглась знакомая картинка...

Самым сложным оказалось преодолеть психологический барьер, заключающийся в категорическом неприятии вполне понятных и обоснованных насущной необходимостью действий.

Ну вот, хоть ты тресни, не укладывалось в моей голове – как это себя, любимого, резать по живому?! Жалко ведь, не чужой человек... И страх, порождённый ожиданием начала самооперации, тоже никуда не делся – лишь нарастал с каждым мгновением, пока я примеривался к первому разрезу. Не удобно, чёрт... я же правша, а тут левой орудовать приходится.

На всякий случай сжал в зубах палку – помнил, так многие делали, чтобы не заорать в неподходящий момент.

Знание оказалось полезным. Пока разрезал упругую, плотную кожу, пока с ужасом смотрел чужими глазами на бегущие по спине струйки крови – несколько раз чуть в обморок не грохнулся. Спасала деревяшка, в которую впились мои челюсти. Именно она стала тем самым якорем, помогающим оставаться в здравом уме и сознании.

Чем хуже себя чувствовал – тем сильнее сжимал зубами палку, стараясь её влажноватым, с примесью трухи, вкусом заглушить не самые приятные ощущения от этой добровольной экзекуции.

Просроченное обезболивающее действовало плохо. Я очень отчётливо ощущал малейшее шевеление лезвия ножа в теле, по полной прочувствовал каждое своё неуклюжее движение. А ещё я узнал, что косметический пинцет в таких делах – полная, бесполезнейшая вещь.

Свинцовый шарик, на моё счастье, засел неглубоко, однако напряжённые мышцы не отпускали его, зажав со всех сторон, словно тиски. Как ни старайся – не вытащишь. Слишком слабый захват получается – насечек нет, губки гладкие, сильно нажмёшь – половинки «играть» начинают. Плоскогубцы с узкой рабочей частью для такой цели подошли бы гораздо лучше, но вот нет их у меня!

Помучавшись так некоторое время, всё же решил прекратить издевательство над собственным организмом и воспользоваться своим импровизированным скальпелем.

Фруктовый нож для извлечения дроби оказался так же непригоден – слишком узкое, не предназначенное для хирургии острière никак не хотело подцеплять инородное тело. Этот мелкий кухонный ширпотреб всё время соскальзывал, промахивался, и вообще, норовил жить своей жизнью. Пришлось, в качестве попытки №3, доставать засапожник с более толстым, широким лезвием, наскоро протирать и, не думая про возможную инфекцию, выковыривать им подарочек от фоминских стрелков.

Получилось с четвёртого или пятого раза – не особо считал, с уже совсем измочаленной палкой в зубах...

Как выпал свинцовый шарик, Зюзя не заметила, полностью концентрируясь на моей возне с ножом. Зато я почувствовал нечто тяжёленькое, бодро скатывающееся по спине вниз. Пощупал, потыкал пальцем – не показалось. Избавился. Снова осмотрел рану – расковырял знатно. Не дырочка – дыра алела на правой лопатке. Всё в крови, развороченное. Промыл, присыпал стрептоцидом, наложил повязку. Отдышавшись, занялся рукой, твёрдо вознамерившись разобраться со второй проблемой здесь и сейчас.

Бережно сложив ножи в кастрюльку, повторил подготовку: так же обколол незаживающее место новокаином, так же ждал, пока подействует местная анестезия, так же не слишком помогло.

...Вторая дроби́на выскочила почти сразу, без всяких ухищрений и возни. Словно только и ждала, когда её подцепит лезвие засапожника и покажет, где выход из моего беспокойного организма. Страшно довольный таким окончанием самопочинки, перешёл к необходимым противовоспалительным манипуляциям, а потом с удовлетворением перебинтовал руку.

– Всё! – я постарался, чтобы мой голос звучал бодро. – Остальные трогать пока не буду. Не беспокоят – и ладно. Спасибо, Зюзя!

Признаваться в том, что у меня больше нет сил на самооперирование, не стал. Надеюсь, насчёт тех трёх дроби́н не ошибся. Глядишь, закапсулируются себе помаленьку и забудутся.

– Тебе больно? – участливо поинтересовалась доберман, рассматривая бинты.

– Нормально.

– Нет, тебе больно. И у тебя дрожат руки. Болит голова?

Не знаю, как она почувствовала, но Зюзя оказалась полностью права. В моей голове действительно разгоралась уже позабытая боль от старого ранения, стоившего мне глаза. Перенервничал...

Поёжился. Прохладно. Пора идти спать. Быстро оделся, сунул засапожник на его законное место, пинцет вернул в набор и сунул в вещмешок. Собрал ампулы со шприцами, уже ненужный ножик в кастрюльку (не надо всем вокруг знать, чем я тут занимался), естественным способом затушил догорающий костерок.

– Давайте на ночлег устраиваться. Завтра с восходом дальше пойдём.

Разумные, позёвывая, встали и Рося сразу же растворилась в темноте. Рассказывать про угощение пошла, не иначе. Проводив маленькую разведчицу взглядом и сочтя, что та отбежала довольно далеко, Зюзя спокойно, словно разговор шёл о примитивных вещах, спросила:

– Что дальше?

– В смысле? – я не сразу понял, о чём идёт речь.

– Ты мне рассказал про людей, которые убили Ольгу, Бублика, других людей. Что дальше? Мечь?

Вот оно что... долго, выходит, она мои откровения обдумывала, потому и молчала...

– Не знаю. Честное слово, не знаю. Но оставаться в стороне, не мешать – сложно, – я медленно зашагал к подъезду, желая поскорее завалиться на что-нибудь мягкое, скинуть сапоги и как следует отдохнуть. Ослаб...

– Сложно, – эхом повторила разумная, пристраиваясь рядом и двигаясь в такт моим шагам.

– Полноценную войну мы не осилим, – глядя себе под ноги, чтобы не споткнуться, я продолжил разговор. – Там много людей, есть военные. И не те, с которыми когда-то мы на паровозе катались – позабывшие в процессе выживания свои навыки и ставшие простыми мужиками с далёким армейским прошлым, а настоящие, с огромным опытом и практикой. Мы им на один зуб... Убить их главного? А как подобраться? И что изменит его смерть? Этим никого не остановишь... Фоминск развивается, начал экспансию на север, государство создаётся. Что мы можем противопоставить всему этому, кроме наших жизней? Я не знаю... Но и прощать не хочу.

Мы подошли к дому и остановились в ожидании маленькой разумной. Несмотря на заверения ушастых в относительной безопасности, дверь в подъезд я планировал на ночь запереть. У них свои мерки к понимаю спокойного сна, у меня свои. Вдруг их местные сородичи посчитают галетное подношение недостаточным и передумают, назначив нас вкусным десертом?

– Ты мне хочешь сказать всего одно слово, но не знаешь, как. Сомневаешься, боишься признаться, – рассудительно ответила доберман. – Это слово: «Уходим». Я думаю так же. Посмотри на себя: ты ранен, ты убегаешь как заяц на охоте. Плохие люди убили наших друзей. Ты убил их человека, одного побил, одного – не знаю, или убил или ранил. Опять идти убивать? Это ни к чему не приведёт. Ты отомстил, надо успокоиться.

– А что потом? – мне хотелось избежать любых недосказанностей. – Уйдём, спрячемся, будем ждать, пока нас снова найдут?

– А что сейчас? – вопросом на вопрос ответила ушастая. – Нужно быть умнее. Люди, от которых мы бежим, за нами не пошли. Может, и нам не надо идти к ним?

...Мы говорили об одном и том же, каждый по-своему. Я – колеблясь, Зюзя – обдуманно и взвешенно. В основе и у меня, и у неё лежала несложная, понятная краеугольная истина: надо уметь отпускать своих мертвецов и чувствовать ту самую, почти невидимую грань, отделяющую груз прошлого от множества дорог будущего.

Мне не хотелось воевать, ей тоже. Боль утраты никуда не делась, но и голос разума никто не отменял. И в то же время как тошно осознавать, что нужно делать выбор, чем-то смахивающий на предательство...

– Я знаю, ты не боишься. Знаю, хочешь отомстить. И я хочу. Но я боюсь потерять тебя, её, – смешная физиономия Роси, торчащая из травы и дурашливо вывалившая язык. – Я потому и не ответила сразу. Услышала, как она возвращается. Не хотела говорить при ней. Пусть не знает...

– Да, конечно, – поспешил я согласиться с Зюзей. – Не будем пока ничего рассказывать. Потом как-нибудь.

– Спасибо. Она... хорошая и простая. В сказке она была бы доброй феей...

– Да понял, понял! Ты боишься потерять тех, кто у тебя есть. Не переживай, в атаку я прямо сейчас не побегу. Мы решили искать своё Место? Решили! Вот и продолжим этим заниматься в надежде, что про нас забудут.

– Да. Это умно, – согласилась со мной ушастая, не скрывая облегчения и уставилась в темноту, откуда начало доноситься лёгкое поцокивание когтей по асфальту.

Хитрюга... Вынудила произнести вслух решение. Теперь вроде как карте место. Сказал – отвечай.

Вернулась Рося, с недоумением посмотрела на наши серьёзные физиономии, повиляла хвостом и сладко зевнула, намекая, что пора бы и спать лечь.

Впустив своих ушастых спутниц в подъезд, я прикрыл дверь, просунул нож между луткой и дверной ручкой, соорудив таким образом нехитрый запор и с удивлением слушая, как непривычно гулко звучат мои шаги в пустом подъезде, поднялся в квартиру.

Расположились где кому понравилось. Я – на пахнущей мышами и сыростью кровати, разумные – на полу. Им мышиный запах пришёлся не по вкусу. Перед сном порадовал четверолапых сказкой про сестрицу Алёнушку и туповатого братца Иванушку...

Первой в утреннюю прохладу нового дня из подъезда вышла Рося, следом Зюзя, а уж потом, дождавшись, пока они обнюхают окрестности и сообщат, что всё в порядке, выбрался и я.

– Галет нет, – присмотревшись, ткнул рукой на участок земли неподалёку от погасшего костра. – Сlopали.

Ничего не отвечая, наша маленькая разведчица тщательно обнюхала место трапезы здешних обитателей и негромко тявкнула.

– Других не было, – перевела доберман. – Только те, кого она видела вчера.

– Ну и хорошо. Надеюсь, они вам благодарны.

Сегодня снова решил идти как нормальный человек – по асфальту. Хватит уже по полям да перелескам бегать. Надоело. Потому решение выбрал простое – выбираемся на ту же самую дорогу, по которой пришли сюда и топаем дальше, тем более что направление подходящее. Разумные не возражали.

Изучившая за вчерашний вечер окрестности собачка уверенно затрусила через двор, показывая наиболее удобный, по её мнению, путь. Мы пошли следом.

Рося не ошиблась. Через каких-то пять минут наша троица оказалась на уже знакомом тракте, делящим городишко на две неравные части.

Шагалось легко, отдых пошёл мне на пользу. Спина и рука, конечно, побаливали, но уже не так, как раньше. Сегодня даже таблетками решил не закидываться.

Неприятности нас поджидали в самом конце ненаселённого пункта, на окраине – собачья стая, расположившаяся метрах в двухстах по прямой. Большая, особой в двадцать, но все они были относительно мелкие. Из серьёзных противников только четверо тварей внушали опасение – обычные дворняги, облезлые, худые, в холке немного повыше моего колена. Что удивительно, они не напали, едва завидев нас, а перегородили дорогу, нервно поглядывая друг на друга и перетаптываясь на месте.

Один из наиболее крупных псов – лобастый, косматый, отделился от своих соплеменников, вышел вперёд метров на пять и остановился, посматривая то на ружьё в моих руках, то на Зюю. Ружьё его беспокоило больше, чем доберман – слишком подолгу он задерживал взгляд на смертоносной стали, слишком сильно поджимал уши и скалился, встречаясь глазами со мной.

На выглядывающую из-за моих ног Росю тварь не обращал никакого внимания.

– Он хочет говорить, – обратилась ко мне Зюя, пристально рассматривая внезапно возникшее препятствие.

– О чём?

– О еде. Он не знает, как разговаривать с человеком. Я буду тебе говорить то, что он скажет мне.

– Ну давай попробуем...

Несмотря на внешнее спокойствие, я жутко нервничал. А если это сборище шавок отвлекает внимание, пока действительно серьёзные противники нас с тыла обходят?

– Он нам зубы не заговаривает?

– Что?

Я чертыхнулся и быстро перевёл незнакомый разумной фразеологизм:

– На нас сейчас со спины не нападут?

– Не думаю. Я никого не слышу.

– Ты и этих не слышала, – указал стволом в сторону стаи. – А они есть. И их много.

– Они не приходили, потому мы их не слышали. Если ты боишься – уйди обратно или найди спокойное место. Так будет правильно. Я сама буду говорить.

– А ты как же?

– Всем уходить нельзя. Подумают, мы все боимся. Не будут уважать.

– Тогда и я не пойду. Пусть всех уважают, бобики грязные... Если что – перестреляю. Спрашивай, чего этот умник хочет?

– Уже спросила, – огорошила меня доберман. – Он хочет еды. Говорит, чтобы мы отдали всю нашу еду и тогда они нас пропустят. Голодные, – добавила она с грустью.

Нехитрая цепь предшествующих столь причудливой встрече событий сразу сложилась в моей голове: угостив вчера местных, мы совершили серьёзнейшую ошибку – обозначили, что у нас имеются продукты, причём в изрядном количестве, иначе бы не делились. Кто-то из попробовавших галеты собак не придумал ничего лучше, чем обрадовать своих друзей и знакомых такой вот интересной новостью.

Нападать на нас разумные, похоже, побоялись – вышедший на переговоры пёс явно понимает всю опасность огнестрельного оружия, ограниченные возможности своей стаи и учитывает физическую силу и габариты моей добердамы, которая почти на голову выше самого крупного четвероногого из его своры. Умный вожак... ну или минимум не круглый дурак.

Был бы я один – наверняка бы разговоры сейчас со мной никто не разговаривал – навалились бы кублом из-за угла, и вся недолга. Заодно и покушали бы от пуза.

– А не пошёл бы он... – непроизвольно вырвалось у меня. – Ещё чего не хватало! Может, и автомат ему отдать?!

– Автомат ему не нужен. Он понимает, что у нас не много еды и говорит, что можно помочь охотой. У тебя есть ружьё, ты можешь застрелить много вкусных.

Конструктивный переговорщик...

– Что будет, если я откажусь?

– Он будет с тобой сражаться. Ему нужна еда. Он не хочет...

– Но у него нет выбора, – продолжил я за Зюзей. – Сильно голодают?

– Не знаю. Их здесь много. У многих короткие лапы – плохо бегают, плохо догоняют. На всех еды может не хватать.

Невольно всмотрелся в перегородивших наш путь разумных тварей – до моих легконогих спутниц им как шпалоукладчице со стажем до балерины. Все между собой похожие, криволапые, с приплюснутыми мордами и несуразно вытянутыми туловищами. Будто гибрид таксы с бульдогом создавали, ради шутки щедро добавив рачьей крови. И все худые, шелудивые, со впалыми боками. Вожак, показавшийся мне поначалу заурядным псом, на их фоне смотрелся идеальным красавцем.

Перенаселение у стаи тут получается... Наверняка скрещивались между собой неоднократно со всеми вытекающими от кровосмешения болезнями; как следствие – обмельчали, нерасторопную дичь в округе повыбили, жрут от отчаяния что ни попадя, а сменить место жительства по каким-то своим причинам отказываются.

– Что предлагаешь?

– Дать еду. Не жалко. Охотится с ними я не буду – шумные, не быстрые. Да, – чуть кивнула головой Зюзя в подтверждение своих слов, – Отдать. Иначе плохо будет всем. Они нас боятся, но их много.

Посмотрел на виновницу всего этого... Стоит унылая, уши повисли, смотрит вниз. Стыдно ей за всё вот это. Стыдно. И за то, что стаю прошляпила, и за происходящие по её вине разборки с вымогательством. Как говорят у нас, у людей: «Не знает, куда деться»... А здешние тоже ловкачи! Готов поспорить – галеты вчерашние встреченная ею четвёрка сожрала, не поделилась с сородичами. Иначе бы мои ушастые унюхали всю эту банду. В собачьих зубах ведь сухие, ломкие пластинки теста далеко не унесёшь, раскрошатся по дороге.

Очеловечиваются, видать, четвероногие... Наши повадки перенимают – своё брюхо всегда роднее. Нажрались и только потом «обрадовали» родственников.

– Допустим... Тогда как с ними будем расходиться?

– Он говорит, ты дашь мне мешок. Я его отнесу далеко и все пойдут за мной. Ты уйдёшь, я потом догоню. Она, – наша маленькая спутница, – пойдёт с тобой.

– Так просто?

– Да.

– Нет! – рявкнул я на Зюзю так, что та вздрогнула. – Нас сейчас на прочность

проверяют, понимаешь?! Неумело, коряво ограбить пытаются! Если уступим – нам хана! Ты на них посмотри! Перегораживая улицы харчи не просят! Требуют! И твою доброту никто из этой банды не оценит! Всё, что они хотят – это жрать и, сдаётся мне, пофиг кого... Как только разделимся – по одному нас перебьют. Во всяком случае меня – точно. Мы сильны, пока вместе... – и перевёл дыхание. – Ты им веришь?

– Не знаю... Не понимаю... Они все разные, каждый не похож на другого... Одни зовут, другие говорят... обидное.

Что именно сказали Зюзе – и так понятно. Идёт с человеком, защищает человека, разговаривает с человеком – однозначно за это её не хвалили.

– Ты слишком добрая... Давай-ка я сам с этим блохастым пообщаюсь, напрямую. Он меня хорошо понимает?

– Плохо. Лучше я буду повторять за тобой.

Предводитель стаи не отводил от нас глаз. Злых, нехороших.

– Тогда дублируй, – не терпящим возражений тоном потребовал я от добермана. – Дословно. С такими только нахрапом можно говорить. Или кулаком, – а после заорал. – Эй, урод! Ты решил за чужой счёт своих шавок покормить? Ультиматумы мне ставишь?! Ладно... Попробуй! Нужна еда – иди и отбери!

– А что такое ультиматум? – неожиданно напомнила о себе Зюзя. – Он не понял.

– В словаре прочтёт, если захочет, – скатываться в разжёвывание политических терминов какому-то шелудивому псу совершенно не хотелось. – Я тебе, Зюзя, потом объясню. Ты переводи, не отвлекайся... – и снова повысил голос. – Пусть убирается с дороги или я пройду по его труп. И вообще, что ты за вожак, если не можешь добыть еду для своей семьи?! – теперь сознательно переключился на святую для всех разумных тему. – Ленивый?! Или не способный?! Тогда уступи место тому, кто сможет!

Выкрикивая обидные, по моему мнению, слова, я начал идти в сторону перегородивших дорогу. Сначала медленно, стараясь придать своей физиономии максимально зверское выражение, потом перешёл на уверенный, привычный шаг. Переговорщик не сдвинулся. Подобрался, ещё больше оскалился. Стая за ним сгрудилась, с ненавистью поглядывая на меня и на Зюзя, движущуюся немного впереди прямо на четвероногих вымогателей. Рося не отставала, жалась к моим ногам, нервно озираясь.

Уступать не собирался никто... Твари за спиной вожака тоже начали скалиться, готовясь к неизбежной развязке.

...Сначала хотел сменить ружьё на автомат, но быстро передумал. Не до суеты сейчас с перекидыванием оружия с плеча на плечо и путаницей в ремнях. Весь психологический эффект пропадёт. Ничего, справлюсь и без «огрызка». На крайний случай пистолетом обойдусь...

Когда до своры оставалось метров пятьдесят, я нарочито медленно навёл ружейный ствол на собак.

– Вы подохните первыми! Ваш главарь последним. Готовы?

Кто-то взвизгнул, кто-то зарычал.

– Они не понимают тебя, не знают твой язык, – заметила доберман. – Но понимают меня и язык оружия. Они боятся.

– Тогда путь разбегаются! Не я у них продукты отжимаю!

Твари колебались – я это шкурой почувствовал. С одной стороны, их гнал отсюда инстинкт самосохранения, порождённый банальным пониманием того, что с некоторыми из них может сделать даже один ружейный залп. С другой – напоминало о себе стадное чувство. Все тут, вожак тут – никуда не уходит, готовится встретить врага. Надо готовиться к бою.

Но не хочется – враг слишком опасен.

А я наглел всё больше.

– Бу-ум! – и сделал вид, что выстрелил.

Несколько разумных не выдержали, сорвались с места и, довольно быстро перебирая своими короткими лапками, скрылись между домами.

Отлично! Пример остальным подали!

– Не убивай. Я сама, – непонятно объявила моя спутница и молнией рванула вперёд, прямо на вздыбившего холку пса.

Замысел ушастой оказался прост и изящен. Она сходу, пользуясь своим преимуществом в габаритах, скорости и силе сшибла вожака, ухитрившись при этом поймать его горло и прижать к асфальту. Я уже всерьёз навёл ружьё на стаю, но никто и не подумал броситься ему на выручку. Угрюмо стояли, смотрели, не отводя от доберманских челюстей своих глаз–бусинок.

Разборка сильных. Мелким и неуверенным в себе делать там нечего... если не зовут.

– Кто дёрнется – пристрелю! – решил остудить я горячие головы из стаи. Всё они понимают. Прекрасно понимают. Тут слова не нужны, жестов достаточно.

...Зюзя рыкнула, вдавливая противника в асфальт...

...Пёс захрипел. Натужно, сипло. Но не сдавался – изворачивался, пытался лапами оторвать чужие клыки от своего горла, бешено молотил хвостом по сторонам...

Не знаю, о чём они сейчас говорили. Только догадываюсь...

...Зюзя зарычала на полтона ниже...

...Вожак, непонятным образом изловчившись, вцепился в шею моей подруги. Завизжал...

Нафиг. Пора прекращать этот балаган.

Побежал на помощь.

Поредевшая стая подалась назад. Не на много – на пару метров, но все уже поняли, кто есть кто в данном раскладе.

И не успел. Моё вмешательство попросту не понадобилось. Пёс неожиданно обмяк, отпустил доберманью шею, раскрыл пасть, вывалив оттуда неожиданно длинный, бледно-розовый язык, засучил лапами, заскулил, извиваясь по асфальту. Разумная тотчас отстранилась от него, тяжело дыша и всё ещё скалясь.

Короткий взгляд на бьющегося в конвульсиях вымогателя пояснил причину такой перемены в его поведении – поддыхает. Гортань сломана, прямо вмятину видно. Кирдык тебе, придурок...

– Я не хотела его убивать. Говорила – уйди. Он отказался, – словно оправдываясь за свой поступок, обратилась ко мне разумная. – Сказал, я должна умереть. И ты должен. Ему другие говорили не сражаться со мной, сказать, что я главная, но он не захотел их слушать. Злился.

– Сам дурак, – поддержал её я. – Мог ведь дело миром решить. Не захотел...

– Глупый.

И было в этом определении столько неподдельной печали, что мне не оставалось ничего, кроме как заткнуться по данному поводу.

Оставалась стая. Перепуганная, глухо порывающаяся и растерянная.

Надоели вы мне, гопники начинающие...

– Валите отсюда! Ну! – топнул ногой.

Разумные твари уходили медленно, пятясь и мешая друг другу. Всё ждали, когда выстрелю. Но вот одна достигла спасительного угла дома, потом другая, и через секунду они все исчезли из виду. Только топот слышался.

Осмотрел Зюзину шею. Пёс её не порвал, но прокусил в паре мест довольно сильно. Как бы столбняк не словила... хотя, на бешеного этот тварный отморозок вроде не похож был. Ладно, будем верить в хорошее.

И снова перекинься, и снова вата, и снова стрептоцид...

– Рося! Ты тут?

Тихое поскуливание прямо у левой ноги. Ай молодец, так и не отстала! В глаз не смотрит, хвост опущен, уши не торчком, как обычно, а вялыми лопухами. Присел, положил ей руку на голову, погладил.

– Не расстраивайся. Ты не виновата. Так получилось...

Вот только маленькая разумная так не считала. В следующие дни я её практически не видел – она без устали рыскала по окрестностям, с моего разрешения занялась охотой и постоянно приносила что-то съедобное или полезное. То размокший от слюны коробок спичек притащит, то ложку, то фазана какого...

Вечером укладывалась отдельно, стараясь не встречаться со мной взглядом.

– Почему Рося так странно себя ведёт? – не выдержав такого игнор-режима, поинтересовался у добермана. Она к ней поближе, может, и знает что сокровенное.

– Ей стыдно. Мы могли попасть в беду из-за её разговоров с другими разумными. Она им... сказала, что всегда хорошо кушает и что люди могут носить запас еды с собой. Очень удобно.

– Похвасталась, получается...

– Да. Она не думала, что другие захотят отобрать всю нашу еду. А теперь думает, что она глупая и ненужная. Что от неё только неприятности. Переживает.

– Чепуха какая... – отмахнулся я. – Ты ей объясни как-нибудь по вашему, доступно – на неё никто не злится.

– Объясняла. Не соглашается. Говорит, прощение надо заслужить и показать, что она умная и полезная.

– Ладно, сам попробую.

Надо признать, у меня тоже ничего не получилось. Я честно поговорил с собачкой на одном из привалов, и вроде как она даже согласилась со мной, но холодок между нами никуда не делся. Рося по-прежнему вела себя отстранённо, при этом всячески стараясь угодить и мне, и Зюзе.

Никогда бы не подумал, что она такая мнительная и в своей ушастой головке раздует случившееся до невообразимых размеров.

Посоветовавшись с доберманом, мы решили делать вид, будто ничего не произошло и всячески хвалили, подбадривали нашу маленькую спутницу по поводу и без. Подействовало. Собачка понемногу оттаяла и перестала нас дичиться.

Пока мы решали эту моральную драму, неожиданно выяснилось, что до базы с её ангаром и вагончиками осталось не более суток пути. Разумные попали в знакомые места и теперь уверенно вели меня, не особо выбирая дороги. По заверению Зюзи, я должен был выйти к нашему общему дому завтра к обеду.

От таких известий настроение поднялось у всех, особенно у маленькой разведчицы. Ей очень хотелось повидаться со своими разумными друзьями, живущими в окрестностях, и первой проведать Мурку.

– Да ладно, дойдём мы без тебя, беги! Заодно и осмотришься. Только осторожно! – расположившись на ночлег, отпустил я Росю, чем снискал молчаливое одобрение добермана.

Ту как ветром сдуло, даже на ужин не осталась.

– Она не пришла, – недовольно заметила Зюзя, шумно втягивая носом воздух. – Она хотела нас встретить тут. Так сказала вчера.

– Да мало ли, почему задержалась. Может, устала и спит где-нибудь под кустом.

– Днём? Когда её ждут? – скептически уточнила моя спутница, и я не нашелся, что ответить. – Нет. Я не верю.

Места вокруг были насквозь знакомые. До базы оставалось километров семнадцать; до мёртвого посёлка, откуда меня, казалось, целую жизнь назад увезли на УАЗике в Фоминск, немного меньше – километров пять. Вроде как уже и дома...

– Ну давай подождём...

– Зачем? Я слышу, где она шла. Пойдём за ней и всё узнаем...

...Мы нашли Росю у одного из поселковых домов, рядом с распахнутой входной дверью в подъезд. Мёртвую...

Глава 14

Она умерла не сразу. Кровавый след из полутёмного подъезда тянулся наружу по старому, щербатому бетонному полу от самых ступенек. Около полутора метров проползла, прежде чем уйти на радугу. Вроде бы и маленькое расстояние – два моих нешироких шага, а для неё самый тяжёлый путь длиной до конца жизни.

Обмякшая, беззащитная, Рося лежала тельцем на улице, а непривычно спокойный, точно не её хвостик – на порожке входа в дом. Подъездная дверь не закрылась – упёрлась своим бездушным, холодным углом в бок разумной, словно не хотела выпускать раненую к последним в её жизни солнечным лучам.

Присел, приложил руку к собачьей головке – холодная. Наверное, в этом не было такой уж большой необходимости – кровь успела местами подсохнуть, да и характер ран, и посеревшая от пыли шерсть, и тяжело гудящие, вездесущие мухи, деловито суесящиеся вокруг, указывали на то, что больше ей никогда не охотиться в этом мире. Но я не мог не убедиться в случившемся. Не хотел довольствоваться очевидным, должен был сам, своими руками лишний раз проверить, пощупать, поискать в своей неразговорчивой подруге остатки жизни.

Не нашёл.

С головы перенёс руку на холку, с холки – живот. Каждый контакт отдавался обжигающим холодом в моей душе.

Нет её больше. Всё.

– Она мертва, – скорее для себя, чем для Зюзи проговорил я. – Остыла.

На добермана старался не смотреть. Боялся. Боялся до жути, до одури, до холодного пота под рубахой увидеть в её глазах нечто... сам не знаю, что.

– Кто её убил?

Ни «как», ни «зачем», ни «почему»...

Кто?

Хороший вопрос. Точный, отмечающий лишнее. А я себя стеклом ощущаю. Простым, прозрачным стеклом, через которое видно и ту, и эту сторону, смотря откуда глядеть. И вот ему хочется выразить эмоции, отреагировать на происходящее, но оно не может. Знает, если дёрнется – разлетится на острые осколки и никогда не восстановится. И неважно, что каждый осколок – это тоже стекло, через которое так же можно любоваться миром и кривлять забавные рожицы, веселя... некого уже веселить. В прошлом остались такие забавы. Оно больше никогда не будет целым. Навсегда останется битым, опасным, норовящим за новое, никчёмное состояние порезать в отместку своей острой кромкой любого, кто прикоснётся. Потом – недовольные люди, ведро, помойка...

Потому и держатся стёкла изо всех сил, не хотят биться.

С нами – не мёртвыми – сложнее, мы уже разбились. В первый раз – у погребального костра неподалёку отсюда, напололам. Не сдались, сделали вид, что мы крепкие, надёжные, готовые вытерпеть и не такое. Думали, что получилось себя обмануть. И вот – снова напололам. Четвертушка от нас осталась. Мелкая, слабая, незаметная.

Что дальше?..

Заплакать бы, да слёз в себе найти не могу. Жмурюсь, щурюсь от нестерпимой рези в глазу, в горле образовался сухой, не дающий дышать комок. Его глотаешь, глотаешь... и не можешь протолкнуть в себя.

Мало воздуха.

Разумная ждала, не тормозила. Я слышал её дыхание, чувствовал её боль.

Но надо ответить.

– Сейчас посмотрю, -- кое-как протолкнул слова наружу. – Подожди...

Неуверенно, будто делаю что-то постыдное, предающее маленькую разумную, заставил себя сконцентрироваться на ранах Роси. Одна большая, глубокая, в палец шириной, начинающаяся под нижней челюстью и идущая по шее наискосок и другая, поменьше, в спине, немного левее позвоночника. Третья, больше похожая на царапину, вытянулась от крестца по левому бедру. Голова осталась цела, за исключением ушей. От перепада давления при взрыве из них выступила кровь.

Края у всех повреждений рваные, незнакомые. Не дробь, не картечь, не зубы. О пуле или самопальных зарядах с рубленным железом и говорить нечего. Не знаю, с чем сравнить... Единственное, что я могу с относительной уверенностью сказать – умерла наша разведчица от потери крови. Под шеей изрядная лужица натекла. Потемневшая, с вкраплениями шерстинок и успевшая подзапылиться.

Раздвинул пальцами рану на шее – разворочено всё. Где сосуды, где мясо – сразу и не разберёшь.

Надо осмотреться тщательнее, ответы нам очень нужны. С подробностями.

– Стой тут. Не ходи за мной, – бросил я Зюзе. – Посмотрю, что внутри.

Поднявшись на ноги, отошёл на пару шагов назад, задрал голову. Обычная пятиэтажка. Жёлто-серая, с обгрызенными ветром краями межпанельных швов и разномастно застеклёнными балконами. Бывал здесь неоднократно. И Рося бывала. Что её сюда погнало? Зачем пошла? Внутри же нет ничего ценного – неоднократно вместе с ней пустые квартиры обшаривали!

Бочком, стараясь не наступить в кровь, вошёл в подъезд. И всё сразу стало понятно.

Рося подорвалась на растяжке. Вон, посечённые осколками стены, кусочки проволоки, свежесодранная краска на нижней части перил как раз в том месте, где была привязана граната, мелкие кусочки железа тут и там, спусковой рычаг, отлетевший на ступеньки.

Страшная смерть. Я боюсь представить, какой ад творился здесь в момент срабатывания убийственного устройства.

Ограниченное пространство входа в старую хрущобу, взрыв, от которого наша разведчица никуда не смогла деться, медленное угасание в полном одиночестве...

В невидной с улицы части стены, на котором ещё висели несколько почтовых ящиков с выгнутыми хулиганьём в далёком прошлом дверцами, торчал искривлённый, волнистый ошкamelок стали. Дотронулся пальцем – острый.

У самого выхода обратил внимание на дверь. Провисшую, с уклоном полотна немного вниз. Наверняка плотно не закрывалась. Там тоже оказалось немного проволоки, привязанной к вкрученному во внутреннюю обшивку крючку. На открытие, получается, установили. Потянул на себя – граната и сработала.

Без сомнений, умелец ставил. Чуткость отрегулировал, иначе, будь предохранительное кольцо пожестче зафиксировано, Рося бы дверь не смогла открыть. Ей же за ручку не взяться, на себя молодецки не потянуть. Она лапкой или мордочкой действовала. Своим глазом видел несколько раз: просунет в щель кончик мордочки и отталкивает, помогая себе всем телом и норовя не столько дверь распахнуть, сколько протиснуться внутрь. Ловко это у неё получалось.

Так и тут случилось – приоткрыла, юркнула, замедление запала послушно отсчитало «раз, два, три», и...

От непроизвольно подсунутого воображением зрелища пробрал мороз по коже.

Тогда как установившие эту мерзость отсюда свалили?

И тут же хлопнул себя по лбу. Через окно одной из пустых квартир. Поставил подарок, ухмыльнулся и вышел как Карлсон. Подниматься вверх по ступенькам для проверки не стал. Вернулся на улицу, оббежал дом, увидел приоткрытую раму балкона на втором этаже. Ну да, первые этажи же кирпичами заложены, нет смысла проходы пробивать. Возни много.

Нашёлся, получается, выход. Здесь низко, любой спрыгнет. Первый этаж практически на уровне земли.

Побрёл обратно. Доберман сидела рядом с подругой неподвижная, будто изваяние.

Неуклюже кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Растяжка. Помнишь, я тебе рассказывал.

– Ты не ответил, – чёрная, остроухая голова медленно повернулась ко мне. – Кто её убил?

Голос в голове звучал совсем как при первой нашей встрече. Неживой, холодный, подкреплённый пугающим блеском Зюзиных глаз.

– Не знаю, – признался я. – Какие-то люди оставили здесь гранату, связав её проволокой с дверью. Рося зачем-то пошла в подъезд, носом, как вы умеете, приоткрыла дверь. Граната сработала.

Доберман вздохнула.

– Она хотела найти что-то важное. То, что тебе понравится. Оружие или патроны. Тебе не говорила. Говорила мне. Хотела сделать тебе радость. Искала везде.

Словно в рожу плюнули, в груди защемило...

А голова включилась.

– Зюзя! Здесь были люди? Нет... не так! Понятное дело, они здесь были... Точнее будет сказать – как давно здесь были люди? Да, так точнее. Ты их слышишь?!

Моя подруга не отреагировала. Она снова смотрела на погибшую, погрузившись в себя. Присел рядом, положил руку на холку.

– Нужен твой нос! Если запах остался, мы можем найти того, кто это сделал!

В этот раз мне удалось достучаться до её сознания.

– Здесь я не слышу людей. Здесь плохо пахнет. Ничего не слышно.

– Ну так посмотри вокруг!

– А она? – в мыслеобразе Рося была живой, любопытно-весёлой, с вываленным от жары языком и в окружении полевых цветов.

– Не волнуйся. Не бросим.

Нехотя, через себя разумная встала с асфальта на площадке перед подъездом, отошла в сторону. Принюхалась, прошлась по придомовой дороге.

– Не слышу.

– За дом сходи. Там попробуй.

Недоверчиво посматривая в мою сторону, она всё же не стала возражать и тяжело, свесив голову, зашла за угол. Вернулась быстро.

– Там были люди. Почти не слышно. Не найду. Много времени прошло. Есть след ноги. Вчера, думаю, слышно было лучше. Она пошла посмотреть. Ты ей сказал осмотреться...

Сука... Я, значит, корень всех бед... Удобно придумала, Витя во всём виноват...

И в ответ меня прорвало, словно старую дамбу в половодье:

– Что ты всё время в меня тыкаешь?! Ты послал!.. Ты сказал!.. Я что, по-твоему, смерти ей хотел? Да?! – впервые, начав на последствия, захотелось врезать Зюзе по морде за столь обидные заявления. От души. – Ты так считаешь?! Так говори, не стесняйся! Назначай виноватого!!! Если тебе от этого лучше станет – на здоровье!!! Давай! Чего молчишь?! Ну!

Не помня себя, подбежал к доберману, упал на колени так, чтобы смотреть ей прямо в глаза. Ружьё полетело в сторону, глухо стукнувшись о старый бордюр.

– Давай! Давай!!! – слова пёрли наружу непрерывным потоком. – Я Росю убил! Конечно! Больше ведь некому! Ты же к этому всю эту канитель развела?! Ну а почему нет? Бублика же я застрелил! И Ольгу!..

Разумная молчала.

– Я. Жду. Когда. Ты. Скажешь, – от накотившего бешенства начался нервный тик, язык ворочался плохо, словно после укола у стоматолога, потому слова получалось исключительно выхаркивать.

Взгляд Зюзя не отвела. Не отвечала, не скалилась, не реагировала. Стояла и смотрела на беснующегося меня, будто ушатами ледяной воды окатывала. Одним, вторым, третьим...

В голове разгорался пожар. Сознание замерцало, за правой глазницей словно гвозди

ковали. Мир поплыл...

Не выдержав, повалился на асфальт, обхватил голову руками и наконец-то заплакал, выпуская наружу всю скопившуюся боль, всю горечь утраты.

Доберман улеглась рядом, прижавшись тёплым боком ко мне, ткнулась лбом в локоть. Обдало нежностью.

Когда рыдания пошли на спад, разумная устало попросила:

– Её надо похоронить. И знай, я не думаю, что ты виноват. Прости... Мне тоже плохо и я не могу правильно думать. Получается неумно, обидно. Мне хочется всё исправить, вернуть. Но я не знаю, как.

– Оба мы хороши. Я тоже не хотел тебе зла. И я тоже многое бы отдал, чтобы всё исправить...

Нашу подругу мы похоронили в красивом месте за посёлком, под раскидистым дубом. Могилу рыли вместе. Я – ножом, доберман лапами. Земля не слишком нам противилась – управились быстро.

Вместо савана приспособил свою американскую куртку, предварительно зашив в ней дырочки от дроби – рука не поднималась маленькую разведчицу в рванину заворачивать.

Любой бы человек от такой мелочности пальцем бы у виска покрутил. Мне до лампочки. Не мог по-другому. Хотелось напоследок оставить Росе что-то своё, пропахшее нашей разномастной жизнью, привычное ей и знакомое, а не бездушно свалить тельце в яму и наскоро забросать землёй.

Доберман не возражала и терпеливо ждала, пока я управлюсь.

...Сделав над Росей холмик и основательно его утрамбовав, в изголовье положил несколько камней размером с кулак. Крупных поблизости не оказалось, но хоть так... Крест ставить побоялся. Увидят люди – потревожить могилку могут из любопытства. Или сломают по скотскому своему пониманию. Не кладбище же здесь – дуб.

Ничего, главное, мы с Зюзей знаем, куда в гости прийти, проведать...

– Спи спокойно, моя хорошая, – от чистого сердца произнёс я. Хотел сказать гораздо больше, проникновеннее, масштабнее, но не смог. Не умею правильно одевать чувства в слова. Это не сказки выдумывать. Жаль...

– Я тебя никогда не забуду, – вторила доберман, удивительно похоже копируя строчку из романа, который я давным-давно слышал в рок-опере «Юнона и Авось».

К месту пришлось. Разумная прощалась, принимая суровую реальность происходящего и категорически отказываясь принять смерть подруги полностью, оставляя навсегда в себе частичку нашей маленькой умницы.

Мы сидели у холмика, вспоминая различные моменты нашей, такой недолгой, совместной жизни с Росей, и думая совершенно о другом. Конкретно я – о том, что, скорее всего, сплю и кошмар слишком уж затянулся.

Потом как-то сами собой замолчали. Давило на нас. Но не уходили. Не решались.

Казалось, прервать молчание последним «прощай», встать и свалить жить дальше – проявить верх неуважения. Уйти позже, отбив положенное? – а когда позже? Через час,

два, пять? Где заканчивается необходимый минимум обязательной скорби, избавляясь от ритуалов и перетекая в скорбь истинную? Ту, которую может подлечить только время и которая всегда с тобой независимо от твоего положения на этой планете?

Я смотрел на добермана, она изредка посматривала на меня. Похоже, мы оба ждали, кто возьмёт на себя эту инициативу и скажет первым, перекладывая друг на друга бремя решения.

Хотелось не просто подняться, отряхнуть штаны и двинуться к очередному ужину, горя каждый про себя – на такой «подвиг» ума много не надо. Тянуло уйти правильно, с пониманием, с решением, с верой в себя и свои силы.

...По штанине полз муравей. Резвый, трудолюбивый, вдумчиво исследующий сукно брюк на предмет его полезности для родного муравейника. Трудяга...

Взял с земли палочку, подцепил беспокойную букашку, переместил на землю.

– Витя! – внимательно наблюдавшая за моими манипуляциями спутница осмелилась нарушить молчание. – Мы их убьём? Да?

И я не смог понять – утверждает она или просит, или всего лишь спрашивает. Бывает так: иногда слушаешь собеседника и никак необразишь, чего именно он от тебя хочет. Отделяешься плоскими шутками, нейтральными репликами и изо всех сил тянешь с внятным ответом, чтобы разобраться получше и понять, какой реакции от тебя жаждут добиться, не решаясь сообщить о своём непонимании напрямую.

– Зюзя! Вспомни, что ты мне говорила несколько дней назад про то, что нужно быть умнее.

– Я помню. Но уйти не всегда можно. Иногда надо остаться и отомстить.

Прояснилось. Неприятный разговор у нас предстоит...

– Кому? Тем, кто эту гранату поставил? Тем, кто отдал приказ? Тем, кто эту гранату создал? Ты их знаешь?

– Не знаю...

– Тогда для чего тебе всё это? Росе ты не поможешь, всех не победишь. Сдохнуть самой в бою ради понимания того, что ты попыталась? Или победить, пуская чужую кровь направо и налево? А как ты отличишь виновных от невиновных? Всех не жалко? – специально, для акцентирования сказанного, сделал небольшую паузу. – Ответь.

– Что думаешь ты? – попыталась она «перевести стрелки».

– Не важно. Не уходи от ответа, – горячую голову разумной надо остудить...

– Тогда... Я не могу тебе сказать, что думаю. Не получается... сложно объяснить. Я знаю, что прощать нельзя. Не могу прощать. Знаю, месть – это очень важно для меня. Если я уйду и ничего не сделаю – мне будет всегда стыдно...

Правильный подход. Совесть называется.

– Не ищи точных определений, они бессмысленны. Я понимаю, о чём ты хочешь сказать и полностью с тобой согласен. Право на месть есть у каждого и никто не может

запретить ему делать то, что он считает нужным. Но... ты должна знать про одну историю из моей жизни. Когда-то в городе Белгороде я убил человека, которого долго преследовал. За дело убил. Однако легче мне после этого не стало. Потому я об этом и говорю, чтобы ты понимала последствия и не надеялась на облегчение. Своё горе в чужом нельзя утопить.

– Если это так, зачем убил? – нервно поинтересовалась разумная.

Историю непростых взаимоотношений с машинистом Штанько, по вине которого мы с Зюзей многое пережили более года назад, я ей раньше рассказывал вскользь, не особо желая вспоминать те, насквозь пронизанные головной болью, времена. Похоже, пора.

– Я верил, что поступаю правильно. Он сделал много плохого и ответил за свои поступки... – сложные слова получались. Путанные. Растолковывай кто-нибудь мне в такой манере – точно бы ничего не понял. По этой причине решил не углубляться в моральные аспекты и бухнул напрямую. – Я что хочу тебе объяснить – не жди ничего от мести. Она не поможет. Мир не станет светлее и счастья в нём не прибавится. Единственное, что мы можем сделать – это запастись терпением и попробовать разобраться в случившемся, а потом, по результатам, если получится, наказать кого сможем. Но сделаем мы это для себя, чтобы, ты верно сказала, стыдно не было перед собой и Росей. Потому что мы посчитаем это правильным. Или откажемся от возмездия. Такое тоже может случиться, так что будь готова... И всё. Не больше и не меньше.

– Ты прав. Так и будет. Пойдём разбираться, – доберман быстро встала, полная жажды действия.

Завидую я тебе, Зюзя... Мне бы такую уверенность в собственной правоте. В прошлый раз ты меня отговаривала от разборок, в этот раз... а кто кого отговаривает?

В посёлке мы пробыли до почти вечера. Передвигались медленно, внимательно, след в след, не сходя с асфальта и планомерно обшаривая дом за домом. Нашли ещё восемь «подарочков». Неплохо замаскированных, грамотно поставленных, все в местах наиболее вероятного появления человека.

Более чем уверен, не обнаруженными осталось ещё много сюрпризов. Их тут есть где спрятать. К примеру, в поросших травой дворах частного сектора или в зарослях вдоль тротуаров. Полно подходящих мест.

Однако в полноценном обследовании ненаселённого пункта я не видел никакого смысла. И того, что удалось обнаружить, с избытком хватило для раскрытия главной загадки.

Вся эта катавасия из-за меня.

Растяжки – последний привет из города Фоминска.

Ничего мне не простили. Ни бегство, ни шашни с покойным Петровичем, ни недавнюю перестрелку. А ведь что-то такое ёкало внутри...

Вместо опасных, ресурсозатратных и не гарантирующих положительных результатов забегов по бескрайним просторам фоминские поступили умнее и проникательнее – они просто прикинули направление моего движения, не особо напрягаясь просчитали наиболее вероятную точку появления удачливого беглеца (там, где изловили. Носило же меня по какой-то надобности в окрестностях) и приняли меры. Постоянную засаду организовывать не рискнули – мало ли, где и сколько я кружить по свету буду, а вот растяжек понаставить ума хватило.

Не ошиблись. Толковые ребята. А я лох последний...

И без нового градоправителя Фролова дело явно не обошлось. За версту эффективностью и логикой разит. В его стиле. Несколько зайцев одним выстрелом: попадётся Витя – показательно, не попадётся – подходы к захваченному поселению не останутся беззащитными, будут шляться разумные в поисках пищи и нарвутся на растяжки – тоже ничего, меньше тварей – легче жизнь.

Умный дядя, без дураков. Такие во все времена ценятся.

К таким выводам я пришёл, обнаружив проволоку с гранатой в той самой разливайке, где когда-то прятался и высматривал через щёлочку шрам у цыганистой бабы. Еле заметную, почти у самой стойки.

Вход в подъезд, где ночевала памятная мне четвёрка тоже оказался не просто так. Нечто похожее на струну, уходящую в неосвещённую глубину, получилось заметить лишь опустившись на четвереньки, приложив голову к стене и внимательно присмотревшись в приоткрытую щель почти на уровне пола. Стоя на ногах, как ни заглядывай – ни за что не догадаешься.

Слегка приоткрытая дверь, ловко зафиксированная снизу незаметной палкой, манила неосторожного дурака своей доступностью. Не знал бы заранее об опасности – непременно бы сунулся в чужих пожитках пошарить. Была такая мысль. Не верилось, что мои пленители вот прямо всё с собой забрали. Обязательно что-то оставить должны были для будущих рейдов.

Получается, Рося нас спасла...

Деактивировать растяжки не стал, здраво, как мне казалось, рассудив: «Нас тут как будто не было».

Зюзя заметно нервничала, когда я показывал свои находки. Принюхивалась издалека, фыркала, однако запах запомнить не смогла.

– Далеко, не слышу, – расстроено призналась она в конце концов. – Надо ближе подойти.

– Не надо, – поспешил я осадить разумную. – Без запахов обойдёмся.

...Первым и наиболее очевидным порывом была идея устроить засаду и посмотреть, кто придёт проверить всё это хозяйство. От лишних избавиться, взять одного в плен и хорошенько с ним пообщаться.

Сюда обязательно должен кто-то прийти – столько гранат без присмотра не бросают. Вот только когда?

Посоветовавшись, от замысла отказались. Слишком расплывчатыми выходили сроки ожидания. Садиться в засаду – опасно. Чем дольше тут проторчим, тем больше шансов увязнуть в рутине быть обнаруженными. Выходить придётся и за едой, и по физиологическим причинам. Соответственно, следы оставим, себя обозначим. Люди ведь тоже не без глаз. Нужен другой план, с конкретными сроками и допускающий вариативность действий.

О том, чтобы просто свалить куда глаза глядят, оставив всё как есть, мы даже не думали. Не получится. Надо рисовать жирную точку в этих разборках, иначе никак.

Новый фюрер с юга сделал свой ход, теперь наша очередь.

Из посёлка выходили той же дорогой, по которой пришли, никуда не сворачивая и не отвлекаясь по сторонам. Солнце медленно опускалось вниз, оставляя нам не более полутора часов на поиск ночлега. Непривычная после затяжной весны жара начала понемногу спадать.

– Пойдём домой? – вполне логично, по её мнению, предложила доберман.

Пришлось огорчить.

– Нет. Пока нельзя. Опасно. Могут по следам найти, – выдал я наиболее очевидные причины такого решения, а потом признался. – Не смогу нашей кошке в глаза смотреть. Ушли с Росей, вернулись без неё... Давай попозже наведаемся?

Неожиданно моя подруга согласилась:

– Я тоже не очень хочу сейчас туда идти. Вообще хотела, а сейчас... не знаю. Надо что-то сделать, тогда будет можно.

– Рад, что мы друг друга понимаем. Тем более, дела кое-какие намечаются, так что покой нам только снится будет.

Разумная наострила уши.

– Говори! Ты придумал интересное?! Придумал новое? Я тебе не мешала, видела – думаешь.

– Придумал. Не знаю, получится или нет, но попытаться стоит. Я считаю, нам нужно искать не того, кто спрятал гранату, а того, кто ему приказал это сделать. Главного злодея, – на всякий случай ввернул очень удачно подходящий в своей простоте термин.

– И с ним разбираться. Один раз.

– Я согласна. Правильно. Что нужно делать?

Взбодрившаяся, полная энергии Зюзя мне нравилась больше. Потому подлил масла в огонь.

– Наказывать. За Росю. За Бублика. За Ольгу. Как положено.

– Да!!!

Мозговоплъ ушастой был такой силы, что я немного ошалел.

– Тише, пожалуйста, тише... – чёрный лоб виновато ткнулся мне в бедро. – План такой. Для начала кушаем, хорошо кушаем, – уточнил я. – Потом расходимся. Тебе нужно пробежать по дороге от поселения с отравленными людьми в сторону города, где вы меня искали, километров тридцать. Километр, это...

– Я знаю, – перебила разумная. – Они написаны цифрами на железных палках. Ты мне показывал. Я умею считать и пойму, когда бежать хватит.

Серьёзность, с какой добердама выкладывала мне своё понимание картографических терминов, заставила невольно улыбнуться.

– Ты у нас образованная, с этим не поспоришь. Запоминай: твоя задача найти самые плохие места на дороге, с ямами и поломанным асфальтом, запомнить их все. Потом вернуться вот на это место, где мы сейчас стоим и ждать меня. Если я справлюсь первым – я тебя подожду. И не переживай, ничего интересного, пока ты бегаешь, не будет. Я буду лежать и слушать, не больше. Это скучно. Поняла?

Антрацитовые глаза долго, недоверчиво буравили меня, ища подвох.

– Зачем это нужно?

– Пошли в сторонку. Расскажу...

Подобраться к фортику оказалось не слишком сложно. Места знакомые, слышимость хорошая, лишнее барахло в кустах припрятал. Одежда тёмная, ноги босые. Идешь в полуприсяди, без спешки перекатываясь с пятки на носок – почти беззвучно выходит. Время выбрал тоже подходящее – после полуночи, когда все обитатели уже угомонились, наболтались, накувыркались и мирно спят.

Близко не подходил. Моя цель не пересчитать местных жителей, а узнать расписание патрулей и смену часовых.

Дежурных вышек в поселении, как таковых, нет. Вместо них, в единственном экземпляре, имелось некое подобие «вороньего гнезда» у ворот и приставленная к ограждению лестница со стороны огородов.

По ночам, при живой Ольге, обычно одним часовым отделявались, мужики по очереди стояли. Тут походит, там посмотрит... Народу здесь обитало немного, на всю караульную науку людей не хватало. Все заняты, к закату зачастую с ног валятся. Выходных в тепло нет, а зимой и бояться особо некого. Холодно, враги пока дойдут – гарантированно помёрзнут к чёртовой матери.

Так было в прошлом. Нынешние порядки мне только предстоит разведать.

Метров за двадцать до ворот улёгся на дорогу – в таком положении ни Луна, ни звёзды не страшны. Никто меня не заметил. Вот только холодно, тянет от остывшей земли тяжёлым, сырым запахом, неродная она ночью какая-то, не то что днём, при солнышке.

Приготовился ждать.

– Не спишь? – грубоватый, зычный голос, сопровождаемый негромкими шагами, не особо старался говорить шёпотом.

– Не, – ответил ему второй, с гундосинкой, прямо за воротами. – Промозгло мне. Не иначе, к обеду в соплях буду.

Негромкий, низкий хохот.

– Переживёшь. В доме выпишься. На кровати с подушкой, как нормальный человек, а не негр. Соточку с перчиком примешь. При такой благодати и болеть приятно, ёпта!.. Лежи себе и книжку читай, а не в поле горбаться. Всё! Гражданин! Радуйся!

Некто невидимый быстро, четыре раза подряд, чихнул.

– Ох... Видишь, точно в соплях буду... Радуйся, – сварливо добавил он. – Чему? Тому, что нас на эти выселки окраинные законопатили? Ни курочки на развод не дали, ни оружия толкового... Ты как маленький, ей Богу... Что тут хорошего? От всего далеко, если кто с нашей стороны на Фоминск пойдёт – мы первыми поляжем.

– Не каркай, ё... Тебе что, плохо тут? В городе больше нравилось?

– Нет, конечно... – пошёл на попятную простуженный. – В общем-то оно нормально... – помялся, и проникновенно добавил. – Страшновато тут. Вояки как уехали, так и боюсь. Где хозяйева бывшие? Главный сказал, на запад перевезли, а я сомневаюсь. Скарб весь

здесь остался. Труссы, майки, обувка. Прямо вот не верится мне.

Грубый голос недовольно парировал.

– Ты трупы видел? Гильзы? Следы боя? Повешенных?

– Нет...

– И я не видел. А поселение – вот оно. Есть. И посева есть. И свобода есть, и жизнь людская, и баба моя не в общем бараке на тридцать дур меня дожидается, пока я ради будущей жизни невесть где корячусь, а дома сидит, сытая и довольная. Это тебе удачно обломилось с гражданством. Полтора месяца погулял – и в дамках. А я весь срок, ёпта, честно отпахал и до усрачки рад такому повороту. Потому не бери в голову лишнего. Начальство сказало – живите, мы живём, хлеб жуём. Чего страдаешь? Силком же тебя никто не держит. Дорога рядом.

– Это да...

Дальше разговор стал не интересен, скатившись на бытовые темы и промывание косточек неизвестным мне соседям.

Не видели они убиенных, сволочи... И делают вид, будто так и надо. Даже нытик – и тот, больше от скуки нудел, коротая ночь до конца смены. Про второго и говорить не хочется. Наверняка из тех, кто, согласно старой сказке про рыцаря и дракона, предпочитает не думать, а соображать. Удобнее ему так, спокойнее. Сказали, уехали жители – ура! Займём пустое место. Скажут «уехать» новым жильцам – покорно не возражат, уедут. Просто потому, что в борьбе за сытую жизнь превратились в хомяков с примитивными инстинктами. Показали еду, поманили сладеньким печеньем – бегут, не задумываясь.

В прошлом я категорически остерегался судить людей. Старые моральные ценности умерли вместе с привычным комфортом, новые только формировались. Не до толстовщины было – за жизнь дрались.

Однако мы все растём и вечно плыть в середине потока спорной морали нельзя – нужно выбирать какой-то берег. Или ты человек, или бессловесная единица электората.

Последних не жалко. Новых «ничегонезамечающих» бабы нарожают.

Эх, Петрович... как же ты был прав.

...Парочка болтунов коротала ночь на пару до самого утра. На смену к ним никто не пришёл, никто не проведаль.

Пришло время посмотреть на поселение с другой стороны.

Незаметно убрался, в паре километров дождался рассвета и принялся обходить фортик по дуге, стремясь выйти к нему со стороны огородов.

Чем ближе подходил, тем медленнее шёл. Больше смотрел под ноги, опасаясь наступать на сомнительные места, валяющиеся тут и там ветки, нервно, параноидально выглядывая мерещающуюся повсюду тоненькую проволочку растяжки. Обошлось.

Путь я запомнил.

Внутренний компас не подвёл. Вывел, как и планировалось, в небольшую рощу, за которой виднелось коричнево-чёрное поле со стройными рядами рукотворной поросли и частоколом.

Вокруг завораживающе пели соловьи, деловито гудели дикие пчёлы, вдалеке дробным стуком развлекался дятел. Идиллия...

Непроизвольно захотелось завалиться под кустик, на мягкую травку, и, ни о чём не думая, уставиться сквозь кроны деревьев в небо, растечься вялой, безвольной лепёшкой и выпасть из этого мира...

Тряхнув головой, сбросил с себя наваждение. Нельзя спать, нельзя отдыхать! Дел полно!

Решительно, не давая себе расслабляться, выбрал подходящее дерево почти на самом краю роши, проверил запас воды и полез вверх по веткам, почти к самой макушке.

Устроившись поудобнее на одной из веток, обхватил руками ствол, привалился к нему и сконцентрировался на поселении...

Раньше, в первые дни своего путешествия из вологодских дремучих лесов на степную родину, я никак не мог понять – почему вокруг фортиков возводят именно частоколы? Труд же колоссальный – срубить дерево, обтесать, перенести его фактически на себе, поставить вертикально, закопать, чтобы не выпало, без особого инструмента скрепить с другими такими же тяжёлыми брёвнами. И если с рубкой и монтажом более или менее понятно – при наличии рук из правильно места особых сложностей в этом нет, то вот транспортировка – реальная заморочка.

Новые поселения строились ведь на открытых местах, потому любое дерево находилось не прямо под рукой, а на изрядном расстоянии. Ворочать же ствол, пристраивая его на некую приспособленную для этого тележку, впрягаться в неё, тащить – тяжело, муторно и долго.

Вообще, основным отличием сегодняшней застройки являлась её плотность и компактность. О больших дворах вокруг дома никто и мечтать не смел. Строились почти вплотную друг к другу. Сарай для всякого бытового имущества выносили за стену, цветники или беседки исчезли как вид.

Редко где народ в старых деревнях жил, понастроив заборы из всякого хлама. Или это я так думаю? Может, просто мне не часто попадались такие места? Вполне может быть... Я же тогда, насмерть перепуганный, сознательно крюки делал, ото всех подальше держался.

В подавляющем большинстве виденные мной деревянные домишки-новострои выглядели словно сошедшие с картин передвижников позапрошлого века. Крепенькие, серые, с маленькими окошками. Если владелец умелый – внутри русская печь. Если нет – примитивный дровяной котёл. Этого добра вокруг полно, ими раньше везде торговали.

Обычно такие строения имели не более двух комнат, вторые этажи никто возводить и не помышлял – топить устанешь. Живут в них тесно, шумно, никакого тебе личного пространства.

Зато со стройматериалами проблем у выживающих в первые после Мора годы не возникло. Как построить жильё за сезон без всякой вспомогательной техники? Как его успеть защитить от мародёров или тварей?

Оказалось, проще простого.

На издыхающих от нехватки запчастей и отсутствия топлива тракторах с грузовиками народ просто разбирали по деревням избы, нумеруя брёвна, перевозил их на новое место и собирал обратно, как конструктор. Получалось наверняка, криво и косо – могу пару

десятков пунктов назвать, к чему бы легко придрался в этом процессе, если навыка нет, но главное – жить в них было можно, а недочёты жильцы устраняли по ходу дела. Главное – появлялись крыша над головой и стены, удерживающие тепло.

Оттуда же и брёвна для частокола брались. Не подходит домик для жилья – ничего, не пропадёт. На ограду пойдёт. Бревна в них уже подготовленные, вылежанные.

Бывшее поселение Ольги было именно таким – маленьким, тесным, с вечной тенью внутри. Подходов к нему имелось два: по грунтовке, через главные ворота и сзади, со стороны огородов, маленькая калиточка. Меня интересовала именно она.

Расположившись поудобнее, принялся наблюдать за местными жителями, высыпавшими с рассветом на трудовую сельскохозяйственную повинность. Несколько женщин, пара мужчин, детвора.

Суки... На чужом труде ведь жируют. Весёлые, улыбочивые, будто всегда тут жили. На мгновение сердце сжалось от ненависти, однако тут же отпустило.

Почти показалось, что они не виноваты.

...Политика толковой, продуманной экспансии – заселить захваченные территории своими подданными, работоспособными и трудолюбивыми, разбавить ими местное население (если оно есть), наладить добрососедские отношения и показать всем недовольным – мы точно такие же люди, как и вы. Ничем не отличаемся. А большие власти – они далеко, ну их...

Враньё. Правильные власти всегда ближе, чем кажется и зорко следят за малейшими изменениями в настроениях. Чуть не так дышать начнут – и усмирители тут как тут окажутся. Во всеоружии и полномочиях на всё на свете.

У меня был хороший учитель. Преподавал всего две лекции по миропорядку и базовым принципам управления, больше не смог – умер. И одна из основ, накрепко засевшая в моей голове, утверждала очень примитивную и одновременно невообразимо сложную для обычного человека истину – решай сам, никого не слушай. Никто за тебя жить не будет.

Так что извините, люди, но вы – расходный материал. Я так решил...

...На огородах жизнь кипела. Женщины стояли задами кверху и вручную пропальвали сорняки, перебрасываясь неслышными из-за расстояния шутками и переменяя зазорные перепалки взрывами громкого смеха; мужчины по очереди наполняли расставленные тут и там старые бочки водой для вечернего полива. Носили из нового колодца, вырытого почти на самой окраине огорода, причём один из них всегда бдительно стоял на страже у калитки в поселение, не выпуская ружья из рук.

Слушали женщин, смеялись вместе с ними.

...Интересно, старый, отравленный источник питья засыпали землёй по самый верх или законсервировали до лучших времён? Не зря же новый на таком отшибе вырыли – прошаренные, сдохнуть бояться. Понимают – не мог весь яд раствориться за столь короткий срок...

Мелковозрастные дети, крутившиеся поблизости, постоянно норовили затеять среди грядок игру в салки или чехарду, за что немедленно огребали от взрослых и принимались, сидя на корточках, копошиться в траве. Надолго непоседливую мелюзгу не

хватало, и они, сбиваясь в стайки, снова начинали дурачиться.

Смешно... Мамки думают, что юную поросль к труду приучают, а для ребятни это всего лишь новое развлечение. Наверняка внутри частотола все закоулки изучены вдоль и поперёк, все крыши обтоптаны, штаны обо все сучки порваны. Ни школы там, ни детской площадки... а тут – свежий ветерок, манящее неизведанным пространство, друзья-приятели. Есть куда нерастраченную энергию пристроить.

...Детишки... мля... И вы извините...

Из фортика к колодцу регулярно ходили люди с вёдрами. Скрипели воротом, бережно переливали воду, хлопали крышкой, о чём-то говорили с огородниками.

Трижды со стороны дороги показывались вооружённые группы мужчин. Окрестности, похоже, изучают.

В мою сторону никто из них и не посмотрел. Чего им тут делать? Роща небольшая, близкая, давно проверенная.

...На дереве я просидел до самого вечера, наблюдая за новыми жителями фортика. Узнал много.

Передвижение по немаленькому огороду однозначно безопасное – трудолюбивые женщины за день обошли его весь, не разгибая спин. Детвора в своих забавах иногда выбегали за пределы возделанного участка – и ничего. Особо на них за такое своеволие никто не орал. Мужик с ружьём рыкнет, крикнет, кулаком погрозит. Те сразу назад.

Получается, без сюрпризов там. Не минировали. Да и от кого? Всей защиты – простенький плетень по периметру от всякого зверья.

Перед закатом, как следует полив грядки нагретейшей под солнцем водой, огородники потянулись обратно, под защиту стен.

Дождавшись, пока за замыкающим, вооружённым мужчиной закроется калитка в защитной стене, с большим трудом, практически при помощи одних только рук, спустился вниз и долго приседал, разминая затёкший от неподвижности организм и чувствуя тысячи мелких иголочек, впившихся в меня от стоп до пояса.

На сегодня хватит. Основные данные у меня есть. Можно возвращаться к Зюзе.

Глава 15

К оговоренному месту встречи, неподалёку от посёлка, добрался к обеду, переночевав в укромном, безветренном распадке на открытом воздухе. Здешние разумные, по заверениям Зюзи, меня прекрасно знают, потому отдохнуть получилось относительно нормально, без всех этих жутких ночных завываний и слоноподобного топтания по подлеску.

Относительно, а не на всю катушку – от того что безопасность не забыл. Местные – не значит все. Забредёт в эти края тот, кто не знаком с нашими негласными договорённостями – и привет! Потому спал вполглаза, не разжигая огня. Его четвероногие давно уже не боятся, а вонять на всю округу дымом, сообщая всем и каждому, что тут человек расположился, не рискнул.

Обошлось.

Доберман ждала меня в тени кустов неподалёку. Довольная, лениво щурящаяся на солнечный свет, пробивающийся сквозь листву, вальяжно разлёгшаяся на травке и не

одна.

С волком.

Здоровенным таким, мало не в полтора раза больше Зюзи, лобастым детиной своего народа, покрытым густой серой шерстью. Он лежал рядышком с разумной и не проявлял никакой агрессии в мою сторону, однако смотрел настороженно, недоверчиво, будто подлости ожидал.

Наверное, я должен был удивиться или испугаться, но не смог. Зюзя спокойна, тварь ведёт себя мирно, к чему паниковать? Хотели бы – давно бы прибили и переработали.

Посмотрел на подругу, на серого, снова на подругу. Лежат себе, от жары языки вывалили. Ружьё убирать не стал, но и наводить не решился. Перехватил его поудобней, дулом в сторону неба и уставился на добердаму, ожидая объяснений.

Вместо неё ко мне обратился нежданный гость.

– Ты помнишь меня?

Не приближаясь, повторно, более внимательно осмотрел фигуру твари. Волк как волк. Крупный. Лапы почти с мой кулак.

– Нет.

– Мы говорили раньше. Я был не один, со своей семьёй.

Что-то знакомое – говорящий по-нашему волк... Такое уже было.

Вспомнил! Предводитель стаи, с которой довелось схлестнуться в своё время. Они тогда ещё купцов перебили, меня на крышу загнали и, в конце концов, из-за этой переделки золотой человек – послушник Лёха, погиб.

Ну да! Точно, он!

Виделись мы с серым и во второй раз. Гораздо южнее, среди тянущихся своими полями до самого горизонта окрестностях города Харькова, когда зубастый Зюзю ходил из плена спасать. Геройский, весь такой в защите сектантской...

Только сейчас заметил, что зверь расположился на траве в своей первозданной форме, без человеческих допущений. Не понял, а где броня? Куда делась?

– Узнал. У тебя ещё нагрудник был.

– Да. Больше нет. Не нужен. Я ушёл из Места. Моя семья мне разрешила идти и делать свою семью. Я помог молодым найти новую землю для охоты и сделал всё, что говорили старшие.

В воображении сразу вспомнилась скала советов из старого мультика про Маугли. Огромный седой Акела с мудрой, умной мордой слушает просьбу своего сородича и в конце важно кивает головой, соглашаясь отпустить его на вольные хлеба в знак признания заслуг прошлого.

Вряд ли в оригинале дело обстояло именно так, но ведь красиво, чёрт побери!

– Броню с тебя сняли люди?

– Нет. Братья. Они могут. Зубами. Людей мы больше не пускаем к себе. Они не приходят. Давно.

– Почему?

– Люди занимаются собой. После глупого человека (сразу вспомнился предводитель сектантов с его крысиной физиономией) они ругались, сражались. Много ушли в новые земли. Туда, где мало деревьев. Те, кто остался, к нам не ходят.

Неужели со смертью отца Андриана, которого вообще не жаль, его преданная паства пересобачилась? А, плевать. Надеюсь, нормальные люди среди всех этих псевдорусичей умудрились уцелеть.

– Вы сохранили секрет вашего Места?

– Да. Но наши главные помнят твои слова. Надо искать новое, дальше от людей. Тогда к нему можно увести всех, кто не умеет сражаться и у нас будут два Места.

Толковые у разумных вожаки. Соображают, что затишье временное.

– Ну и как, нашли?

-- Нет. Не нашли. Ищем, – последовал рубленый ответ и стало понятно, что далее говорить на эту тему гость не расположен.

Пока оставим...

– А её как нашёл? – указал взглядом на Зюю.

– Я не искал. Знал. В тот же год, когда мы виделись, мой брат услышал её след перед снегом, сказал, куда она идёт. Я понял. Она мне рассказывала про свой дом и где его искать.

– Как смог, пришёл... – непроизвольно закончил я за волчару.

– Ты правильно сказал. Я ждал, когда мне можно будет прийти к ней. Просил главных.

Суровый индивид. Это же надо, полтора года дожидаться отпуска, терпеливо исполняя волю старших и пристраивая родню в новых краях!

– И как надолго ты... к ней?

Волк фыркнул, словно сомневаясь, стоит ли отвечать человеку на столь важный вопрос, после вопросительно посмотрел на Зюю, точно искал помощи.

Та сделала вид, что ничего не заметила и именно сейчас ей некогда – она чрезвычайно, вот просто полностью сконцентрирована на пении птиц и во-о-он той бабочке.

Пришлось серому действовать без моральной поддержки.

– Я хочу навсегда. Будет, как скажет она.

Ушастая вздрогнула, враз растеряв всю свою невозмутимость и больше не скрывала своего внимания к говорящему. Смотрела внимательно, настороженно, точно ждала продолжения.

Волк молчал, положив морду на лапы, не глядя ни на кого конкретно.

Хитёр, зубастый, ой хитёр!.. Понимая нашу взаимную с Зюзей привязанность, он специально решил обозначить свои намерения лишь дождавшись разговора со мной, а

до этого мудро держал их в себе.

Простенькая хитрость, но эффектная. Целую связку заек одним ударом убил: продуманно поставил избранницу перед выбором – соглашаться на его присутствие или нет, без всех этих охов-вздохов и стеснительных невнятных; показал двуногому, от кого именно зависит окончательное решение и при этом о своём намерении сообщил непосредственно мне, подчеркнув, что понимает мой статус непостороннего и проявляет вежливость. Ну и, самое главное, озвучил непрямо, но вполне понятное всем присутствующим предложение.

Политик с иезуитскими мозгами, а не серенький волчок! Продуманный.

Надо разруливать ситуацию. Не хватало нам ещё волков влюбленных с серенадами при Луне!

Торопливо, быстрее, чем требовали приличия, я перехватил нить беседы, давая добердаме собраться с мыслями.

– Не будем спешить. Я тебя не знаю, Зюзя тебя знает плохо. Ей нужно подумать.

Глаза серого сощурились. Он прекрасно понял сказанное между строк: сбавь обороты. Однако сдаваться гость не собирался.

– Я умею ждать.

Настырный... А может, так и надо? Не ходить вокруг да около, а говорить о своих чувствах понравившейся женщине прямо. К чему тянуть? Тут или да, или нет. Главное – в отношениях наступает ясность. Вон, мы с Ольгой, всё присматривались друг к другу, словно два фехтовальщика перед первым уколом, выпадами обменивались, и чего добились?

Ни-че-го.

Не произнеся в моей голове больше ни слова, волк бесшумно встал и направился в сторону дороги, давая возможность нам с подругой посоветоваться и обсудить услышанное. Доберман смотрела ему вслед.

– Что думаешь?

– Не знаю. Он хороший... С ним спокойно... Я помню, когда мне было плохо, он никуда не ходил и был рядом. На него ругался вожак, а он был рядом... И меня нашёл. Он здесь давно. Узнал от, – знакомая кабанья морда Пряника с вечно грязным от постоянного поиска желудей пятаком, – что я ушла и ждал. Мы увиделись на дороге... Его долго не было, а теперь есть...

По медленности, неуверенности, некоторой конфузливой натянутости, с которой мыслеречь звучала в голове, понял – сомневается ушастая, боится решать. Думает, если согласится на предложение серого – в чём-то меня предаст вместе с нашим пёстрым прошлым. Не хочет обидеть.

Наивная. Я же прекрасно понимаю, что требовать от кого-то преданности исключительно к себе – чистой воды эгоизм. Зачем мне это? Никогда о таком не мечтал. Я не хочу определять чужую жизнь, не хочу ненужных жертв на алтаре дружбы – они не принесут радости.

Гораздо лучше, если доберман попытается найти своё, собачье счастье. Настоящее, от которого голова пьяная, а тело легче пёрышка. Такое, чтобы дыхание спёрло в груди; чтобы мгновения замирали от зависти к чужому блаженству, растягиваясь в бесконечность; чтобы и небо, и солнце, и весь мир только для неё... И почему бы не

начать прямо сейчас?

– Тебе волк нравится?

– Да, – прошелестел мыслеответ смущённым, нежным ветерком.

– Ну и не морочь голову. Пусть остаётся. Надоест – прогонишь. Не надоест – оставишь. Мне не мешает... Одна просьба – объясни ему наши правила: все друзья, вожак нет, в горе и в радости вместе.

– Спасибо, – антрацитовые глаза были переполнены благодарностью. – Я так и сделаю.

– Тогда зови серого обратно. Хватит ему колючки по кустам собирать.

Разумная дважды оглушающе гавкнула и волк не заставил себя ждать. Примчался по кабаньи – напрямую через подлесок, не особо выбирая путь. Нервничал, видать, в ожидании ответа, потому и спешил...

Разумные объяснились на своём, без слов. Что говорила Зюзя – не знаю, но по ходу беседы серый гость несколько раз смотрел в мою сторону, принимая для себя какие-то решения.

Наобщавшись с ушастой, волк подошёл ко мне.

– Я понял правила вашей семьи.

– Рад, что понял... У тебя имя есть? – принялся я наконец-то всерьёз знакомиться с Зюзиным воздыхателем.

– Конечно. У всех есть имя.

– Какое?

В нос шибануло чем-то резким. Не противным, а... не могу объяснить, будто смесь мокрой собачьей шерсти с копчёной рыбой.

– Его имя слышно, – помогла разобраться подруга. – Оно не звучит на языке людей.

Представился, значит. И как мне к нему обращаться? На индейско-анекдотический манер в стиле: «Эй, ты! Мокрый пёс, извалявшийся в висевшей над костром и пропахшей дымом рыбе, иди сюда!» – я бы на такое имечко как минимум обиделся.

– А попроще варианты есть? Чтобы голосом звать? Как к тебе люди обращались, с которыми ты на разведку ходил?

– Волк.

– Понятно. Волк так Волк. Коротко и по сути. Запомнить легко, спутать с барсуком сложно, – и уже к Зюзе. – Давайте делом займёмся. Расскажи, где была и что видела.

Пробежавшись по дороге, мест, подходящих для засады, доберман нашла в избытке и ни одного полностью соответствующего моим запросам. То ямы и широки, и глубоки, но на открытой местности; то к дороге можно подобраться практически вплотную, но машина там скорость ни за что не сбросит – асфальт уцелел. Половинчато получается, хреново...

Лишь одно заинтересовало, да и то с натяжкой. Надо будет своим глазом глянуть.

...Как-то на стройке, где я работал, после сильного ветра на незаконченную многоэтажку, возводимую в самом центре города, слегка завалился кран.

В СМИ данное событие ухитрились не отразить; с соответствующими комиссиями, слетевшимися точно мухи на мёд, оперативно порешали; силовики, после непродолжительного общения с руководством фирмы сделали вид, что ничего не заметили.

Однако негласно на происшествие съехалась вся конторская верхушка: от архитектора с инженером по ТБ до исполнительного директора. Ходили, брезгливо ступая дорожными туфлями по пыльной стройплощадке, много говорили по телефонам; разбившись на кучки, негромко обсуждали случившееся.

Не погнушался приехать и генеральный. Выплыл из своего каплевидного Мерседеса, осмотрел неприятность в сопровождении сбежавшей свиты, глубокомысленно сказал что-то угрожающе-обезличенное и отбыл восвояси, оставив подчинённым разгребать проблему.

Удивлённый такой плотностью начальства на квадратный метр, я поинтересовался у стоявшего неподалёку знакомого каменщика, человека в два раза старше меня и выдавшего всякое:

– Чего это они понаехали? Одного бы прораба с технологом хватило. Никто же из этих, – дальше в оригинале шло жутко непечатное слово, обозначающее скаредное и прижимистое начальство, – ничего в упавших кранах не понимает!

– Они не за этим приезжали, – знающим голосом ответил тот.

– Тогда зачем?

– Те, что рангом помельче – чтобы в курсе событий быть, коль шефы спросят, и продемонстрировать себя лишний раз. Те, что повыше – понимали, что главный притащится. Морды светили. Кто не мелькнул с умным видом – сам дурак и не радеет за работу.

– Показуха... Генеральному на кой весь этот балаган? Команду дал – и все забегали.

Мой знакомый рассмеялся негромко, в кулак, чтобы не привлекать внимание взвинченных близостью начальства людей в костюмах.

– А вот ему как раз приехать надо. Он тут сейчас самый главный человек. Надо недрёманное око своё показать нам, работягам, и шушере всякой; лишний раз всех напрячь, чтобы не расслаблялись; посмотреть, кто из офиса не поленился зад оторвать от мягкого кресла и успел прискакать раньше него; не повредит и лично оценить ситуацию, прикинуть ущерб и возможные потери; назначить, на кого убытки вешать; определиться с ответственными по ликвидации; под шумок, при необходимости, поменять негодных, не вызывая особого кадрового бурления... Много всего. Оно только со стороны кажется – ходит бездельник зажавшийся, умничает... Да был бы он бездельником – никогда бы в своём кресле не сидел. Или нанял бы кого потолковее, а сам на островах жопу грел, или прогорел в бизнесе нафиг. Нет, генеральный правильно всё делает. По уму. Потому, кстати, и президенты на всякие стихийные бедствия или аварии выезжают. И народу заботу покажут, и подчинённых оценят так сказать, в критической ситуации. Полезнейшее дело.

Каменщику я верил. Он, хоть и зарабатывал на жизнь своими руками, был очень толковым мужиком с чрезвычайно живым умом и потрясающей начитанностью. Если бы не

мягкий, покладистый характер да хроническая склонность к спиртным напиткам – взлетел бы человек по социальной лестнице на приличные высоты, а то и в депутаты у себя на родине выбился.

Именно тот случай и натолкнул меня на мысль выманить Фролова из города, а там уж посчитаться за своих.

Идея казалась надёжной: подпалить ночью фортик с его обитателями, немножко пострелять, после чего дать кому-то спастись, донести новость до нужных ушей.

Без внимания такое событие оставить не имеют права. Это ведь не рядовой хуторок, каких вокруг Фоминска наверняка полно – это окраинный форпост зарождающейся недоимперии, не отмахнёшься. Пусть приедет, оценит, поумничает. А я его подожду.

По этой причине мы с Зюзей и разделились. Я обстановку на месте изучал, а она отправилась местечко поудобнее высматривать, чтобы оттуда действовать наверняка...

Сколько ни прикидывал новые данные – только расстраивался.

Матчасть в моих планах хромала на обе ноги, упорно возвращая своими цифрами с небес на землю. Прицельная дальность, на которой можно попробовать пободаться с Сергеем Юрьевичем и его свитой – до ста метров. Пустяк для группы умелых стрелков с нормальным оружием. Грамотно сработают, грамотно отойдут...

А у меня что? – кастрированный калаш, двустволка, пара гранат и две зубастых пасти с восьмью лапами вместо организованной огневой поддержки. Сильно не повоюешь.

Можно, конечно, попробовать шамальнуть из засады по колёсам, потом в водителя, а затем расстрелять пассажиров. В теории. Во сне. В мечтах. На практике – народ там тёртый, если сразу всех не положу – мне конец.

Не то чтобы я боялся, больше умирать не хотел. И отказаться не мог. Бывают в жизни ситуации, когда «хочу» или «не хочу» теряют всякий смысл. Должен. И всё.

Пересчитал патроны к «огрызку» – семьдесят один. Кисло. На одну машину патронов хватит, если экономно и без суеты огонь вести. А на машину сопровождения?

Двустволку исхитриться приспособить? Нет... На перезарядку времени уйдёт столько, что лучше сразу могилку себе выкопать.

От злости сплюнул. Лежавшие в стороне разумные оторвались друг от друга. Зюзя вскинулась, волчара с недоумением посмотрел в мою сторону. Романтику я им ломаю, ёлки-палки...

– Нормально всё, – успокоил я разумную подругу. – Жучок в рот залетел.

На меня снова перестали обращать внимание.

Да... воевали на бумаге да забыли про овраги... Плохой у меня был план мести. Фантастический. И с чего я взял, что смогу в одно рыло всех победить? Фролов ведь, как пить дать, не один поедет – с машиной сопровождения, возможно, и не с одной. Комиссию с собой прихватит для полного понимания ущерба, физподдержку для охраны, разбирающихся в следах специалистов задействует...

Или не поедет?

Первоначально думалось как: после рукотворного пожара перебраться в заранее

присмотренное место с несколькими путями отхода; в яму на дороге заложить патроны, оставшиеся от Орсиса, с дровами и сухой травой. Замаскировать. Когда услышу звук мотора (ну не пойдёт Фролов пешком в такую даль) – поджечь боеприпасы, спрятаться и под самопроизвольную канонаду расстрелять особиста с его прихвостнями. По исполнении – храбро сбежать.

Гордился собой... хитростью своей. Возомнил, что враги быстро не сориентируются, откуда смерть прилетать будет.

Детский сад...

Пока рассусоливал, прикидывая новый план, от идеи ночью спалить форт вместе с новыми жильцами тоже отказался. Как представил людей, спросонья мечущихся среди клубов густого, едкого дыма, пылающих домов, выплёвывающих лёгкие от удушья – страшно стало. Там ведь бабы, детишки...

Я не палач.

Тогда, в роще, это казалось правильным – уничтожить опоганенное пришлыми жильё, выживших вынудить убраться обратно, под крылышко так любимого ими недогосударства и заодно выманить главного, поиграть с ним на моём поле.

Теперь не кажется. Не готов я к крайним мерам.

Придётся кошмарить новых пейзаж в облегчённом варианте, без особого кровопролития. Дам шанс спастись...

Снова сплюнул. Теперь злился на своё мягкосердечие. Разумные и ухом не повели.

А если не выйдет засаду сделать там, где понравится? Оно ведь как может получиться: погорельцы, наковыряв напоследок имущества из сгоревших домов, обратно потянутся, к обжитым местам. Дойдут до первого поселения, сообщат старосте о случившемся – туда, ясен пень, и стянется всё начальство.

Опросят, поговорят, посоветуются, в затылках почешут...

Ага! Теплее...

Допустим, у меня получилось незамеченным увязаться следом за неудавшимися переселенцами. Они идут с узлами и детьми – я иду, в затылок им дыша...

Дальше что? А вот дальше можно и местечко поуютней выбрать. Доберман отбежала на тридцать километров – жилья не обнаружила. Миновала деревеньку, несколько перекрёстков...

Напряг память.

Пусто... пусто... пусто... Бывший мотель, где меня пришить пытались мужики вонючие! Там ещё баба всем заправляла! Елена, скотина редкая... Я её зарезал перед уходом. Подходящие места. Сплошь кусты и деревья.

А если мимо пройдут? Дальше потопают?

Ну и что? – парировал я самому себе. – Здесь ловить точно нечего будет. Пойду следом. Не до самого же Фоминска безлюдье. Обязательно где-то должна быть перевалочная база. Не может не быть.

...Ну, положим, приехал Фролов куда-то там, поговорил с людьми. К сгоревшему фортику, понятное дело, своих архаровцев однозначно отправит. Указания ценные даст,

обязательно велит рапорт в подробностях накатать. Возжелает ли сам посмотреть на пожарище? Да кто же его, властью обременённого, знает? В чужих мыслях не покопаешься. Может и не захотеть на пепелище любоваться. Что он тут увидит? Тогда где его ждать?..

Окончательно запутался.

Внутренний голос мне подсказывал, что я на правильном пути. Общую схему войны с Фроловым нет смысла выдумывать – мне её вкратце уже рассказали: партизанщина с диверсиями, в финале самоотверженное убийство врага и собственная героическая гибель. Правда, последнее меня не слишком устраивает.

Первая часть вполне хороша – устроить уничтожение критически важных объектов, парализуя городскую жизнедеятельность. Пусть не сразу, пусть постепенно. В разные сроки и в разных углах зарождающейся страны. Не важно. Я уже никуда не спешу, тут дел полно. Ударил побольнее – отошёл подальше, чтобы его холуи не добрались, затаился. Снова ударил.

Без переговоров и объяснения причин.

Рано или поздно должно сработать! Выберется змей из своего логова, никуда не денется! И первоначальную приманку я правильную выбрал. Не этот форт его заинтересует – другой найдётся. Рано или поздно придётся реагировать на такой беспредел. Добьюсь своего. Выманю. Главное, не суетиться.

...Некая мысль носилась в голове, извиваясь и на что-то намекая, однако я никак не мог ухватить её за кончик.

Несколько раз глубоко вздохнул, расслабился. Представил собственный мозг пустой банкой, готовой к любому содержимому...

Помогло.

Кое-как отмазавшись от Зюзи и поклявшись ни во что без неё не вступать, в одиночку вернулся в посёлок. Ни к чему ей за мной хвостиком ходить, сам управлюсь.

Разумной поначалу такой расклад не понравился – она привыкла следовать всегда и везде рядом, однако в кои-то веки не тот случай. Мне боезапас пополнить надо, подготовиться, а это мероприятие рискованное.

В общем, после небольшого скандала убедил.

Начал с уже обследованных мест. Без спешки раздобыл плоскогубцы, высадив окно в одном из гаражей частного сектора, прихватил кусачки. Пожароопасных жидкостей, к сожалению, не нашлось. Издалека запримеченная и вселившая в меня бездну надежд литровая бутылка растворителя, мирно стоявшая на навесной полке над самодельным верстаком, оказалась пуста – из-за лопнувшей в одну из зим пластмассовой крышки содержимое испарилось напрочь; бензина не было вообще. Одни пустые канистры.

Под конец удалось раздобыть немного машинного масла в запылившейся жестяной литровой банке с сохранившимся заводским пояском на крышке. Потрусил – полная. На долив в двигатель старый хозяин брал, не иначе. Машины в помещении хоть и не было, однако старенький бампер, приспособленный на крюках под самым потолком, запасные колёса и целый ящик с неновыми запчастями указывали на то, что с транспортом гараж знаком не понаслышке.

Извозившись в вездесущей паутине и испачкав штаны непонятными субстанциями, преследующими любого, кто рискует копаться без спецовки в мужском гаражном царстве, перешёл к основной части своего визита в ненаселённый пункт – сбору боеприпасов.

Я не великий сапёр, однако кое-чего в разговорах со знающими людьми понахвататься успел и твёрдо решил попробовать присвоить только те гранаты, в обезвреживании которых буду уверен более, чем на семьдесят процентов. Малейшее сомнение – не трогаю. Они мне, конечно, не повредят, однако не столь велика в них нужда, чтобы бездумно башкой рисковать.

...Из всех обнаруженных растяжек деактивировать решился только две эфки, к которым сумел подобраться через окна пустых квартир. Ещё три побоялся трогать – слишком нежно выглядела натянутая вместо проволоки леска, а предохранительные кольца, казалось, держались на одном честном слове. Да и общее впечатление складывалось нехорошее – будто напоказ установлено, доступно, примитивно.

Поостерёгся. Наслышан о всяких «сюрпризах» для таких вот умников, как я. Ещё в мою бытность там, под Вологдой, довелось пару раз, урывками, болтовню охраняющих нас спецназеров подслушать про их боевые подвиги. И сверху, повыше головы, оказывается, можно заминировать, и двойную растяжку сделать, и с самой гранатой похимичить. Широчайшее поле для подрывной деятельности.

К оставшимся не смог понять, как подлезть. Через окна – высоко, через двери – страшно.

Посокрушавшись от столь низкой результативности, придушил свою жадность и перешёл к банальному мародёрству. Вернулся в уже разминированные подъезды и тщательно перерыл весь мусор в пустых квартирах. Мне много не нужно – тряпки посуше, портянки новые, куртка-ветровка для прохладных ночей, пиратская повязка на физиономию.

Нашлось всё в избытке. Но главной находкой стала коробка стеклянных ёлочных игрушек, переложенных посеревшей ватой, обнаруженная в верхнем отделении растрескавшегося по углам шкафа. Долго перебирал их, любуясь каждой. Шары большие и малые всех цветов, красная звезда на верхушку, ракета с иллюминаторами; добродушные, пузатые медведи с мешками, как у Деда Мороза и белые, в остатках блёсток, улыбочивые снеговики.

Конфетти, гирлянды и отдельно, неумело слепленный, из засохшего пластилина, крокодил с отломанной лапой, любовно завернутый в вощёную бумагу.

Детская поделка. Вот и верёвочка, пропущенная через голову рептилии, чтобы надевать её на пахнущую праздником еловую лапу и страшно гордиться тем, что твоя, с виду неказистая игрушка висит наравне с настоящими, новогодними. И бабушке показать, и маме, и гостям.

Ребёнок рос, Новый Год в кругу семьи становился ему всё менее и менее интересным, а взрослые помнили, хранили крокодильчика из зелёного пластилина...

– Не беда! – возглас вырвался сам собой. – Вы ещё послужите! – и принялся лихорадочно разминать пластилин в руке.

Поначалу крокодил не желал расставаться с привычной формой, однако тепло моей ладони постепенно сумело победить упорство материала, превратив его в липкий мякиш. Настала очередь игрушек.

Бережно снимая колпачки с ушком для крепления нитки, я принялся заполнять пустоту машинным маслом. После заталкивал в колпачок шарик пластилина и возвращал его на место, аккуратно вдавливая в края крепёжного отверстия игрушки. Получалось весьма герметично. Одиннадцать штук сделал.

Подобрал какую-то замызганную спортивную сумку и, прокладывая со всех сторон тканью помягче, в ней разместил мини-бомбочки.

С удовольствием, прикасаясь к каждой пальцем, снова пересчитал стеклянную радость из детства. Должно хватить.

– Ну что, готова? – поглядывая на закатывающееся за горизонт солнце, поинтересовался я у разумной.

– Готова, – доберман была само спокойствие. – Можно, он с нами пойдёт?

– Почему нет? Если мешать не будет...

– Не буду, – влез серый. – Я хочу помогать. Месть – это важно.

– Договорились. Слушайся её, – указал на Зюзя. – Она знает, что делать. Побежит – бежишь и ты. Ляжет – падаешь рядом. Я сам по себе. На меня не смотри.

– Понял, – вновь остался немногословным Волк. – Я буду рядом с ней.

– Тогда пошли.

...Под фортик мы пришли вскоре после полуночи. Заходили по знакомой дорожке со стороны рощи, по пути никого не встретив и себя никак не выказав.

Оставив сумку в стороне, я принялся осторожно разбирать по прутьям дальний от поселения конец плетня. Занятие несложное, давно просохшие ветки не трещали, покидая свои места и если какая-то из них отказывалась поддаваться – не ломал, силу не демонстрировал. Перешёл к следующему участку и продолжал своё занятие. За каких-то десять минут удалось набрать сушняка на два небольших костра.

Вернулся серый, которого я отрядил на разведку, стараясь по максимуму использовать его природную беззвучность вольного охотника.

– Люди спят. За стеной никого не слышал.

– Спасибо.

Охрана наверняка у ворот лясы точит, как и в прошлый мой визит. Болтайте, ребятки, болтайте...

Спокойно взял охапку, спокойно отнёс к частоколу. По грядкам, не разбирая дороги. Ничего, перетопчетесь... Зюзя шла рядом, зажав несколько палок в зубах.

Вернулись не прячась. Смысла нет. Ночь тёмная, мы тоже не светимся. Земля обработанная, мягкая – шаги глушит отлично. Волк остался у стены – предупредит, если что.

Вторую охапку сушняка положил немного в стороне, за углом.

Принёс сумку.

В последний раз прикинул, откуда начинать. Вроде не ошибся – за частоколом в этом месте раньше общественный навес с дровами располагался. Буду надеяться, внутреннюю перепланировку фортика новые обитатели провести не успели. Извлёк игрушки с начинкой, разложил их у брёвен. Тряпками обмотал несколько палок, соорудив подобие

факелов.

Полез в сидор. Вот они, патроны к Орсису. Не зря таскал, не решаясь выбросить. Рассовал по карманам. Зарывшись поглубже, наощупь нашёл бесформенный коробок спичек. Тех самых, что Рося принесла.

Уколело...

Невольно взглянул на разумных. Стоят рядом, Волк моей подруге явно что-то рассказывает – она слушает его наострив уши. Что-то такое... для двоих.

Оба красивые в лунном свете. Зюзя – почти невидимая, одни контуры, серый – более различимый, немного похожий на северную ездовую собаку.

Молодец ты, Волк. Не даёшь добердаме заскучать, сознательно отвлекаешь её своей болтовнёй от грустных мыслей, пытаешься разделить с ней пережитое. Настоящий мужик. Захотелось в знак благодарности потрепать его по холке...

Осёкся. Рано нам пока в фамильярности впадать. Да и жест этот... он был только наш – Роси, Зюзи, Бублика, и ничей больше. Каждый понимал его истинный смысл и сопровождающие его чувства без лишних слов.

Пусть пока так и останется.

– Отойдите за меня, – шёпотом потребовал я от ушастых, подобрав факелы с ухоженной, рассыпчатой, земли.

Не оборачиваясь, уверенно пошёл к первой куче веток, за углом. Ничего не страшась, сунул несколько заранее припасённых листов бумаги, выдернутых в посёлке из старого журнала, в самый низ и поджёг. Пламя заплясало со второй спички. Сверху приспособил факелы, давая им разгореться.

Когда костерок начал уверенно потрескивать – кинул туда половину патронов, схватил горящие палки и побежал за угол, ко второй куче.

Зажёг и её. Теперь спички не потребовались – огонь факелов был достаточным изначально.

Звонко бахнул первый патрон. За ним второй. Затем третий, четвёртый...

В фортике кто-то заорал мужским басом, нечленораздельно (или это мне так показалось) отдавая команды.

Завыла перепуганная женщина. Её вопль подхватили другие. Завизжали дети. Кто-то кого-то крыл матом, не особо стесняясь в выражениях.

Простите, дети и женщины. Понимаю, что сегодня кто-то из вас заикой останется и потом долгие ночи не сможет нормально спать.

Понимаю, что так нельзя – пугать людей до пахучих подштанников.

И не жду понимания от вас. Мне оно ни к чему...

Канонада нарастала. Надо спешить.

Размахнувшись, перебросил факел туда, где раньше был дровяник. Стукнуло. Похоже, попал...

За ним отправились и остальные, коптящие едким дымом палки. Старался бросать в одно

место. Мне огонь пожарче нужен...

Не давая себе передохнуть, упал на колени и принялся перебрасывать через частокол увесистые от масла ёлочные игрушки. С праздничком вас...

...Хлопали двери, визг нарастал по экспоненте, грохнул выстрел из ружья...

...А шарики летят, с еле слышным из-за всеобщего гама стуком разбиваясь за частоколом...

...В щели между брёвнами мелькнул отсвет, на уровне лица пахнуло жаром. Угодил, значит, подарочек по назначению. Разгорается...

...За углом начался полный хаос. Патроны взрывались почти одновременно, напоминая своим грохотом дорогуший невидимый фейерверк.

И это ещё не всё!

Едва последняя игрушка с маслом начал свой полёт через брёвна ограды, я побросал в огонь оставшуюся половину так кстати пригодившихся патронов, рыкнул разумным: «Ходу» и помчался прочь, за пока безопасный, дальний от меня угол фортика.

Насилу успел. Первый патрон во втором костре заявил о себе лишь только я свернул с прямой линии огня.

Остановился. За оградением по-прежнему творился хаос, однако некто особо толковый уже хрипло, надсадно орал:

– К бочкам! Забивай пламя! Детей к воротам! Смотреть в оба!!!

Самое время отходить. Этот бедлам закончится с минуты на минуту. Народ опомнится, начнёт принимать меры. Могут и меня заметить.

...Развлекайтесь, тушите, плачьте. Я – не вы. Возможность выжить предоставил. Некоторых из вас мне, конечно, жалко. Но знайте – не слишком, совсем чуть-чуть... Почему так? Да достаточно вспомнить, как вы сюда попали...

Я сознательно поджог устраивал в одном месте, а не с разных сторон. Мне не нужен сгоревший форт. Мне нужны паника, слёзы, страх, дрожащие от пережитого ужаса люди – дёрганные, жмущиеся в стадо, сбивчиво рассказывающие кошмарные небылицы про эту ночь.

Это и есть мой первый, выстраданный в долгих сомнениях, шаг, преследующий лишь одну цель – дождаться высокого гостя. Повод выбраться за высокие фоминские стены я для него организовал – лёгкий пожар с артподготовкой. И свидетелей куча, и событие из ряда вон выходящее, и идти никуда не надо. Работы Фролову здесь полно.

На бег не сорвался. Пятясь, оцетинившись «огрызком», отошёл в темноту...

Поселение, как и задумывал, особо не пострадало. Огонь всерьёз зацепил один дом, в

разной степени подкоптил остальные и крепко попортил частокол в том самом месте, где я упражнялся в метании ёлочных игрушек.

Обитатели не подкачали, смогли прогнать красного петуха.

С утра застучали топоры, мамки развели хнычущую на всю округу детвору досыпать в уцелевшие избы, несколько вооружённых мужиков, нервно водя стволами ружей из стороны в сторону, осмотрели следы от костров.

Пачкая пальцы сажей, задумчиво вертели найденные гильзы, смотрели их на свет, точно мою подпись искали. Один из них не поленился, разворошил кострище и пересчитал остатки от патронов, бережно складывая их в сторонке.

По примятой траве нашли место моего отхода. Посовещавшись, искать злоумышленника не пошли. Ограничились грозными взмахами кулаков и методичным харканьем под ноги.

Конечно, испугался до дрожи в коленках...

А ближе к обеду двое крепких, по-походному одетых людей с оружием и тощими котомками за спинами отправились на юг.

Обо всём этом я узнал от Волка и Зюзи, внимательно наблюдавших за поселением с приличного расстояния. Сам же, отойдя подальше от дороги, отсыпался по методу разумных – в травке под кустиком, подложив сидор под голову. Сморила меня эта бессонная беготня.

После небольшого отдыха, посовещавшись, пошли следом за ходоками. Форт стал уже не интересен. Он выполнил свою промежуточную задачу, пора ко второй части плана приступать.

Проводив ходоков на расстояние дневного перехода, вернулся немного назад, в то самое место, заинтересовавшее меня в мыслеотчёте доbermanа: здесь дорога как бы огибала небольшой холм, сверху лысый – одна трава, а у подножия и до проезжей части сплошь деревья с кустарником. Асфальт, как по заказу – яма на яме.

Разумные не отставали. Оббежали, обнюхали каждую кочку и, успокоившись, улеглись в теньке...

Рокот моторов услышал издалека и кажется, камень с души спал. Устал ждать. Закончилось бы уже хоть чем-то... Четыре дня тут торчу безвылазно, дуря от скуки, питаюсь сырой дичью, добытой ушастыми, с остатками галет и каждую минуту выглядывая из укрытия на дорогу. Вдруг кого пешком нелёгкая понесёт?

Устроился я на склоне, присмотрев местечко поудобнее. Такое, чтобы видеть всех пассажиров через лобовое стекло и самому оставаться незамеченным. Они здесь медленно поедут, главное, не зевать. Автомат положил слева, рядом магазины с патронами. Ружьё справа. Пистолет ещё правее. Гранаты перед собой.

– Зюзя! Волк! Спрячьтесь!

Говорил я в пустоту. Разумные уже исчезли за холмом, не своевольничая. Много раз обмусоленный план въелся нам всем в подкорку намертво. Подруга с ухажёром тоже не тупые. Понимают, что и как.

Первым показался грузовой, крашенный тёмно-зелёным ЗИЛ со снятым тентом, с десятком хмурых, вооружённых людей в кузове, бдитительно зыркающих по сторонам. В кабине – усатый водила и два короткостриженных мужика с усталыми лицами. Позёвывают.

Издаleка едут, растрясло...

Добравшись до плохого участка дороги, грузовик замедлил ход, забрал вправо и медленно, подвывая мотором, принялся перебираться через ямы. Сидящие в кузове похватались за деревянные борта. Качало их знатно.

Следом за ЗИлом, метрах в тридцати, уверенно пёр тюнингованный кенгурятником, высокий внедорожник. Мне, как человеку далёкому от автомобильной темы, марка сего чуда осталась неизвестной. Одно могу сказать точно – на эту машину не пожалели ни труда, ни материалов: большие, грязевые колёса, призванные протаскать свою ношу по любой местности, высоко задранный кузов с приваренными порогами, на крыше – люк и подобие вертлюга для пулемёта, справа от лобового стекла – выведенный выше крыши шноркель, вместо классической решётки радиатора – противоположная защита – грубо приделанные под углом к кузову полосы металла.

Окна по летнему времени приоткрыты.

Дождавшись, пока ЗИЛ выберется на относительно ровный участок дороги, водитель двинул свою колымагу следом, давая мне рассмотреть пассажиров в подробностях.

...Сергей Юрьевич демократично сидел на переднем пассажирском сиденьи, частично прикрытый от меня автомобильной стойкой и отрешённо смотрящий вперёд...

Выполз, гнида... А говорят, люди дрессировке не поддаются... Правильная мотивация им нужна вместо вкусняшек, только и всего...

Замыкал колонну маленький, угловатый микроавтобус в свежей краске со значком Mitsubishi, тоже не пустой. Боковые окна так же сдвинуты для проветривания, в них виднеются настороженные рожи, цепко осматривающие придорожные кусты и деревья. Все с автоматами, стволы которых лежат на сгибе локтя и немного выглядывают за габариты японца.

Задняя дверь в азиатском транспортном средстве вообще отсутствовала, обнажая нутро бусика и демонстрируя крепкого детину, сидящего на плотных тюках спиной к ходу движения, лицом к удаляющейся дороге и зажавшего в ладонях ручной пулемёт.

Серьёзно меня воевать удумали...

Замыкающий колонну автомобиль преодолел ямы с трудом, чиркая днищем. До меня долетел лихо закрученный шофёрский мат.

...Случилось то, чего я опасался больше всего – силы оказались слишком не равны. Много народу с собой Фролов набрал, чересчур много.

Не выиграть мне в драке с этой армией, а проигрывать я не готов...

Гул моторов стих быстро. Дальше был приличный кусок нормальной, особо не изуродованной, дороги. Километров сорок в час можно ехать без проблем. Пусть покатаются.

Хватит сидеть. Пора выходить.

Собрал оружие, рассовал боезапас по привычным местам, закинул вещмешок за спину.

Свистнул. Разумные возникли на пологом склоне почти сразу.

– Не получилось, – ровно сообщил я, не отводя глаза. – Переходим к запасному варианту. Мы его обсуждали.

Волк недовольно рыкнул, доберман же восприняла новость сдержанно.

– Людей было очень много?

– Да. На трёх машинах.

– Тогда ты правильно сделал. Твоя смерть мне не нужна. И им, – каскад из мыслеобразов моих покойных друзей, – не нужна. Знаю, ты не испугался. Ты смелый и добрый. Ты разрешил жить людям за стеной, когда горел огонь – никого не убил. Я думала – если ты убьёшь главного, то его люди могут убить в ответ тебя. Боялась сказать про это... И прощать нельзя! Делай то, что нужно. Я с тобой.

– Спасибо, что поняла... – и перевёл разговор в более практическую плоскость. – Зюзя! Ты наших свинок давно видела? Пряника с Калачом?

Чёрные глаза разумной удивлённо уставились в мою сторону.

– Да. Давно.

– Найти их сможешь?

– Конечно. Я знаю, где их хорошо слышно.

– Далеко?

Разумная чуть помедлила с ответом, прикидывая расстояние.

– Нет. Завтра днём приведу, если пойти сейчас. Может раньше.

– Не надо никого приводить. Надо их найти и убедить свалить отсюда на недельку-другую подальше. Тут скоро шумно будет. Начнут всякие ненормальные по лесам с оружием бегать, вчерашний день искать... Нарвутся ещё поросята на неприятности... И других предупредите! – Волк одобрительно рыкнул, оценивая мою заботу о четверолапых. – Я вас догоню! Встречаемся, – впервые за последние недели позволил себе произнести это слово привычно, обыденно, – дома.

– Мы будем ждать!

О как! Уже «Мы»...

Продираясь к дороге через хаос веток, кустов и стараясь ни за что не зацепиться, я неожиданно поймал себя на мысли, что разговариваю с Фроловым. Не как со старым приятелем – это, конечно, перебор – скорее, как с давним знакомым, с которым имеется много общего и всегда есть, что обсудить.

Естественно, он, сидя в мягком салоне удаляющегося внедорожника меня не слышал и соответственно, ответить не мог. Ничего страшного. Переживёт. Важнее, что я выплесну наболевшее наружу, виртуально объяснив то, что ему ещё предстоит постичь.

... Знаешь, Сергей Юрьевич, ты жаба конченная. Зачем ты вот это всё устроил? Отравленные колодцы, разборки с пенсионером, флаги, империя... Ты дурак? Или заняться больше нечем? У тебя Фоминск на соплях экономику вытягивает, а ты зону влияния расширяешь? Решил подарить людям великую цель в виде нового государства, чтобы о пустом брюхе меньше думали? Да хреню ты занимаешься! Новые территории захватить не проблема, а переваришь ты их как? Одних лозунгов и мордovorотов с оружием для этого мало...

Особо вредная ветка скребнула по лицу, заставив выматериться. Пощупал – царапина.

...Твой бывший шеф, Петрович, прав был, когда по сторонам не лез и резервы наращивал, благосостояние населения укрепляя. Потому что понимал, чем дело может закончиться, если начнёт новыми землями обрастать, не создав определённых запасов для полноценного функционирования создаваемых колоний. Сколько лет просидел на своём месте – и не решился! Думаешь, у него кишка тонка была? Не угадал... С духовитостью у старика всё в порядке, хоть убавляй. Там в мозгах закавыка, в понимании хозяйствования...

Ну ладно, рискнул ты расширить границы. Понимаю, приспичило нечто эпохальное замутить. На здоровье! Пустой земли вокруг полно! И бодаться за новые гектары ни с кем не надо. Осваивай! Паши! Сей! Но нет – тебе контроль над дорогами приспичило занять, «артериями государства»... Думаешь, я не понял, на кой хрен местных потравили именно здесь, в этом фортике? Из-за дороги, которая с каждым годом становится всё оживлённее и оживлённее. Под свою руку здешнего старосту нагнуть не получилось, а местечко ой какое вкусное! Не федералка, конечно, но удобная – не отнять. Налогом зарождающуюся торговлишку обложишь, охрану караванов под себя подомнёшь, рынки сбыта монополизируешь...

Рисуемая воображением физиономия особиста будто меня услышала, недовольно нахмурилась в истинно его манере – почти незаметно.

...Вон, посёлок в стороне стоит, в котором твои злодеи растяжек понаставили – никому и нах... не нужен. Потому что в стороне. Делать там нечего. Твои же красавцы тут всё облазили, уточнили, разобрались в местной политической карте. Ох ты и мразь... Я же из-за тебя убийцей стал. Понимаешь? Хотя, куда тебе... Ты же никого из тех, кого пустил на корм червям и в глаза не видел. Равнодушно команду дал, в блокнотике пометил и забыл после доклада об исполнении. Шажок к своей цели сделал. А то что по трупам – ничего страшного... В мире каждый день многие умирают, всех считать устанешь...

Помню я, помню флаг в дежурке. Большой, трёхцветный, с достойной, разношёрстой судьбой. Под ним солдаты в атаки шли, покрывая себя славой, космические корабли взлетали... И ты, значит, примазаться решил к чужим подвигам. Возродить, в историю войти, в новые учебники попасть... Прилизанным, причёсанным, этаким ясным солнышком со скромно описанными эпохальными достижениями и исподволь внушаемым читателю единственно верным выбором. А про людей, попавших под твои «благие» начинания, никто и не вспомнит. Поначалу, пока будут живы участники сегодняшних событий, все будут благовоспитанно помалкивать на неудобные темы. Потом введут специальный праздник, призванный объединять и ликовать, речи заготовят, раздуют до небес мнимые успехи, наградят кого-нибудь, детишкам шарики дадут с конфетами, выходным днём обывателя порадуют... Так и позабудется, с чего всё началось. Ведь доступная массам история строится не на самой истории – кому интересно по колено в дерьме копать, выискивая не самую приятную на свете правду, а на мифах.

Это если у тебя, козла вонючего, всё получится. А если нет – не проиграешь, понимаю. Выберешь другой путь развития. Народу – бесправное повиновение, себе и своим опричникам – райскую жизнь. Диктатором африканским заделаешься, плодящим от скуки придурковатые законы. Ненадолго, конечно.

Я был на юге. Там примерно такая же хрень твориться начинается, только возможностей у них побольше. Те же ушлые, жадные до всего ребята с непомерными аппетитами. Поначалу между собой пободаются, выяснят, кто главнее, потом в северную сторону посмотрят.

Сожрут тебя. У них и электричество, и бензин, и уголь, и еды вдоволь – климат позволяет крестьянствовать без трудовых подвигов, в отличие от Фоминска. Промышленность имеется. Слабая, конечно, но это пока. С оружием я думаю, тоже всё в порядке. Если смогли запустить трактора – запустят и танки, – не знаю, почему я так решил, но верил в это свято. – Уже в Белгороде люди нормально живут, а не выживают. Не мародёрят по заброшкам, не пашут на людях. Торгуют, развиваются и, самое главное, смеются. Я в твоём городишке ни одной улыбающейся взрослой физиономии не заметил. А это важно...

Мне, если честно, до одного места, как будет жить твоё послушное стадо. Пусть терпят, если на большее не способны, в этом я полностью согласен с покойным дедом. Умные свалят, середняки приспособятся, тупые ничего и не сообразят...

Пойми правильно, правитель несуществующей страны Фролов. Я – человек, а не кусок дерьма под ногами. Терпеливый, спокойный, но не выносящий, когда выкручивают руки до затылка. Ты же с такими встречался неоднократно, вспомни! И в школе своей обособистой, и по жизни, и схватывался с ними не раз за место под солнцем. Возможно, иногда проигрывал, ухитряясь выкрутиться с наименьшими потерями, или ломал под себя, побеждал, ликвидировал... Смысл не в этом. Главное, ты твёрдо знаешь одно – если такие, как мы, закусываются между собой, то каждая сторона способна неприятно удивить. Учитываешь, понятное дело, допускаешь вероятности, но не понимаешь того, что если за тебя кто-то умер, не важно, как и когда, то просто обязан сделать так, чтобы эта смерть не была напрасной. Ты должен, соображаешь? Вот я и попытаюсь, как умею...

Убивать я тебя не буду. Пока. До полного сумасшествия – воевать с таким количеством подготовленных ко всему умельцев – ещё не опустился. Ты же хитрый, в одиночку не ездешь, бережёшь свою светлость от таких вот обиженных Вить... Жить хочешь...

Я вижу свою задачу в другом – зародить в тебе сомнения, заставить переосмыслить творящееся. Вряд ли получится, но попробовать стоит...

Из листвы показались остатки асфальтового покрытия.

...Хватит нам с тобой болтать. Прощаться пора. Навсегда или до времени – решай сам...

Наконец-то выбравшись на дорогу, я извлёк из-за пазухи приметную белую тряпку, подобранную вчера в какой-то из пустых квартир, достал из кармана один единственный патрон от GLOCK. Более чем жирный намёк на прошлое. Особисту эта модель, как и предыдущий хозяин, очень знакомы... Покрутил прохладный металл со смертоносной начинкой в пальцах, погладил, наслаждаясь гладкостью и нежной, полированной кривизной пули.

Добыл сложенную вчетверо бумажку, на которой крупными, печатными буквами карандашом было выведено:

«Фролову»

Развернул, перечитал написанное на ней, старательно проверяя текст на ошибки. Не хватало ещё безграмотностью опозориться...

«Я хотел тебя выманить – я выманил. Здесь была засада, которую ты со своими уродами прощёлкал. Это не угроза, не хвастовство – простая констатация факта.

Если ты не прекратишь убивать людей без повода (о чём идёт речь, надеюсь, понимаешь), то мне придётся организовать твою смерть и поверь, я буду очень счастлив это сделать. И не я один. Многие обрадуются.

Покойный Петрович оставил по этому поводу чёткие инструкции и килограмм золота на оплату умелым людям. Я лишь посредник и будь уверен – цветмет не зажилю и не пропью. Сумма внушительная, на пятерых снайперов хватит в избытке.

Кинул он тебя... Не смог ты его просчитать. Мне от этой мысли вот прямо тепло на душе становится.

Теперь живи с этим и оглядывайся.

Виктор»

Во многом я, конечно, врал. И про засаду, и про килограмм золота. Но ведь Фролову об этом знать не надо! Зато про покойного Фоменко – чистая правда. В это Сергей Юрьевич поверит на все сто. Он слишком долго жил и работал со стариком бок о бок, чтобы отмахнуться от таких известий – они как раз вполне в духе дедушки – никому и ничего не прощать в принципе, а я так... прилагаюсь.

...Мой запасной план, в котором я допускал вариант, к огромному сожалению, обойтись без смертоубийства, Зюзя восприняла не то чтобы положительно, но и не возмущалась. Ей, добрячке от природы, претили смерть и боль в любом виде и по любому поводу.

Единственно, ушастая попросила:

– Напиши так, чтобы человек понял, как мы его не любим.

Написал...

Замотал патрон и бумажку в холстину, приладил её на сук повыше. Отошёл, полюбовался. Издалека видно, не заметить не смогут. Почесав в затылке, лично от себя положил на асфальт гранату. Посередине, на уцелевшем куске разделительной полосы. Не заметить нельзя. На обратном пути вместо запрещающего движение знака им будет.

Привычно проверил снарягу, попрыгал. Нормально. Ничего нигде не звенит. Постираться бы... Потом за эти дни насквозь пропах. Обратил внимание на порывевшие от непрерывной эксплуатации сапоги: старенькие совсем, поизносились. Левый скоро каши запросит. Менять пора.

Мелочи...

Поправил сбившуюся от цеплявшихся веток повязку на правой глазнице, расправил плечи.

Вот теперь всё. Пришло время Мурку проведывать...

Эпилог 1

На небольшом пирсе, уходящем в лазоревую гладь океана, под роскошным, цветастым пляжным зонтом в расслабленных позах сидели двое мужчин. Дул лёгкий, солоноватый бриз, в вышине, покрякивая хрипловатыми голосами, изредка напоминали о себе чайки. Вдалеке белела крупная, не менее тридцати метров в длину, суперсовременная яхта, завораживая неискущённого наблюдателя своими обтекаемыми формами.

Каждый из релаксирующих удобно развалился в плетёном, желтоватом кресле, между ними расположился небольшой стол, на столе – пара бокалов с прохладными, кремовыми коктейлями, прикрытыми бумажными зонтиками.

Немого позади, как раз на таком удалении, когда расслышать разговор нельзя, а вот увидеть жест или услышать лёгкий окрик вполне можно, прямо под палящим солнцем высколено замер бармен в классической белой рубашке с бабочкой, идеально отутюженных чёрных брюках и лаковых, не по погоде, туфлях. Перед ним распахнула своё алюминиевое нутро передвижная стойка с холодильником, двумя рядами ослепительно чистых бокалов, кофе-машиной и блендером. Рядом с барменом, демонстрируя выправку, стоял официант, почти точная копия своего коллеги по сфере обслуживания. Даже причёски у них были схожие – аккуратные, короткие, волосок к волоску. Он зорко следил за тем, чтобы напитки у сидящих не заканчивались и, не рискуя подходить без приглашения, терпеливо ловил взглядом малейшие намёки на то, что пора принять очередной заказ.

Казалось, ни жара, ни бьющие в темя лучи не беспокоят обслугу и единственное, о чём они смеют мечтать – это оставить клиентов довольными предоставляемым сервисом.

Сидящие же, несмотря на приятельские отношения друг к другу, между собой разнились сильно.

Один – крепкий, мускулистый, загорелый мужчина лет тридцати с волевым, угловатым лицом и вечным прищуром слегка азиатских глаз. Одет просто – широкие, цветастые шорты, льняная белоснежная рубашка, расстёгнутая почти до середины груди, пляжные тапочки. Второй – старик. Худой, лысый, с мелкими пигментными пятнами по всем видимым участкам тела. Глубоко за семьдесят – точно, а там... кто знает? Одет, как и его собеседник – тапки, шорты, рубашка – только у него она была салатная, в большие красные горошины. На пол-лица – солнцезащитные очки. А ещё ему было весьма неуютно в этих легкомысленных, расслабляющих вещах. Старик постоянно, думая, что этого никто не замечает, украдкой бросал удивлённые взгляды на свои бледно-белые, в синих прожилках вен, ноги, узловатые артритные руки, изредка трогал пальцем лёгкую ткань шорт. Точно не верил себе, не верил в происходящее.

– Нормально добрался, Женя? – не глядя на соседа, хрипловатым, привыкшим командовать голосом поинтересовался тот, что помоложе.

– Да, не жалуюсь, Серёжа, – ответил ему дедовский фальцет. – Нормально. Встретили, разместили. Не ожидал... если честно.

– Ты заслужил. Ну и я о тебе не забыл, как видишь. Старый друг лучше новых двух. Сколько ты там, во глубине Сибирских руд просидел? Десять лет?

Старик взял свой бокал, сделал маленький глоток. Пить он не слишком хотел, однако ему нужно было время, чтобы загасить всю ту эмоциональную бурю, разразившуюся после упоминания слитого в «никуда», по его мнению, времени.

– Тринадцать. Тринадцать лет на задворках страны. Безвылазно.

Сквозь последнее слово, против воли отвечающего, пробилась неприкрытая горечь. Более молодой на это никак не отреагировал. Ему, казалось, было плевать на эмоции

приятеля.

– И как там? -- без интереса спросил он, подтверждая собственное равнодушие.

– Нормально. Склады в сохранности, боеголовки в идеальном состоянии, все работы по регламенту. Ты же меня знаешь...

– Знаю, – подтвердил мужчина. – И верю. Потому ты здесь, – и сменил тему. – Ты на процедуры записался уже?

– Нет ещё. Сказали, завтра с утра.

– Только умереть до завтра не вздумай, – хохотнул тот, кого назвали Сергеем. – Обидно будет за полсуток до полного капремонта скопытиться.

Теперь уже засмеялись оба. Сделали по глотку. Моложавый продолжил:

– Что, старость не радость? Колени болят, на погоду суставы ломит, поджелудочная уже не пошаливает, а во всю веселится? Ничего, через месячишко об этом позабудешь, а через годик и на девочек засматриваться станешь, да и они на тебя.

Старик по имени Женя вздохнул.

– Скорее бы... Устал я жить прошлым, воспоминаниями старпёрскими. Хочется настоящего. Такого, как в молодости. Помнишь?

– А то! И общагу, куда в гости залезали по ночам, и драку на танцах, где ты пьяный с поселковыми на разборки полез и наблевал их заводиле прямо на новенькие клёши... Хорошее было времечко. Ладно... Повторим! Не как раньше, но в клуб обязательно сходим. Ты, для начала, собой займись... Ладно! Хватит вокруг да около ходить! У тебя, Женя, я думаю, вопросов полно. Не стесняйся, задавай. От тебя у меня секретов нет.

Старик состроил скептическую ухмылку. Говоривший счёл нужным уточнить:

– Точнее, есть, конечно. Сам понимаешь – я же министр! Но в общих чертах – нет. Если на что-то не смогу ответить – так тебе и скажу. И... я рад, что ты здесь. Скучал.

Моложавый говорил искренне. Во всяком случае, пожилому хотелось в это верить. Очень. Немного помявшись, по старой номенклатурной привычке обдумывая каждое слово, он, едва напрягшись от услышанного предложения, поинтересовался:

– Серёж, а как вообще всё произошло? Ну, с инопланетянами этими, с Мором, с тварями... Я же, сам знаешь, на закрытом режимном объекте сидел по сам знаешь чьему приказу. Новости узнавал или по телеку, или от тебя. Но ты, прости конечно, не слишком болтлив был в те дни.

И умолк, ожидая чего-то... нереального. Или, напротив, лежащего на самой поверхности, под самым носом, настолько обыденного, что самому станет стыдно из-за собственной недогадливости.

Вопрос вызвал усмешку собеседника, однако отшучиваться мужчина не стал, отнёсся к интересу приятеля серьёзно.

– Контакты с пришельцами на более-менее официальном уровне имелись ещё с конца прошлого века. Ну, как, контакты... Автоматический зонд с нами на связь вышел. Вступил в переговоры в стиле: кто да что, да о чём мечтаем. С большими паузами в ответах. Само собой, никто об этом особо по телеэфирам не кричал и информацией,

даже минимальной, владел исключительно узкий круг лиц. У нас, в Америке, в Китае... Они ко всем наведывались, прекрасно понимая существующие на планете порядки. Поначалу – осторожно, потом – по накатанной.

– Зачем? За полезными ископаемыми? – делая очередной глоток, уточнил старик Женя, чем до глубины души развеселил приятеля.

– Нет. Ты фантастики перечитал, дружище... В таком ракурсе мы им не интересны. На любом планетоиде этого добра или заменителей пруд пруди. Какой угодно астроном тебе подтвердит... Да и далеко мы от них. Насколько – не знаю, но наши убогие ископаемые им точно не интересны. Хотя, конечно, без ресурсов дело здесь не обошлось. Напрямую никто не говорил об этом... Ресурс, – после небольшой паузы выдал Сергей, – это мы с тобой. Люди. Разум. Во всяком случае, наши аналитики в этом единодушны. Потому и скотинкам мозги активировали – для пополнения этого самого ресурса. Ну или просто посмотрели, как какой-нибудь «поумнитель» правого борта работает после капремонта.

Мужчина сделал медленный, тягучий глоток, давая старику осознать услышанное. Поморщился – тропический воздух основательно растопил лёд в бокале, делая коктейль водянистым и заметно потеплевшим.

Вверх вяло поднялась рука и рядом с сидящим тут же материализовался официант, всем своим видом демонстрируя желание услужить.

– Повтори.

Новый бокал на столе возник почти сразу. Человек, доставивший его, поспешно вернулся на своё место, рядом с барменом. Почти не дыша, замер в ожидании новых пожеланий отдыхающих. Приятели снова остались одни.

– Сразу отвечу – для чего им это понадобилось? – сделав новый глоток и причмокнув губами от удовольствия, продолжил моложавый. – Вполне логичный вопрос, как по мне... Мы думаем, нас оставили в покое про запас. Может, когда-нибудь привлекут как колонистов, новые миры осваивать и заселять. Может, в качестве пушечного мяса в чужих разборках. А может и не вспомнят о нашей Земле в обозримом будущем. Почему нет? Человечество им не враг, не соперник – технически не потянем. Ценностей, хоть что-то значащих для пришельцев, у нас, в лучшем случае, тоже кот наплакал.

– Тогда зачем прилетали? – удивился старик.

– Контакт наладить, осмотреться, разведать данную часть космоса, изучить местную флору и фауну, перепроверить ранее полученные данные на месте, сделать выводы, прикинуть, какую из нас можно извлечь пользу, возможно – застолбить за собой открытые территории, оценить потенциал и возможности аборигенов, да мало ли... Это я тебе так, сходу называю наиболее вероятные причины. В докладной записке их на сорок страниц расписано, и это только тезисно, без пояснений. Дам почитать, если захочешь, потом... Когда звёздные гости определились с основными моментами – вошли на кораблях в атмосферу, показать туземцам своё могущество и, заодно, озвучили щедрое предложение, от которого, естественно, никто не посмел отказаться: они делают из нашей планеты своего рода маяк для навигационных целей, взамен – новые технологии. Те, о которых мы и мечтать не могли.

– Погоди, погоди, – засуетился тот, кого завали Женей. – Не так быстро. Давай про маяки попонятней. Если можно, – тут же добавил он, осознав, что сейчас, возможно, хватил лишнего. Дружба дружбой, но о своём шестке на иерархической лестнице забывать нельзя.

– Можно, – его собеседник пожал плечами. – Отчего нет? Помнишь, была серия репортажей про такие зелёные штуки, по форме похожие на кукурузные початки?

Согласный кивок.

– Вот это они и есть. Посылают в космос лучи, помогая кому-то там, за десятки световых лет, вносить поправки в курс. Неужели ты думаешь, что между звёзд болтаться можно вот так, запросто? Да корабли в море, находясь в одном квадрате, и то не всегда сразу находят друг друга, а там – совершенно другие расстояния. Работают эти штуки автономно, ещё и воздух очищают. Сломать их, или уничтожить нам не под силу, да и незачем. Стоят себе, никому не мешают.

– А если врут? Если в них...

– А что ты сделаешь? – немедленно парировал более молодой. – Солдатики с лопатами пошлешь? Пусть выкопают и на склад сдадут? Там всё серьёзно. К тому же, нам чётко и недвусмысленно дали понять – не нужно к ним лезть со своими шаловливыми ручонками. Ходить рядом – можно. Пальцем трогать – на здоровье. Портить – нельзя. Мы поначалу попробовали по-тихому – система защиты сработала. Все выпущенные нами снаряды, против всех известных законов физики, в разные стороны летят, меняя траектории прямо в полёте. Химическое оружие вообще никак не работало. Оставалось лишь ядерный взрыв устраивать и, по ходу дела, пособачиться с визитёрами. Но до такого идиотизма мы не докатились... Потому решили сделать морды кирпичом и ни к чему не иметь отношения. Тем более хозяева и сами не настаивали на охране своих объектов. Им даже разрешение наше не особо требовалось. Так... уведомили по факту... Неужели ты думаешь, будто мы здесь без присмотра? Спутники чётко показывают – на орбите несколько автономных зондов висит. Не наших. Мы тут пукнем, а там, – указательный палец указал в небо, – на молекулы разберут и развёрнутый анализ содержимого наших кишечника сделают.

– Спутники работают?! – удивился мужчина в возрасте.

– Конечно. Что им сделается? Ты же со мной все эти годы по сателлитной связи общался. Забыл?

– Но электроимпульс...

– Нужен был. Программу СОИ помнишь? Вот она и вырубилась нахрен всё лишнее. Никто её в Штатах не сворачивал, продолжали вести разработки. Плюс мы, плюс азиаты... Оружие будущего в действии. Не торопи, я тебе последовательно всё расскажу. Вернёмся к технологиям, полученным от инопланетян. Когда учёные с ними ознакомились, то пришли к выводу, что работы с новыми знаниями им лет на пятьсот-шестьсот, не меньше. Биоинженерия, физика, химия... много всего. Первым делом, конечно, за здоровье взялись. Никто из нас не молодеет, по тебе видно.

Колкость, осознанная или нет, была пропущена стариком мимо ушей. Он жадно слушал Сергея.

– Первые результаты появились почти сразу. Омоложение. Не косметика, не вялая поддержка дряхлеющего организма, а именно на клеточном уровне. Я – живой пример. Прохожу раз в две недели парочку процедур, и как новенький. Могу совсем юнцом стать, могу, наверное, ребёнком... Не пробовал. Мне и так хорошо. Теоретически можно жить вечно. Основа методики – как ни странно, та же, что и у маяков. Регенерация. Они ведь по своей сути полуживые, что-то вроде дерева с определёнными функциями. Партнёры пришли к таким же выводам.

– Но что будет после того, как освоите плату за прокат Земли?

– Технический потолок. А потом для развития науки потребуются принципиально новые открытия в областях, о существовании которых мы сегодня и не предполагаем, – спокойно ответил моложавый. – Потому и дали нам знания, как разукрашку первокласснику. Давно понятно – выше определённого уровня человечеству никто

подниматься не позволит. Были набором неорганизованных муравьишек – станем обычным муравейником. Не больше... Ну и что? Я и ты – здесь и сейчас, а не через половину тысячелетия. Там видно будет... Когда верховные новый расклад осознали – провели встречу на высшем уровне. Негласную. Так-то раньше все задами толкались, друг другу ножку подставить не могли, а тут сплотиться пришлось... Предложение изменить миропорядок витало в воздухе давно, однако озвучить его вслух решились именно индусы. У них там вечно с перенаселением проблемы. Посидели, покумекали, прикинули – получилось, много нас на планете. Всем всего не хватит. Технологии ведь развивались и без пришельцев. Плохонько, убогонько, но тем не менее. Тормозить искусственно приходилось...

– Почему?

Мужчина зевнул, с удовольствием потянулся.

– Возьмём утрированные цифры. Для понимания. Чтобы создать автомобиль сто лет назад требовалось... ну, пусть будет тысяча человек. Пятьдесят лет тому – пятьсот. За год до официального визита инопланетян – двести. Роботизация, унификация, механизация и всё такое. Прогресс, одним словом. Завтра – десяток потребуются, от силы. Как следствие – актуальнейший вопрос: «Куда девать остальных, ненужных для производственного цикла?» У них семьи, тещи – всех кормить надо. И человечество ведь в объёме только увеличивалось. Пусторожество становилось основной угрозой будущему. В деревнях – почти никого, а города-миллионники не голодали. Почему? – продуктовый вопрос решили. Генной инженерией, умными комбайнами, удобрениями... Оставалось два варианта – или кормить всю эту биомассу почти бесплатно, ожидая, когда она революциями развлечётся начнёт, или, – тут он сделал резкий, рубленый жест рукой. – Решать один раз. Людское поголовье в разное время по-разному сокращали – не мы первые, кто к таким выводам пришёл. Негров – вечными войнами между собой, цивилизованный мир – вирусами разными, но аккуратно. Больше изучали действие в массах. Отлично сработала идея эгоизма – живи для себя, путешествуй, развивайся. Рождаемость таким образом сбивали. Понимаешь, у папы и мамы для поддержания определённого уровня народонаселения в стране должно быть не менее трёх детишек. Сократи до одного-двух – и через пару десятилетий общая возрастная планка в государстве сильно повысится, образуется множество пенсионеров, которых попросту некому будет обслуживать. С этим тогда даже перестарались, слишком рано запустили тему – пришлось беженцев всяких с Ближнего Востока завозить. Те плодятся – как кролики... Короче, после первых результатов по отмазыванию прожитых лет назад – решились на кардинальные меры.

– Но ведь люди... – не то чтобы с жалостью, скорее, больше для констатации факта протянул старик.

Такое замечание вывело рассказчика из себя. Со стороны никто бы ничего не заметил, однако приятели слишком хорошо знали друг друга и умели читать эмоции по лёгким особенностям движений лицевых мускулов, без слов.

– Люди? – неожиданно резко бросил моложавый. – Ты когда этих людей в последний раз видел? Пиво в пивнухе пил? Просто так, зайдя после работы? В автобусе ездил? В лес, на шашлыки ходил? Не морщи ум – не вспомнишь. Вся твоя вторая половина жизни прошла под госохраной, в закрытых ресторанах и клубах, а на городские бульвары с теми самыми людьми ты пялился лишь из окошка лимузина. Люди? – снова повторил он, не пряча раздражения. – Кто они тебе? Семья – понятно, надежда и опора. Те, которые тебе нужны и которым ты обязан. Остальные – общая, безликая масса, прямоходящий комок ненависти к тем, кто может жить лучше. Думаешь, дай этим самым «людям» волю – и тебя не вздёрнули бы без суда и следствия на ближайшем дереве как зажавшуюся скотину? – вопрос был явно риторический. Тот, кого звали Сергей, сам же на него и ответил. – Вздёрнули бы. Потому что мы и есть зажавшиеся. Мы отжали себе всё, до чего смогли дотянуться, и правильно сделали! Никто из упоминаемых тобой «людей» не будет содержать твоих близких, случись что... Понимаешь? Без палки власти всем на

всё насрать! Забился в свою норку – и сидит, ненавидит всех за всё. Плюнь на них, о себе вспомни... Во время мора и после ты думаешь, люди соблюдали вполне понятную им самоизоляцию, организовывались, что-то делали умное и правильное? Да чёрта с два! Грабили друг друга, резались с соседями, вымещали на окружающих свои былые обидки. Каждый сам за себя, и класть на всех вокруг! Из-за этого и передохли в подавляющем большинстве, а кто хотел, кто поумнее был – выжил.

Чувствуя, что разговор заходит куда-то не туда, старик поспешил сменить тему:

– Пусть их... сделанного не воротишь. Как я понимаю, потому и от оружия избавлялись со всем усердием, чтобы уцелевшие третью мировую не развязали сдуру?

– Угу, – промычал собеседник, делая глоток. – Правильно понимаешь. Основные игроки хоть и договорились о разделе пирога, но политика ядерного равновесия, конечно, осталась. У всех. Базы АПЛ функционируют штатно, как и сами лодки, остальной флот тоже. Просто перебазировался южнее, под Филиппины. У остальных – то же самое. Думаешь, мы от скуки целый год суетились со всеми этими постоянными кадровыми пертурбациями, планами, заседаниями? – старик понимающе ухмыльнулся, Сергей понимание оценил. – Нет. Кого надо – вывезли, что надо – спрятали. Где надо – подготовились. Пример – твоя база. Ты же в полной консервации сидел, на всём готовом. Перед началом вагонами всё необходимое принимал. Ни в чём ведь не отказывали...

Тот кивнул.

– Было дело. Если бы не изоляция – жили бы как в раю. У меня же шестьсот человек в подчинении имелось, без баб и детишек. И кинотеатр, и ясли, и бассейн.

– Вот-вот! А я о чём? Все подготовились. Свезли нужных спецов куда кто планировал. Китайцы – в Африку, они её под себя подмяли. Пендосы – в Южную Америку. Индусы никуда не пошли – сразу по соседям рванули и сходу увязли в мелких войнушках, идиоты... дался им тот Пакистан. Мы – тут. На почти экваториальных островах.

– А местные где? – с любопытством спросил пожилой. – Я, признаться, давно негров не видел. Что-то захотелось на экзотику глянуть.

Ответа не последовало. Мужчина лишь взмахнул кистью в интернациональном движении, демонстрирующем сметание фигур с доски.

– Понятно. И сколько же уцелело из наших?

– Миллион с хвостиком. Это из тех, кого по заранее подготовленному плану вывезли. Ещё тысяч десять по стране. Я говорю не о выживших, – счёл необходимым уточнить моложавый. – Исключительно о тех, кто входил в определённые планы по эвакуации и поддержанию жизнеспособности определённых объектов. По типу твоего.

– И не злоумышляют спасённые? Для них ведь, наверное, ничего не поменялось. Как жили внизу пищевой цепочки – так и живут. Не могут же они вечно радоваться выпавшему шансу?

– Не бойся. Им и в голову не придёт глупостями заниматься. Спецы из Microsoft не зря свой хлеб ели. Видишь тех двоих? – кивок головой в сторону потеющих на солнцепёке бармена и официанта. – У каждого чип вживлён, связанный с головным мозгом. Начнёт плохим заниматься – закончится по щелчку оператора. На удобрение пойдёт. Технология, конечно, сыrovатая, но вполне рабочая. Вполне, – заключил тот, что помоложе. – Тебе тоже поставят. Извини, но без этого в нашем новом и прекрасном мире – никак. И у меня сия финтифлюшка имеется. У всех стоит, кроме, – неопределённое движение кистью руки в воздухе. – Ну, ты понял... Ничего, нормально живём, не беспокоит. Давай-ка обновим.

Снова возник официант и заменил коктейли на холодные.

– Всё равно не понимаю – как инопланетяне дали вам... зачистить ареал нашего обитания? – спросил старик, даже не прикасаясь к бокалу.

– Ты про тотальный контроль с их стороны? Не льсти себе. В их понимании мы не те персоны, за которыми нужно следить. Да хоть взорвём планету! – им от этого ни холодно, ни жарко. Беспокойство мелкое, разве что. Перебазируются на Марс или Луну. Новые маяки расставят, посложнее и понадежнее. Только и всего. Я же тебе говорил: мы – ресурс, причём не самый важный, не золотой запас. На нас и внимания толком никто не обращает. Если имеешь другое объяснение – выкладывай. С удовольствием послушаю.

– Хорошо, хорошо, – в успокаивающем жесте поднял обе руки отзывавшийся на имя Женя.
– Пусть так. Мне другое интересно – неужели никто из оставшихся ни о чём не догадался? Ты так спокойно говоришь про эвакуацию, про уничтожение оружия...

– Обязательно догадались. Непременно. Себя вообще не нужно ставить умнее других. И что? На хлеб догадливость намазывать? Вся разница в том, что у нас были возможности и чёткий план действий, разработанный до мелочей, а у догадливых всего лишь их мысли. Ну и как они нам помешали? Что сделали? Растеклись сознанием по древу? Обличили лишний раз? Да пошли они... Никто ничего толком и не понял. Вывозили мы людей резко, не давая времени на долгие сборы. Информационная компания велась грамотно. К тому же твари начали понемногу на обывателей охотиться. Инопланетяне хоть и велели «миру мир» с животными делать, только они первые начали! Подарок судьбы! На них можно было что угодно списать – самооборона в чистом виде...

– Разве тварей не изучали?

– Изучали. Первые месяцы данное направление было даже одним из приоритетных. Не хватило времени. Взрослые животные на контакт не шли, лишь избранные единицы и очень плохо. Потом кто-то додумался со щенками работать, воспитывать, как маленьких детей – это тоже процесс не быстрый. Пока зверюшки вырастут, пока профессора поймут, как с ними правильно общаться... Короче, забросили до поры это дело. На «потом» оставили. Страной нужно было заниматься. Знаешь, есть такой термин «управляемая паника»? Это когда за внешним бардаком стоит чёткая организация...

– Да, знаю, о чём идёт речь.

Собеседник лениво прикрыл глаза, давая понять, что доволен ненужностью разъяснения базовых терминов по управлению государством.

– Прошло штатно. Без особых проблем. Чтобы всё разрушить – иногда достаточно просто ничего не делать. Самоотёка вполне хватает. Телевизора с его страшилками про тварей. Дальше знаешь. Мор и прочие мелкие неприятности... Да! Кто выпустил – не спрашивай. Тот случай, когда не отвечу. Но скажу... на такой эффект никто не рассчитывал, штамм мутировал быстрее, чем мы чешемся. Слишком большой перебор вышел... Никто столь глубокой жопы не ожидал. Сами перепугались... – в океанскую гладь полетел плевков досады. – Давай тему сменим!

– Угу... Конечно, – пожилой наиграно растянул рот в улыбке, стремясь показать, что он уже и забыл о половине услышанного. – Зачем в такую даль забрались? Неужели у нас медвежьих углов мало?

– По-твоему, лучше гнус в тайге кормить или белых медведей палкой отгонять? Любая эпидемия всегда имеет... фактор неожиданности. Поэтому отдельный остров внушительных размеров с мощной системой ПВО и мягким климатом гораздо предпочтительнее родных осин. К тому же, теперь это наша земля. Не чья-то, а именно

наша. Так что мы в какой-то степени у себя дома.

– Н-да... к-гм... ты прав... просто... – прочистив горло, признал старик. – Назад собираетесь? Обратно?

– Конечно. Не век же на океан любоваться.

– Когда?

– Скоро... Лет через пятнадцать – двадцать. Привыкай к таким временным понятиям. Это раньше мы спешили жить, боясь ничего не успеть. Теперь по-иному. Подготовимся правильно; организуем пару-тройку мелких локальных конфликтов – армию поднатаскать; подождём, пока выжившие истоскуются по крепкой власти и непросроченному анальгину. Они там, не поверишь, по старорусскому обычаю частоколами огораживаются! Патриотических сериалов про князей с кочевниками пересмотрели...

– А вот это ты, Сергей, зря, – счёл нужным показать своё «я» старик, чтобы не выглядеть совсем уж безответным. – Рабочая штука. Надёжная. При отсутствии нормальных стройматериалов так и вовсе незаменимая. Да и делается относительно быстро, если руки не из жопы и лес под боком.

– Может быть, – легко согласился собеседник, – не о них речь. Там же сейчас в каждом уезде – по три государства. Пусть пока пободаются, территории для нас подчистят, патроны расстреляют. А мы своих людей расконсервируем, в правящие верхушки постараемся ввести. Уже, кстати, и начали. Скоро год, как один из наших резидентов принял в Россию возрождать. Молодец, толковый оперативник. Власть под себя подмял, вояк набрал – готовит плацдарм на будущее. Доброволец, кстати...

Взметнувшиеся от удивления вверх брови дряхлого Жени красноречиво демонстрировали непонимание.

– Это... как?

– Да ФСБшник бывший... При эвакуации он в штатку счастливчиков не попал, однако как-то узнал о подготовке и сумел выкрутиться – предложил свои услуги в качестве агента на месте. Взамен – безопасность для его родни. Ответственный за вывоз толковый попался, согласился. Семейство силовика, как и договорились, здесь. Раз в три месяца они общаются по спутниковой связи. Оставили ему аппарат. Сам же новоявленный Штирлиц сидит в каком-то Фоминске, регулярно докладывая об обстановке. Раньше за безопасность отвечал – так удобнее было сведения собирать, не отвлекаясь на хозяйственные дела, однако что-то там пошло через одно место – и он у власти оказался. Диктаторствует понемногу.

– Ну а твари? Ты же за время нашей беседы о них вообще не упоминал! Если начнут резню, как раньше...

– То получат по соплям, – подхватил рассказчик. – Ты правда боишься их? Дроны почистят леса и поля, если понадобится. Охотники развлекутся, постреляют заек с волчишками. Душу отведут. К тому же, животинки – чрезвычайно удобный внешний враг. Проверенный. Он и потом понадобится, вместо злых американцев. Ты что, действительно думаешь, что получившие разум настолько опасны?

– Я-а...

– Женя, не тупи! Они были не в том количестве, чтобы всерьёз угрожать. Я же тебе говорил – телевизор и управляемая паника... Ну, ну?! – молодежавый покровительственно растрепал приятелю редкие волосы на голове. – Дошло?..

– Дошло. Война третьего тысячелетия... врага и победителя оглашают в девятичасовых

новостях, а победные или кровавые кадры снимают, не выходя из павильонов... Шикарно сработано, я ведь по-настоящему верил, что их миллионы и все нас сожрать хотят.

– Ага, профессионально получилось, в кои то веки... Так что пусть четвероногие пока бегают помаленьку. Пригодятся. Места всем хватит.

– Ну а когда вернётесь? Вернёмся... – тут же поправился старик. – Что по плану? Возрождение великой и могучей?

– Зачем? Мы уже велики и могучи. С соседями нам пока делить нечего. Политическая карта поменялась. Свободных пространств в избытке.

– Растолкуй...

– Рай для избранных будет. Так понятно?

Новость не то чтобы сильно удивила старого мужчину, однако немного озадачила.

– Пусть... Но ведь выжившие... там, на материке. Что их ждёт?

Моложавый неторопливо отпил из бокала, долго всматривался в ритмично бегущие волны и, словно самому себе, негромко сказал:

– Резервации. Чипы. Контроль рождаемости. Всеобщее благо в приказном порядке. Тех, кто не согласится – мясорубка.

Эпилог 2

– Дошли...

– Угу. Дошли...

Мы стояли посреди бескрайних просторов предгорий Среднего Урала и не могли поверить своим глазам. Высокая, с прозеленью, похожая на вытянутый вертикально вверх указательный палец, длиной метров в семьдесят, штуквина преспокойно смотрела в небо, возвышаясь над окружающим её лесом как девятиэтажка над сараем.

До неё оставалось ещё не менее семи-восьми километров, однако это расстояние после пройденного казалось нереально маленьким, несерьёзным.

...Уже сентябрь. Много случилось с начала лета, многое пришлось пережить. И нападение банды, и лесной пожар, чуть не стоивший нам жизни, и неизвестную кишечную инфекцию, от которой крепко досталось всем... Про то, как перебирались через Волгу и вспоминать не хочется.

Преодолели, не сдались. И вот мы здесь...

– Жаль, она, – мордочка кошки Мурки, – не захотела с нами, – не отрывая глаз от невиданного зрелища, Зюзя вспомнила про оставшуюся там, вдалеке, разумную.

– Я предлагал ей пойти с нами.

– Помню. Она ответила: «Нет».

Из чащи вынырнул Волк. Нетерпеливый, с гордо задранной мордой. Обошёл нас по кругу, пристроился рядом с доберманом, что-то ей сказал.

Речь серого весьма взбудоражила мою подругу. Она заинтересованно посматривала на

своего избранника, а тот, расправив грудь, важно глядел вдаль тем самым небрежным, мужским взглядом героя, который так нравится женщинам. Имеет полное право. Именно он сегодня виновник торжества.

Без него нас бы здесь не было.

Пока мы с ушастой изо дня в день всего лишь измеряли ногами очередные тысячи шагов, он ухитрялся успеть разведать прилегающие территории, навести контакты с разумными, собрать всю возможную информацию и добился своего. Нашёл Место.

Спасибо мохнатому и за Заволжский Слизень, который я так и не увидел. Не знаю, как, но Волк сумел узнать о том, что там уже есть обитатели и нас никто в гости не ждёт. Кто там обосновался – люди или твари, осталось для меня загадкой. Показанные мыслекартинки из кривого забора, гор мусора, множества черепов на палках и непонятный рёв не менее полусотни глоток говорил всё же, что обитатели ближе к людям.

Серый вообще оказался неплохим парнем, хотя и с ершистым характером. И ругались мы с ним, и мирились, и даже как-то едва не подрались. Доберман вмешалась, разогнала нас... Зато притёрлись друг к другу, научились доверять.

Узнав последние новости, Зюзя обратилась ко мне:

– Мы хотим пойти посмотреть. Он говорит, нет ничего опасного и интересно.

Ну как я мог возражать? Представляю, насколько тяжело им, рождённым бегать, сейчас плестись с моей скоростью. Там новое, неизведанное...

– Конечно идите.

Ставшая неразлучной за это лето парочка унеслась вперёд, грациозно перемахивая через бурелом и быстро растворилась в листве, оставив меня одного.

Оно и к лучшему. Им и без меня неплохо. Пусть порадуются, пока есть возможность...

А я, весело насвистывая нечто бравурное, принялся прикидывать порядок строительства нашего будущего жилья и попутно размышлял, где раздобыть килограмм золота.

На всякий случай.

Ничего ведь ещё не закончилось?..

Конец